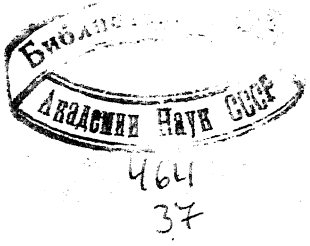
Іоанна, епископа Смоленскаго.

О МОНАШЕСТВѢ ЕПИСКОПОВЪ.

ПОЧАЕВЪ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1904.

БХ
542

Отъ духовной цензуры печатать разрѣшается.
Цензоръ Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Харитонъ*.



464
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преосвященный Іоаннъ (Соколовъ), епископъ Смоленскій, по окончаніи курса въ Московской духовной академіи вторымъ магистромъ въ 1842 году, оставленъ былъ при академіи баккалавромъ по нравственному и пастырскому богословію, откуда чрезъ два года съ небольшимъ переведенъ въ Петербургскую академію на церковное законовѣдѣніе, и здѣсь былъ назначенъ инспекторомъ. Въ 1853 г. получилъ степень доктора богословія за сочиненіе: «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія». Затѣмъ, онъ былъ ректоромъ Петербургской семинаріи (1855—57 г.), Казанской академіи 7 л. (1857—1864 г.) и, наконецъ, Петербургской академіи, оставаясь въ тоже время профессоромъ богословія. Въ 1865 году онъ посвященъ во епископа, съ назначеніемъ викаріемъ Выборгскимъ, а въ 1866 году назначенъ епископомъ въ Смоленскую епархію, гдѣ прослужилъ съ небольшимъ два года и скончался скоропостижно 17 марта 1869 г.

Человѣкъ въ высшей степени даровитый и многосторонній по способностямъ, по характеру вообще непреклонный и самостоятельный, въ оффиціальныхъ же отношеніяхъ большею частію сухой и даже суровый,—преосвященный Іоаннъ прежде всего извѣстенъ, какъ замѣчательный церковный ораторъ и талантливый духовный публицистъ, которому приписывается открытіе новой эпохи—жизненно-практическаго направленія въ проповѣди и стремленія освѣщать и оцѣ-

нивать въ духовной журналистикѣ факты общественной жизни съ религіозно-нравственной точки зрѣнія; въ тоже время онъ прославился и какъ ученый профессоръ, творецъ системы церковнаго законовѣдѣнія и глубокомысленный богословъ, обладавшій блестящей діалектикой и тонкимъ философскимъ анализомъ, оригинальной аргументаціей и свободной, сильной ораторской рѣчью. Въ печати имѣются его «Поученія», а также «Академическія лекціи по Догматическому и нравственному Богословію».

Настоящее изслѣдованіе Преосвященнаго Іоанна *О монашествѣ епископовъ* впервые было помѣщено въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» за 1863 годъ и явилось отвѣтомъ на горячо обсуждавшійся въ то время вопросъ о допущеніи во епископы лицъ, находящихся въ супружествѣ. Авторъ со свойственною ему широтою познаній и силою мысли доказываетъ, опираясь на историческіе факты и каноническія постановленія, что епископы въ православной церкви непремѣнно должны быть монахами.

Такъ какъ разсматриваемый вопросъ не утратилъ своего интереса и по-нынѣ, а между тѣмъ пользоваться изслѣдованіемъ изъ стараго журнала неудобно, да и не всѣмъ интересующимся доступно, то и предпринято настоящее изданіе его отдѣльной книгой.

О МОНАШЕСТВѢ ЕПИСКОПОВЪ.

Несомнѣнно, что въ первые четыре вѣка христіанства епископы могли быть въ супружествѣ. Но это не было ни правиломъ, ни общимъ обычаемъ; не было даже въ большинствѣ епископовъ. Супружество оставалось только въ меньшинствѣ ихъ, и въ самомъ началѣ христіанства допущено было только какъ снисхожденіе, необходимое по обстоятельствамъ времени; ибо безбрачіе и дѣвство, малоизвѣстное и вовсе необычное въ древнемъ (іудейскомъ и языческомъ) мірѣ, не могло вдругъ, по причинѣ самой высоты и строгости своего подвига, утвердиться въ новообращенномъ обществѣ, между тѣмъ какъ епископовъ, да и весь клиръ, по необходимости нужно было избирать изъ сословій общежительныхъ. Долго еще, почти до V вѣка, не только состояніе духовной іерархіи (разумѣемъ жизнь пастырей и служителей Церкви частную и общественную, а не внутреннее, церковное устройство священноначалія) не было и не могло быть подчинено исключительнымъ правиламъ, но и самое состояніе безбрачія и дѣвства, добровольно избираемое мірскими христіанами, еще не было опредѣлено точными правилами. Доказательствомъ можетъ служить то, что въ первые вѣка сами аскеты посвящавшіе себя дѣвству, молитвѣ и постничеству, могли невозбранно оставаться въ кругу семейномъ и общественномъ. Такимъ образомъ супружество епископовъ въ первые вѣка должно быть понимаемо вовсе не какъ совершенство церковнаго устройства и управленія, а скорѣе какъ несовершенство, по крайней мѣрѣ неопредѣленность. Вѣрность нашего сужденія

подтверждается VI вселенскимъ соборомъ, который, положительно требуя отъ епископовъ безбрачія, замѣчаетъ, что онъ это дѣлаетъ — «не ко отложенію или превращенію апостольскихъ правилъ, допускавшихъ супружество ихъ, (см. ниже), а имѣя попеченіе о *преуспѣяніи къ лучшему*», и затѣмъ, разширяя кругъ монашества и усиливая значеніе его въ Церкви, тотъ же соборъ указываетъ и побужденіе къ сему—въ томъ, «понеже усмотрено, что *Церковь Божію благодатію пріяла уже большую крѣпость и преспѣяніе, и вѣрные въ соблюденіи Божественныхъ заповѣдей тверды и благонадежны*» (VI всел. соб. 12 и 40 правило). Такъ понимали это и лично отцы Церкви первыхъ вѣковъ. Св. Златоустъ на слова ап. Павла (1 Тим. 3, 2) замѣчаетъ: «то, что говорится здѣсь о супружествѣ епископовъ, не относится къ другимъ временамъ: ибо епископу прилично украшаться совершенною чистотою и святостію; но у іудеевъ и еллиновъ, преданныхъ невоздержанію, самымъ великимъ дѣломъ почиталось и то, чтобы имѣть одну жену: поэтому апостоломъ не законъ положенъ (относительно супружества епископовъ), а только оказано снисхожденіе къ понятіямъ людей своего времени» ([1]). Блаж. Θеодоритъ также (и на тѣже слова апостола) пишетъ: «проповѣдь (христіанства) была еще въ началѣ; язычники не подвизались въ дѣвствѣ; іудеи не дозволяли его, почитая чадородіе благословеніемъ Божіимъ. Итакъ, поелику не возможно было безъ труда найти соблюдающихъ плотскую чистоту, то апостолъ повелѣлъ рукополагать изъ бывшихъ въ супружествѣ, однакожъ только тѣхъ, которые чтили цѣломудріе (т. е. были единобрачны)» ([2]).

Пересмотримъ по порядку времени всѣ относящіяся къ этому предмету церковныя правила и историческіе факты.

Апостолъ Павелъ въ посланіи къ епископу Тимоѳею пишетъ: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу* (1 Тим. 3, 2). Не отвергая того, что эти слова апостола можно относить прямо къ архіереямъ, мы думаемъ съ бо́льшею точностію относить ихъ къ пресвитерамъ: ибо 1) апостолъ, излагая въ этой главѣ обязанности священнослужителей и говоря сначала о *епископахъ*, затѣмъ прямо переходитъ къ

([1]) Бес. на Іова 2.

([2]) Толк. на 1 Тим.

діаконамъ (ст. 8 и слѣд.), о которыхъ повторяетъ тоже правило: *да бываетъ единыя жены мужъ* (ст. 12), но не упоминаетъ о *пресвитерахъ*. А между тѣмъ извѣстно, что въ вѣкъ апостольскій названіе епископовъ прилагалось и къ пресвитерамъ, въ общемъ значеніи духовныхъ пастырей, такъ какъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ и управленіемъ самихъ апостоловъ, по отдѣльнымъ малымъ обществамъ христіанъ гораздо болѣе было (да и нужно было гораздо болѣе) пресвитеровъ, чѣмъ дѣйствительныхъ епископовъ (Дѣян. 20, 17—28).—2) Тотъ же апостолъ въ посланіи къ Титу, именно о *пресвитерахъ*, говоритъ, что они должны быть единыя жены мужи (Тит. 1, 6), и тотчасъже прибавляетъ причину: подобаетъ бо *епископу* безъ порока быти (ст. 7); а что онъ называетъ здѣсь епископами пресвитеровъ, а не наоборотъ, видно тутъ же изъ предыдущихъ словъ апостола; онъ пишетъ Титу: *сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры* (ст. 5). Титъ, какъ епископъ, одинъ не могъ ставить по всѣмъ городамъ острова епископовъ, которыхъ ставили сами апостолы, или соборы епископовъ (2 Тим. 1, 6).—3) Апостолъ Павелъ въ цѣломъ посланіи къ Тимоѳею говоритъ объ отношеніяхъ его только къ пресвитерамъ, ему подчиненнымъ, а не къ епископамъ (1 Тим. 5, 17. 19 и 22); какъ и должно быть; ибо въ Ефесѣ, гдѣ Тимоѳей былъ епископомъ, не было другихъ въ это время епископовъ, и не могло быть, такъ какъ и при апостолахъ и послѣ ставилось обыкновенно только по одному епископу въ городѣ,—и правила того требовали. Къ сему надобно прибавить, что Тимоѳей, поставленный самимъ ап. Павломъ въ епископа, въ молодыхъ еще лѣтахъ, остался безбраченъ, конечно по убѣжденію самого же апостола въ превосходствѣ такого состоянія, какъ видно и изъ того, что апостолъ давалъ Тимоѳею на этотъ предметъ строгія правила, (1 Тим. 4, 12. 5, 22. 2 Тим. 2, 22), между тѣмъ въ другихъ отношеніяхъ оказывалъ снисходительность къ немощамъ плоти; напр. дозволялъ ему употребленіе вина (1 Тим. 5, 23).

Можетъ еще кто нибудь на этотъ предметъ указать слова апостола: *еда не имамы власти сестру жену водити, якоже*

и прочіе апостоли и братія Господня (1 Кор. 9, 5). Здѣсь апостолъ повидимому выражаетъ, что онъ самъ имѣлъ бы возможность и право, если бы хотѣлъ, вести жизнь супружескую, какъ другіе апостолы: а отсюда нельзя ли заключить, что по примѣру апостоловъ и епископамъ бракъ можетъ быть позволителенъ? Но при ближайшемъ разсмотрѣніи словъ апостола въ связи цѣлой рѣчи (въ указанной главѣ) открывается, что апостолъ говоритъ не о супружескомъ сожитіи, а о сопутствіи въ путешествіяхъ апостольскихъ, для проповѣди Евангелія. Какъ въ путешествіяхъ Самого Спасителя за Нимъ слѣдовали нѣкоторыя благочестивыя жены, *яже служаху Ему отъ имѣній своихъ:* такъ и за нѣкоторыми апостолами слѣдовали такія жены, и для возможнаго сотрудничества въ самомъ благовѣстіи, и для служенія въ частныхъ нуждахъ. Св. Павелъ не хотѣлъ имѣть при себѣ такихъ сотрудницъ, по своимъ особымъ соображеніямъ. Самый образъ выраженія: *сестру-жену* показываетъ, что здѣсь разумѣются отношенія совсѣмъ не супружескія, а чисто-нравственныя (1).

Извѣстныя *апостольскія правила* (числомъ 85), заключающія въ себѣ каноническія преданія апостольской Церкви и собранныя въ концѣ II или въ началѣ III вѣка, упоминаютъ о супружествѣ епископовъ. Въ правилѣ 5 сказано: «епископъ или пресвитеръ или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благочестія». Отсюда видно, что въ то время (т. е. въ I и во II вѣкѣ) безбрачіе не было по закону обязательно для епископовъ, что вступившіе на архіерейскія каѳедры изъ женатыхъ людей не обязывались оставлять своего супружества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что мысль о несовмѣщеніи супружества съ священнымъ саномъ и отрѣшеніи послѣдняго отъ перваго уже проникала въ Церковь, проникала сильно, въ самое духовенство, даже не одной епископской, а и всѣхъ его степеней; только нѣкоторые неправильно прилагали такую мысль къ дѣлу: они или по чувству религіозному насильственно изгоняли отъ себя женъ, или

(1) Въ греческомъ текстѣ слово: *жену* γυναῖκα стоитъ безъ опредѣлительнаго члена τήν: знакъ, что говорится о *женщинѣ*—вообще, а не о *женѣ*, въ собственномъ смыслѣ.

употребляли только видъ благочестія, чтобы расторгать непріятный имъ союзъ. Того и другаго не могла одобрить Церковь. Однакожь и правило ничего не говоритъ противъ самой мысли—не только о безбрачіи въ духовенствѣ, но даже о разлученіи уже бывшихъ въ супружествѣ лицъ духовныхъ, какъ скоро это разлученіе было не насильственно и возбуждалось истиннымъ, а не мнимымъ благочестіемъ. Такая мысль, по крайней мѣрѣ относительно высшихъ степеней священства, подтверждается еще слѣдующими апостольскими правилами. Въ 26 правилѣ сказано: «повелѣваемъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными, вступаютъ въ бракъ только чтецы и пѣвцы». Значитъ въ то время уже не мало было безбрачныхъ священнослужителей, хотя и не всѣ такіе выдерживали подвигъ воздержанія и цѣломудрія; но здѣсь особенно важно то, что не только бракъ не считается чѣмъ-то нужнымъ или полезнымъ въ священствѣ, но и допускается только прежде рукоположенія: послѣ же посвященія санъ представляется уже препятствіемъ къ браку. Значитъ—не санъ подчиняется супружеству или сообразуется съ нимъ, а супружество вполнѣ подчиняется сану, и стало быть—чѣмъ выше санъ священства, тѣмъ ниже его супружество. Вотъ гдѣ уже сѣмя правила о безбрачіи высшей степени священства—архіерейства. Вѣрность нашего заключенія утверждается особымъ преданіемъ апостольской и первовѣковой Церкви, не внесеннымъ въ *каноны*, но оставшимся въ мысли и въ жизни церковной. Именно въ собраніи такихъ преданій, извѣстномъ подъ именемъ Климента римскаго, высказано такое сужденіе: «епископу хорошо быть безбрачнымъ; если же не такъ, по крайней мѣрѣ быть изъ единобрачныхъ (ἀπὸ μιᾶς γυναῖκος) (1).

Въ 40 правилѣ апостольскомъ читаемъ: «ясно да будетъ извѣстно собственное имѣніе епископа и ясно извѣстно Господне (т. е. церковное), дабы епископъ, умирая, имѣлъ власть оставить собственное, кому хощетъ и какъ хощетъ, дабы подъ видомъ церковнаго не было растрачено имѣніе епископа, *имѣющаго иногда жену и дѣтей*». Опять видно, что если архіереи того времени были въ супружествѣ, то далеко не всѣ, что это не было ни

(1) См. Reliquiae juris eccles. antiquissimi. ed. de Lagarde. 1856. 77.

правиломъ, ни общимъ обычаемъ, и даже было рѣдко; только *иногда* встрѣчался епископъ, имѣющій жену и дѣтей.

Наконецъ, 51 апостольское правило говоритъ: «аще кто епископъ или пресвитеръ или діаконъ удаляется отъ брака *не ради подвига воздержанія,* но по причинѣ гнушенія, или да исправится, или да будетъ изверженъ». Что внушаетъ и это правило? То, что если не одобряется въ духовномъ званіи гнушеніе бракомъ, какъ чѣмъ-то нечистымъ и богопротивнымъ, то одобряется удаленіе отъ брака—*ради подвига дѣвства и цѣломудрія.* Опять здѣсь важно историческое указаніе на то, какъ сильно было уже въ тѣ времена стремленіе къ безбрачію въ священномъ санѣ; надобно было даже сдерживать это стремленіе въ должныхъ границахъ. И не правда ли, что всѣ эти апостольскія правила, допуская буквально супружество священства, по мысли и сущности своей и фактически гораздо болѣе говорятъ въ пользу безбрачія? Дѣйствительно, уже во II вѣкѣ является опредѣленная мысль о подчиненіи даже *всего* клира безбрачію, какъ *закону.* Отъ этого времени мы имѣемъ посланіе Діонисія, епископа коринѳскаго въ Критъ, гдѣ епископы имѣли намѣреніе ввести этотъ законъ. Діонисій въ своемъ посланіи убѣждаетъ ихъ не спѣшить принужденіемъ всѣхъ клириковъ къ безбрачію, а имѣть въ виду немощи многихъ. Епископы уважили совѣтъ: но съ своей стороны представляли Діонисію, что нужно же преподавать и болѣе твердую пищу и питать клириковъ *болѣе совершеннымъ ученіемъ*, чтобы они, принимая постоянно сладкую пищу ученія, *не состарѣлись въ дѣтской жизни* (1). Извѣстно также, по свидѣтельству историковъ первыхъ трехъ вѣковъ, что въ тѣ времена большимъ уваженіемъ и любовію христіанъ пользовались тѣ пастыри, которые проводили дѣвственную жизнь, и не просто безбрачную, а именно отшельническую (2). Откуда это произошло? На чемъ основывалась самая мысль о безбрачіи священства, даже, говоримъ, не однихъ епископовъ, а всѣхъ священнослужителей? Это происходило изъ самаго существа христіанства, основывалось на духѣ самаго Евангелія. Евангеліе

(1) Евсевія ист. ц. 4, 23.

(2) Евсевія ист. ц. 6, 9, 10.

Христово, по своему существу, по духу всего ученія своего, отвлекая человѣка отъ міра, отъ земли, отъ плоти и стремясь обратить его всецѣло къ духу, къ небу, къ Богу, по этому самому предпочитаетъ безбрачіе супружеству, возвышаетъ дѣвство предъ бракомъ, хотя нисколько не отвергаетъ и не уничижаетъ послѣдняго. Слѣдовательно, по разуму Церкви, проникнутой духомъ Евангелія, пастыри Церкви, какъ проповѣдники Евангелія, какъ представители христіанства, прежде всѣхъ и больше всѣхъ должны въ самихъ себѣ осуществить его духъ, отразить въ своей жизни его высокія идеи и стремленія. Вотъ почему, хотя апостолы не давали положительнаго правила о безбрачіи епископовъ, но Церковь съ самаго начала уже составила себѣ идеалъ духовнаго христіанскаго пастыря—въ чистотѣ цѣломудрія: и не вопреки и не далѣе ученія апостольскаго; ибо апостолъ Павелъ ясно и положительно отдаетъ предпочтеніе безбрачію и дѣвству предъ супружествомъ—даже въ мірской жизни христіанъ (1 Кор. 7, 1. 7. 8. 26. 29. 32. 34. 38). Церковь только не съ самаго начала обратила это въ законъ для пастырей, имѣя въ виду немощи человѣческія; однакожъ она до такой степени была проникнута идеею чистоты, свойственной священному сану, что и на самое безбрачіе священнослужителей, добровольно принятое ими, смотрѣла весьма строго: она никакъ не хотѣла ограничивать его только внѣшнею стороною жизни, только удаленіемъ отъ супружескаго сожитія; отъ безбрачныхъ она уже требовала рѣшительнаго отдаленія отъ лицъ женскаго пола и отъ всякихъ сношеній съ ними, даже непредосудительныхъ. Именно, Церковь съ самаго начала запрещала безбрачному духовенству держать *въ своихъ домахъ* какія бы то ни было лица женскаго пола, хотя бы для обычныхъ домашнихъ услугъ, кромѣ немногихъ самыхъ ближнихъ родственницъ,—и прежде всего требовала этого отъ епископовъ. Такъ въ 267 г. по Р. Х. соборъ въ Антіохіи торжественно осудилъ Павла, епископа антіохійскаго, между прочимъ, за то, что, бывъ безбраченъ, онъ держалъ въ домѣ женщинъ и позволялъ тоже своему клиру, хотя въ беззаконной связи съ ними не былъ изобличенъ ([1]).

([1]) См. соборное посланіе о Павлѣ въ церков. ист. Евсевія 7, 30.

Въ самомъ началѣ IV вѣка церковныя правила, говоря о супружествѣ клира, уже проходятъ молчаніемъ бракъ епископовъ. Таковы правила соборовъ: анкирскаго (10), неокесарійскаго (1), гангрскаго (4). Замѣчательно въ этомъ отношеніи правило послѣдняго собора: «аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко недостоитъ причащатися, когда таковый совершаетъ литургію, да будетъ подъ клятвою». Здѣсь очень бы кстати и очень важно было бы упомянуть о супружествующемъ епископѣ, на котораго, безъ сомнѣнія, еще болѣе падали бы укоризны отъ неправомыслящихъ, какъ на недостойнаго совершать литургію: однакожъ не упомянуто; значитъ —такихъ епископовъ было слишкомъ мало, а въ гангрскомъ округѣ, гдѣ были такія укоризны на пресвитеровъ, вѣрно и совсѣмъ не было женатыхъ епископовъ, или они по посвященіи навсегда оставляли своихъ женъ. На никейскомъ I вселенскомъ соборѣ былъ поднятъ вопросъ о супружествѣ клира, и отъ многихъ епископовъ (съ которыми было весьма много и пресвитеровъ) предложено было обратить безбрачіе въ общее правило *для всего клира:* до такой степени безбрачіе уже вошло въ обычай и въ силу въ Церкви, и не одной какой либо помѣстной, а вселенской; ибо соборъ былъ вселенскій. Но нѣкоторые другіе епископы, и между ними особенно Пафнутій, одинъ изъ египетскихъ, самъ строгій подвижникъ и дѣвственникъ, убѣдили соборъ не налагать на всѣхъ этого бремени, не для всѣхъ удобоносимаго. Поэтому соборъ ограничился только слѣдующимъ постановленіемъ: «великій соборъ безъ изъятія положилъ, чтобы ни епископу, ни пресвитеру и вообще никому изъ находящихся въ клирѣ, не было позволено имѣть въ домѣ сожительствующихъ женъ, кромѣ матери, сестры или тѣхъ только лицъ, которыя чужды всякаго подозрѣнія» (правило 3). Очевидно, что здѣсь имѣются въ виду безбрачные члены клира; и замѣчательно, что это постановленіе было въ тоже время подтверждено гражданскими законами римской имперіи (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ оставилъ неприкосновеннымъ супружество священнослужителей, заключенное прежде посвященія ихъ (2). Но для епископовъ и въ это время, т. е.

(1) Cod. Theod. episc. et cler. 19.

(2) Созоменъ ист. I. 22.

на соборѣ, и въ продолженіи всего IV и V вѣковъ, еще не было дано исключительнаго правила: и въ IV вѣкѣ являются еще епископы супружествующіе (какъ наприм. Григорій нисскій, Григорій назіанзскій, отецъ св. Григорія богослова). Не смотря на то, мысль о совершенной дѣвственности епископскаго званія болѣе и болѣе утверждалась и самою практикою входила въ Церковь. Уже императоръ Константинъ, въ рѣчи къ первому вселенскому собору, между другими похвалами собравшимся епископамъ, выражаетъ то, что они (конечно не всѣ, но безъ сомнѣнія большею частію: иначе такая похвала была бы слишкомъ неумѣстна въ устахъ царя и при торжественномъ собраніи пастырей со всего христіанскаго міра), выражаетъ, говоримъ, и то, что епископы эти были *причастники дѣвственной чистоты* (1). Св. Григорій богословъ, упоминая объ избраніи св. Василія великаго на епископскую каѳедру Кесаріи, пишетъ: «всякіе споры по этому поводу были неумѣстны; ибо извѣстно было, кто преимущественно былъ достоинъ избранія; каждый видѣлъ это ясно, всѣ лучшіе изъ гражданъ, всѣ принадлежащіе къ клиру и наши назореи (т. е. монахи), *на которыхъ по преимуществу должны падать такія избранія*, и въ такомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы зла. Ибо кто изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, кромѣ Василія, *не связаннаго брачными узами*, пустынножителя безплотнаго и почти безкровнаго»? (Слово въ похвалу отца). Тотъ же св. Григорій богословъ замѣчаетъ, что въ его время многіе медлили принимать таинства, даже крещеніе, потому, между прочимъ, что желали принять ихъ отъ епископовъ и (даже) пресвитеровъ—только *неженатыхъ*. (Слово о крещеніи). Общій и господствовавшій взглядъ Церкви, выражаемый не въ частныхъ мнѣніяхъ, а въ дѣйствительныхъ обычаяхъ тѣхъ временъ, можно видѣть въ словахъ св. Епифанія кипрскаго. Онъ, описывая церковные обычаи, говоритъ: «священство состоитъ *по большей части* изъ дѣвственниковъ или монашествующихъ; а если бы не было способныхъ къ тому изъ монаховъ, то изъ воздерживающихся отъ женъ своихъ, или вдовствующихъ послѣ

(1) См. эту рѣчь у Евсевія въ исторіи жизни Константиновой.

единобрачія» (1). Онъ же говоритъ: «кто живетъ въ бракѣ и еще раждаетъ дѣтей, тотъ, хотя бы и одной жены мужъ былъ, не принимается Церковію въ епископа и священника, даже діакона и уподіакона, но только воздержаніемъ отрекшійся отъ жены или овдовѣвшій, особенно тамъ, гдѣ *строго соблюдаются церковные каноны*. Ты скажешь мнѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пресвитеры, діаконы и уподіаконы еще раждаютъ дѣтей. Но это не по правиламъ, а только по разслабленію, съ теченіемъ времени, мыслей человѣческихъ и по недостатку служителей, отъ множества (церквей). Что же касается самой Церкви, то она, всегда соображая наиболѣе приличное и руководясь внушеніями Св. Духа, признала нужнымъ заботиться, чтобы служеніе Богу совершалось безъ отвлеченія и духовныя требы исполнялись съ совѣстію, совершенно умиренною. Священнику, діакону, епископу, ради внезапныхъ служеній и требъ, нужно всегда быть свободными для Бога» (2). При такой строгости взгляда на всѣ, даже низшія степени священства, нечего говорить о супружествѣ епископовъ въ первые вѣка, какъ о дѣлѣ общемъ, обычномъ; даже нельзя серіозно смотрѣть на это, какъ что-то свойственное Церкви, какъ образецъ для другихъ временъ: ясно, что супружество епископовъ было дѣломъ частнымъ, не обще-обычнымъ, что это было только исключеніе, въ видѣ снисхожденія къ лицамъ, достойнымъ сана въ другихъ отношеніяхъ и немощнымъ въ этомъ, снисхожденія, особенно необходимаго при необычайномъ распространеніи епископскихъ каѳедръ; извѣстно, что въ тѣ времена не только каждый городъ, и не главный въ провинціи, имѣлъ особаго епископа, но и въ самыхъ малыхъ мѣстечкахъ были архіереи, нерѣдко даже—въ селеніяхъ. Сасимы, куда былъ посвященъ епископомъ св. Григорій богословъ, Ниссы, гдѣ былъ св. Григорій нисскій, были очень малыя и скудныя мѣстечки. Только уже въ концѣ IV вѣка соборами это воспрещено на будущее время (лаод. 57, сард. 6).

Антіохійскій соборъ (341 г.), повторяя апостольское правило о управленіи епископомъ церковныхъ имуществъ (то самое ко-

(1) Изложеніе вѣры. 21.

(2) Panar. haer. 59, 4.

торое выше нами указано), уже исключаетъ изъ правила упоминаніе о женѣ епископа, встрѣчающееся въ правилѣ апостольскомъ (антіох. 24); но вслѣдъ за тѣмъ (прав. 25) соборъ упоминаетъ о содержаніи дѣтей епископскихъ, чѣмъ даетъ понять, что непремѣнная мысль Церкви была—епископамъ, поставляемымъ изъ супружескаго состоянія, по посвященіи уже разлучаться съ женами и только оказывать своимъ семействамъ необходимую помощь къ содержанію, внѣ своихъ домовъ и безъ всякаго отношенія къ церковнымъ имуществамъ. Такъ дѣйствительно и было, и это подтвердилъ правиломъ VI вселенскій соборъ (прав. 48 см. ниже). Но что такія мысли и обычаи были въ духѣ не одной восточной Церкви, а и другихъ, свидѣтельствуютъ: а) опредѣленія африканскихъ соборовъ IV и V вв., которые часто и настойчиво повторяютъ: «епископы и пресвитеры и діаконы, имѣющіе женъ, да воздерживаются отъ нихъ и будутъ, яко не имѣющіе, и только причетники къ тому не принуждаются» (карѳ. 3, 4, 34, 81); б) постановленія западныхъ соборовъ и римскихъ папъ, которые распространяли воздержаніе отъ супружества не только на всѣхъ священнослужителей, но и на низшихъ клириковъ, даже не ограничивались обѣтами женатыхъ жить съ женами цѣломудренно, а требовали рѣшительнаго оставленія женъ (1). Такимъ образомъ безбрачіе духовенства въ римской Церкви установилось слишкомъ еще задолго до Григорія VII, который только усилилъ это правило тѣмъ, что отлучилъ отъ Церкви всѣхъ женатыхъ клириковъ, лишилъ супружество ихъ всякаго даже гражданскаго значенія и подвергалъ отлученію самыхъ мірянъ, принимавшихъ таинства отъ женатыхъ пресвитеровъ (2).

Между тѣмъ созрѣвало монашество, развивавшееся отъ временъ апостольскихъ сперва въ видѣ отшельничества, или пустынножительства, потомъ иноческаго общежительства. Имѣя въ основѣ своей удаленіе отъ міра и всего, яже въ мірѣ, монашество тѣмъ крѣпче прививалось къ Церкви, тѣмъ глубже входило

(1) Concil. Illiber. 33. 65. Siricii p. (an. 385) can. 3. Innocentii (404) can. 2. Concil. Avrel. 2. can. 7. caet.

(2) Gratian decret. cap. 10. 11. dist. 31.

въ ея жизнь,—что и сама Церковь въ своихъ основаніяхъ не имѣла ничего общаго съ духомъ міра. Монашество явилось чистѣйшимъ выраженіемъ евангельскаго духа Церкви, высшимъ развитіемъ ея внутренней, духовной жизни, плодомъ ея внутреннихъ, существеннѣйшихъ стремленій—воспитать въ человѣчествѣ жизнь духовную, чрезъ возможное отвлеченіе его отъ жизни плотской. Вотъ почему монашество не только съ самаго начала получило самое крѣпкое право гражданства въ Церкви, но и отъ первыхъ вѣковъ пріобрѣло явное преимущество въ цѣнѣ и силѣ—предъ мірскимъ (бѣлымъ) духовенствомъ. Понятно, что господствующая въ тѣ времена мысль о безбрачіи, какъ состояніи, наиболѣе и по преимуществу свойственномъ служителямъ таинствъ, при развитіи съ другой стороны монашества, не случайно, а неизбѣжно и весьма естественно, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ встрѣтилась съ нимъ въ жизни церковной и должна была сама собою, всею силою устремиться къ нему, какъ самой сродной себѣ почвѣ, и искать въ немъ своего полнаго, практическаго осуществленія. Такимъ образомъ безъ особенныхъ усилій, можно сказать, естественно возникло и распространилось въ Церкви намѣреніе—ввести монашество въ клиръ: и само собою разумѣется, что это скорѣе и преимущественнѣе должно было осуществиться въ высшей степени священства, въ архіерействѣ, какъ степени, требующей высшей предъ другими чистоты и высоты духовной. Дѣйствительно, какъ только развилось монашество въ Египтѣ, (а оно тамъ утвердилось и распространилось прежде другихъ мѣстъ), уже во множествѣ являются на архіерейскихъ каѳедрахъ монахи. Замѣчательно, что св. Аѳанасій александрійскій, принимавшій, какъ извѣстно, самое живое и дѣятельное участіе въ никейскомъ соборѣ и потому конечно хорошо знавшій и усвоившій себѣ его разсужденія, (а соборъ, какъ мы видѣли выше, разсуждалъ о супружествѣ въ клирѣ), сдѣлавшись вслѣдъ за соборомъ (въ 326 году) архіепископомъ въ Египтѣ, немедленно началъ ставить монаховъ на епископство; онъ вызывалъ ихъ изъ пустынь, нерѣдко даже противъ собственной воли ихъ,—примѣрами *множества* епископовъ изъ монаховъ убѣждалъ неохотно принимавшихъ это назначеніе,—

и потомъ самъ свидѣтельствовалъ о совершенномъ оправданіи такого выбора и особенной пользѣ его для Церкви (1). Быстро распространилась эта мѣра по всѣмъ странамъ, гдѣ только водворялось монашество; Аѳанасій въ Египтѣ, Василій Великій въ Каппадокіи, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ въ Византіи, Амфилохій во Фракіи, Іаковъ въ Месопотаміи, Епифаній въ Кипрѣ: всѣ эти свѣтила IV вѣка на епископскихъ каѳедрахъ вышли изъ среды отшельниковъ. Эти же лица прежде епископства были въ должностяхъ городскихъ священно-и-церковно-служителей, оставаясь въ иночествѣ, и историки тѣхъ временъ пишутъ, что и *пресвитеры и діаконы* во множествѣ были поставляемы при городскихъ церквахъ изъ монашества (2). Возраженій противъ такого порядка нигдѣ не слышно было. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи, лучшіе изъ монаховъ получали архіерейскій санъ даже безъ опредѣленнаго назначенія на епархіи, съ одной стороны по уваженію ихъ отличной жизни, съ другой—потому, что неспокойное состояніе Церкви, въ борьбѣ съ ересями и разнаго рода безпорядками, побуждало всегда имѣть въ готовности людей, способныхъ постоять за Церковь (3).

Если историки IV и V вѣковъ еще свидѣтельствуютъ, что въ то время строгость безбрачія не вездѣ одинаково соблюдалась, что и на Востокѣ епископы воздерживались отъ супружества болѣе по доброй волѣ, нежели по требованію непреложнаго закона (4): то съ другой стороны мы видимъ, что сожитіе съ женами требовало для епископовъ особеннаго разрѣшенія (5), что обязавшіеся при своемъ посвященіи оставить это сожитіе и потомъ снова позволившіе его себѣ епископы подвергались суду и

(1) См. творенія св. Аѳанасія т. I. стр. 362 по русс. изданію.

(2) Палладій въ жизни Златоуста.

(3) Созоменъ ист. 6, 34.

(4) Это говоритъ Сократъ, замѣчая, что на Востокѣ онъ самъ зналъ епископовъ, которые жили съ своими женами и имѣли дѣтей. Ист. 2. 52.

(5) Такъ напр. Ѳеофилъ архіеп. александрійскій разрѣшилъ епископу пентапольскому Синезію жить съ женою.

Библ... Академии Наук

лишенію сана (1). Это уже предполагаетъ силу закона. Но такія видимыя противорѣчія въ церковной практикѣ объясняются тѣмъ, что на безбрачіе епископовъ законъ былъ, только *неписанный*. Нужно было и оставалось только вписать его въ собраніе церковныхъ законовъ: и это сдѣлано въ слѣдующемъ, VI в. А не было доселѣ писаннаго закона потому же, почему не было и по многимъ другимъ предметамъ, не меньшей важности, писанныхъ правилъ. Церковь первыхъ вѣковъ руководилась болѣе духомъ, нежели письменемъ, болѣе живою практикою, чѣмъ мертвою буквою, болѣе проявляла себя въ непосредственномъ развитіи своей внутренней жизни, чѣмъ въ административныхъ формахъ. Вотъ почему законодательство Церкви всегда имѣло характеръ—*преданій*. Церковь и не спѣшила сочинять и писать законы, а гораздо болѣе хотѣла давать простора живымъ силамъ и стремленіямъ своего духа, утвержденнаго во Христѣ, и прежде, чѣмъ издавала правило, она оставляла хорошей мысли время и силу, чтобы вполнѣ созрѣть, и уже созрѣвшую мысль облекала формою закона. Вотъ почему преданія и постановленія Церкви, не смотря на всѣ перемѣны временъ, мѣстъ, состоянія самой Церкви и обществъ человѣческихъ, такъ крѣпки и живучи: ихъ сила—духъ, а не буква.

Съ VI вѣка вопросъ о супружествѣ епископовъ можно считать рѣшеннымъ. Мысль о безбрачіи въ духовенствѣ настолько уже созрѣла, что оно признано неудобоисполнимымъ въ видѣ обязательства для всѣхъ вообще членовъ клира; но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено, какъ неизмѣнный законъ, для степени епископской: и это было рѣшено сколько въ видѣ особенной строгости жизни, необходимой для такой высокой степени священства, какую представляетъ архіерейство, столько же въ видѣ снисхожденія, (а отнюдь не обязательства, или необходимости, или особенной пользы), для прочихъ степеней сана. И теперь, послѣ всего замѣченнаго нами въ правилахъ, преданіяхъ и примѣрахъ первыхъ вѣковъ, не ясно ли становится, что безбрачіе епископовъ вошло въ обычай совсѣмъ не случайно, а совершенно послѣдовательно,

(1) Св. Златоустъ подвергъ такимъ образомъ лишенію сана ефесскаго епископа Антонина. *Палладій* въ жизни Златоуста.

не чрезъ одну какую либо мѣстную церковь, не въ позднее время, а изъ-начала по всей Церкви вселенской, не подъ исключительнымъ вліяніемъ одного какого либо сословія или касты, по какимъ либо обстоятельствамъ возобладавшихъ въ Церкви (разумѣемъ монаховъ), какъ думаютъ нѣкоторые въ наше время, а по духу самой вселенской Церкви, подъ вліяніемъ чистѣйшаго духа Евангелія, и наконецъ вошло совсѣмъ не административнымъ путемъ, силою власти, обязательствомъ внѣшнихъ законовъ, (все это привзошло уже послѣ), а путемъ сознанія и убѣжденія самаго общества вѣрующихъ, путемъ практики, развитіемъ христіанской жизни, постепенно съ самаго начала христіанства созрѣвавшей и возраставшей въ духовныхъ идеяхъ и стремленіяхъ. Монашество не предшествовало этому установленію, какъ его источникъ, а только привзошло къ нему и объединилось съ нимъ въ единствѣ духа и стремленій Церкви съ той и другой стороны, такъ что можно сказать, не монашество имѣло вліяніе на епископство, чтобы возобладать имъ, а епископство (которое и по изначальному установленію было прежде монашества) вліяло на монашество, чтобы усвоить его себѣ и облечься въ его форму.

Гражданскіе законы грекоримской имперіи въ началѣ VI в. уже не признавали супружества въ епископскомъ званіи: они даже положительно требовали разлученія съ женами тѣхъ пресвитеровъ, которые избираемы были въ брачномъ состояніи на епископство (1). Въ новеллахъ Юстиніана было опредѣлено: «не иначе посвящать въ епископы, какъ если избираемый, достойный въ другихъ отношеніяхъ, не будетъ имѣть дѣтей и уже не сожительствовалъ бы съ женою, но вмѣсто жены прилѣпился бы къ Церкви, пребылъ бы въ воздержаніи, а вмѣсто дѣтей имѣлъ бы христіанскій, православный народъ». Также: «никого не поставлять епископомъ иначе, какъ если кто предварительно или приметъ монашество (aut monasticam vitam professus) или будетъ помѣщенъ (constitutus) въ клирѣ, по крайней мѣрѣ на шесть мѣсяцевъ, и въ послѣднемъ случаѣ поставлять только такихъ, кто не имѣетъ дѣтей или племянниковъ и уже разлучился навсегда съ женою. Оставляя въ забвеніи все прошедшее, не

(1) Cod. Justin. l. tit. 3. 42. an. 528.

преслѣдуемъ издавна живущихъ съ женами (епископовъ): но на будущее время рѣшительно не позволяется рукополагать имѣющаго жену. Въ противномъ случаѣ и рукоположенный лишается сана и рукоположившій подвергается запрещенію» (1). Зная порядокъ постановленій древней Церкви, нельзя думать, что бы указанныя теперь опредѣленія исходили непосредственно отъ гражданской власти, по ея собственному усмотрѣнію. Постановленіямъ гражданскимъ, какъ скоро они касались церковныхъ дѣлъ, обыкновенно предшествовало усмотрѣніе самой Церкви, въ видѣ ли ея опредѣленнаго правила, или въ видѣ преданія, обычая, продолжительной практики, или наконецъ въ ея живомъ голосѣ, въ силѣ общей ея мысли. Поэтому и указанныя постановленія гражданской власти надобно считать только признаніемъ, возпроизведеніемъ, подтвержденіемъ, обнародованіемъ церковнаго правила, уже утвердившагося въ духѣ и жизни Церкви, и приложеніемъ ея требованій къ гражданскому порядку. Это значитъ, что государство и общество съ своей стороны признавало всю силу церковнаго порядка, его пользу и необходимость, даже въ гражданскомъ отношеніи. Между прочимъ замѣчательно, что здѣсь уже высказана мысль о предварительномъ постриженіи въ монашество лицъ, изъ мірскихъ званій выбираемыхъ въ епископы, а условія для поставленія архіереевъ изъ клира такъ приближены къ монашеству, что остается только одно постриженіе. Требованія, чтобы изъ клира поставлять епископами только такихъ, которые не имѣютъ ни дѣтей, ни даже племянниковъ, не находимъ въ Церкви: но чѣмъ суровѣе это требованіе, тѣмъ яснѣе становится, что само гражданское правительство желало видѣть епископами преимущественно—монаховъ. Въ IX вѣкѣ это требованіе отмѣнено гражданскою же властію (2): но въ это время монашество уже утвердилось на архіерейскихъ каѳедрахъ.

Трулльскій VI вселенскій соборъ (681—692) положилъ два весьма важныя правила; онъ разрѣшилъ всему клиру союзъ супружескій, съ тѣмъ только, чтобы союзъ этотъ былъ заключенъ не послѣ, а прежде посвященія въ духовный санъ, чтобы

(1) Ibid. l. 48. an. 531. Nov. 6. cap. 1. Nov. 123. cap. 29.

(2) Imp. Leonis Nov. 2.

священныя лица не имѣли въ супружествѣ вдовъ, отверженныхъ другими отъ сожитія, блудницъ и рабынь, и еще, чтобы не посвящать въ духовный санъ изъ двоебрачныхъ (прав. 3, 6, 13). Другое правило дано для епископовъ:—*ни въ какомъ случаѣ не быть въ супружествѣ* (прав. 12). Правило это изложено такъ: «дошло до свѣдѣнія нашего, что въ Африкѣ и въ Ливіи и въ иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ тамо сущихъ боголюбезнѣйшихъ предстоятелей, и по совершившемся надъ ними рукоположеніи, не оставляютъ жити купно съ своими супругами, полагая тѣмъ претыканіе и соблазнъ другимъ. Имѣя убо великое тщаніе, дабы все устрояти къ пользѣ порученныхъ паствъ, признали мы за благо, *да не будетъ отнынѣ ничего таковаго.* Сіе же глаголемъ не ко отложенію, или превращенію апостольскаго законоположенія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преуспѣяніи людей на лучшее, и о томъ, да не допустимъ какого либо нареканія на священное званіе. Ибо глаголетъ божественный апостолъ: безпреткновенни бывайте іудеемъ, и еллиномъ, и Церкви Божіей, якоже и азъ всѣмъ угождаю, не искій своей пользы, но многихъ, да спасутся. Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу. Аще же кто усмотрѣнъ будетъ сіе творящій, да будетъ изверженъ». Изъ самыхъ словъ этого правила видно, 1) что въ то время (VII в.) только уже *въ нѣкоторыхъ мѣстахъ* и только *нѣкоторые* епископы не оставляли супружества послѣ своего рукоположенія: значитъ безженство епископовъ было уже повсюду соблюдаемо; 2) что супружество этихъ нѣкоторыхъ архіереевъ служило поводомъ къ соблазну для народа и къ нареканію на священное званіе: значитъ и народъ былъ убѣжденъ въ приличіи сану епископскому безженства; 3) что вселенскій соборъ не считалъ нужнымъ въ свое время стѣсняться апостольскими правилами, допускавшими супружество въ архіерействѣ, а за лучшее и болѣе полезное для Церкви призналъ отмѣненіе или ограниченіе этихъ правилъ; 4) что, наконецъ, безженство епископовъ должно быть такъ строго соблюдено и супружество такъ нетерпимо въ ихъ санѣ, что виновные въ противномъ подвергаются изверженію изъ сана. Съ этого времени въ восточной Церкви уже не видно супружества еписко-

новъ,—даже въ видѣ исключеній. Но какая же судьба ожидала женъ, разлученныхъ съ мужьями, по рукоположеніи ихъ въ епископы? Это рѣшилъ тотъ же вселенскій соборъ: по его правилу, «жена производимаго въ епископское достоинство мужа, предварительно разлучась съ нимъ, по общему согласію, послѣ рукоположенія его да вступитъ въ монастырь, далеко отъ обитанія сего епископа созданный, и да пользуется содержаніемъ отъ епископа. Аще же достойна явится, да возведется и въ достоинство діакониссы» (прав. 48). Въ XII вѣкѣ, по случаю нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій, произшедшихъ отъ неправильнаго толкованія церковныхъ правилъ, на мѣстномъ соборѣ въ Константинополѣ (1185—1195) было повторено и подтверждено: «рукоположенные въ санъ архіерейскій изъ лицъ, находившихся въ супружествѣ, по священнымъ канонамъ должны непремѣнно воздерживаться отъ женъ, и не по принужденію, а по добровольному съ женами согласію, такъ что избираемые изъ таковыхъ должны предварительно рѣшиться — или вести затѣмъ жизнь безбрачную и цѣломудренную, или предпочесть непорочное сожительство въ честномъ бракѣ. Супруги, по рукоположеніи мужей, должны неотложно удаляться въ женскіе монастыри, состоящіе вдали отъ мѣстопребыванія архіерейскаго (ихъ прежнихъ мужей), съ тѣмъ, чтобы тамъ принять постриженіе и жить по правиламъ иноческимъ. Если же онѣ добровольно не захотятъ принять постриженія, то ихъ мужья, хотя бы уже посвященные въ архіерейскій санъ, лишаются своего мѣста и достоинства и на мѣсто ихъ другіе избираются». И это постановленіе утверждено царскою властію (1).

При такомъ строгомъ, неизмѣнномъ требованіи безбрачія для епископовъ, съ другой стороны при томъ особенномъ уваженіи, какимъ пользовалось въ древней Церкви монашество, было ли положительное правило—избирать и поставлять въ епископы *исключительно* монаховъ? Нѣтъ: ни въ первые вѣка, ни въ позднѣйшее время не было положено такого правила. Это можетъ казаться страннымъ; почему въ самомъ дѣлѣ не быть

(1) См. Συνταγμα των κανονων, υπο Ραλλη και Ποτλη. 1855 г. 5, с. 321.

бы такому правилу, когда de facto при избраніи епископовъ всегда и вездѣ отдавалось предпочтеніе монашеству, когда относительно бѣлаго, женатаго духовенства и мірянъ поэтому предмету были даны такія строгія, ограничительныя, даже неудобоисполнимыя правила, каково разлученіе съ супругами, когда послѣ этого казалось бы даже гораздо проще и легче—узаконить выборъ архіереевъ исключительно изъ монаховъ? Но Церковь не хотѣла и не могла узаконить такого порядка навсегда; и это объяснить не трудно: во 1-хъ, монашество во всякомъ случаѣ есть дѣло доброй воли, дѣло личнаго, совершенно свободнаго выбора; поэтому, какъ дѣло необязательное ни для кого, оно можетъ подвергаться разнымъ случайностямъ, можетъ и умножаться въ Церкви и сокращаться, можетъ и совсѣмъ прекращаться на болѣе или менѣе продолжительное время. Но епископство должно быть въ Церкви всегда неизмѣнно, до скончанія вѣка: какъ же можно было бы основать его на такой нетвердой, т. е. непостоянной, не неизмѣнной почвѣ, каково монашество? Это значило бы и самое епископство подвергать тѣмъ же случайностямъ, какъ и монашество. Во 2-хъ, древняя Церковь никакъ не допускала въ порядокъ своего управленія сословности; она не терпѣла ея даже въ низшихъ степеняхъ клира и положительными правилами предупредила ея развитіе, постановивъ при посвященіи въ клиръ смотрѣть *не на родъ,* а на личное *достоинство* (VI всел. 33). И выборъ епископовъ ограничивать *по закону* монашествомъ значило также вносить въ это званіе характеръ сословности, со всѣми неизбѣжными, неблагопріятными для Церкви послѣдствіями. Но чѣмъ высшаго достоинства требовала всегда Церковь отъ избираемыхъ въ епископы, тѣмъ менѣе могла связывать себя въ выборѣ ихъ. Въ 3-хъ, при господствовавшемъ въ древней Церкви порядкѣ поставленія епископовъ, не административномъ, а выборномъ, при участіи въ этомъ дѣлѣ и мѣстнаго клира и монашества, народа и всѣхъ епископовъ того округа, въ предѣлахъ котораго нужно было поставить епископа, тѣмъ менѣе удобно и даже менѣе умѣстно было бы правило исключительнаго избранія ихъ изъ монаховъ: это нарушало бы равноправность участвовавшихъ въ выборѣ сторонъ и давало бы постоянный

перевѣсъ одной сторонѣ надъ всѣми другими; а это, вмѣстѣ съ нарушеніемъ строгой справедливости, разрушало бы и необходимое согласіе въ выборѣ, единство чувствъ и стремленій; это могло бы стѣснять въ выборѣ самое главное, существенное и священное его начало—свободу совѣсти. Эту свободу совѣсти Церковь такъ уважала, такъ не хотѣла стѣснять, даже въ самихъ избираемыхъ, что, выбирая епископовъ изъ женатыхъ клириковъ, она, какъ мы видѣли выше, не утверждала собственнаго избранія, какъ скоро избираемый или его супруга *не соглашались* на прекращеніе супружества, требуемое правилами; и это еще не все. Церковь даже рѣшила снимать архіерейскій санъ съ тѣхъ, которыхъ супруги не захотѣли бы, уже по посвященіи мужей, принять, согласно канонамъ, иноческаго постриженія. Тѣмъ менѣе Церковь могла стѣснять голосъ совѣсти въ избирателяхъ: и это подтверждается еще тѣмъ, что какъ относительно монашества, также точно не видно положительнаго правила и на то, чтобы избирать епископовъ *исключительно изъ клира*. Это надобно замѣтить и для тѣхъ, кто не находя правила о монашествѣ, вообразилъ бы, что епископство *не связано съ монашествомъ канонически*, и слѣдовательно, связано канонически только съ бѣлымъ духовенствомъ. Въ 4-хъ, въ древней Церкви былъ обычай—избирать епископовъ преимущественно изъ мѣстнаго духовенства епархій; разумѣется, что выборъ прежде всего обращался къ клиру соборному или каѳедральному, который въ епархіи былъ главною и лучшею частію духовенства, а нерѣдко въ городѣ былъ и единственнымъ клиромъ, и сосредоточивался около архіерея. Но въ составѣ этого клира и въ древнія и въ позднѣйшія времена было, кромѣ бѣлаго духовенства, немало и монашествующаго; къ такому клиру, въ званіи пресвитеровъ, діаконовъ и даже чтецовъ, принадлежали, какъ мы выше замѣтили, извѣстнѣйшіе иноки, потомъ святители. Поэтому выборъ епископовъ, обращаясь къ мѣстному клиру, съ одной стороны никакъ не исключалъ монашества, и безъ правилъ вмѣстѣ съ бѣлымъ духовенствомъ касался и его, съ другой стороны, чтобы не стѣснять основы, главной почвы избранія, мѣстнаго клира, не слишкомъ ограничивать епархіальнаго значенія его, въ тѣ вре-

мена особенно важнаго какъ по самой немногочисленности клира, такъ и по дѣйствительному участію его въ церковномъ управленіи,—съ этою цѣлію не было и не могло быть положено исключительнаго правила въ пользу одного монашества.

За всѣмъ тѣмъ Церковь—мы повторяемъ—всегда и вездѣ при выборѣ епископовъ отдавала предпочтеніе монашеству. Это конечно логически слѣдовало уже изъ закона о епископскомъ безбрачіи. Но такой выборъ, *безъ особеннаго правила*, представлялъ въ себѣ весьма знаменательный фактъ, въ томъ отношеніи, что свидѣтельствовалъ о ясномъ, живомъ сознаніи Церкви, о совершенно свободномъ общемъ убѣжденіи ея въ превосходствѣ монашества на архіерейскихъ каѳедрахъ. Если бы кто изъ отсутствія *правилъ* въ исключительную пользу монашества сталъ серіозно заключать, что оно не связано канонически съ епископствомъ, потому продолженіе его на каѳедрахъ не можетъ считаться обязательнымъ или нужнымъ или полезнымъ для настоящаго и будущаго времени: тотъ этимъ заключеніемъ обнаружилъ бы только свое непониманіе истины въ существѣ дѣла и—духа Церкви въ ея исторіи и практикѣ. Напротивъ надо признать, и нельзя не признать, что фактъ, фактъ всеобщій, непрерывный, совершенно независимый отъ буквы закона или формъ административныхъ, при всеобщемъ живомъ, именно *выборномъ* голосѣ, выражаетъ истинную мысль Церкви, ея свободный духъ, ея настоящую духовную силу, ея внутреннюю, дѣйствительную, а не оффиціальную, внѣшнюю только жизнь. Такой фактъ, какъ живое преданіе и голосъ Церкви всѣхъ временъ, не имѣетъ ли уже самъ по себѣ силы закона, не сохраняетъ ли всей нравственной обязательности для послѣдующихъ временъ, какъ скоро мы хотимъ быть вѣрными истинному духу Церкви? И по общимъ юридическимъ началамъ, при отсутствіи писаннаго закона, обычай имѣетъ силу правила. Въ этомъ-то духѣ Церкви безъ писанныхъ правилъ и заключается самая дѣйствительная связь каноническая архіерейства съ монашествомъ. Такимъ образомъ дѣйствія Церковь можно сказать предупредила и отняла силу у современныхъ намъ возраженій противу монашества: они были бы гораздо сильнѣе, если бы монашество утвердилось на архіе-

рейскихъ каѳедрахъ только формальными узаконеніями. Это понять, кажется, не трудно.

Таже мысль Церкви—при свободномъ избраніи архіереевъ видѣть въ архіерействѣ именно монашество—раскрывается въ тѣхъ особенныхъ правилахъ, какія положены Церковію для жизни архіереевъ, для всего ихъ оффиціальнаго и частнаго быта. Изъ этихъ правилъ видно, что Церковь, не требуя архіерейства исключительно для монашества требуютъ монашества для архіерейства; иначе сказать, по смыслу и силѣ правилъ выходитъ, что архіереемъ можетъ быть и не монахъ, но архіерей долженъ быть монахомъ. Пересмотримъ эти правила.

Правда, въ извѣстныхъ церковныхъ (соборныхъ и отеческихъ) канонахъ мы не находимъ прямаго правила, чтобъ епископы, избираемые изъ клира (бѣлаго духовенства), безбрачнаго или брачнаго, по избраніи обязывались *формально* принимать монашество. Тѣмъ не менѣе каноны (и многія другія данныя) показываютъ, что епископство и по образу жизни и по всей обстановкѣ основано и должно существовать неизмѣнно—на правилахъ совершенно *монашескихъ*. Эти правила таковы, что *только не говорятъ* о постриженіи избранныхъ архіереевъ въ монашество: но они весьма живо и ощутительно внушаютъ его, ведутъ къ нему и оно составляетъ логическое ихъ послѣдствіе, хотя и могущее казаться непрямымъ. Даже трудно провести или указать въ этомъ отношеніи черту между архіерействомъ и монашествомъ. Такимъ образомъ мы уже видѣли, что по правиламъ соборовъ, когда въ епископа кто поставляется изъ женатыхъ людей, жена его, предварительно разлучившись съ нимъ по взаимному согласію, послѣ рукоположенія мужа должна вступить въ монастырь и непремѣнно принять иноческое постриженіе (VI всел. 48). Отсюда не должно ли заключить, что соотвѣтственно такому опредѣленію о женѣ, и самъ избранный на епископство долженъ сдѣлаться монахомъ? Иначе для чего бы жена его подвергалась болѣе строгому опредѣленію, чѣмъ онъ самъ? Если бы онъ не обязывался быть монахомъ, а только оставаться внѣ супружества, не довольно ли бы разлучиться съ женою? И если обязательствомъ вступить въ монастырь прекращается для жены

всякая возможность поддерживать сношенія не только съ мужемъ, но и съ другими лицами мужескаго пола: то чѣмъ же бы прекращалась такая возможность для самого епископа, въ отношеніи къ другимъ лицамъ женскаго пола, если бы онъ не дѣлался монахомъ? И если святость и высота архіерейскаго сана требуетъ, чтобы даже законная жена избраннаго въ этотъ санъ, даже совершенно разлучаясь съ нимъ, (чего не требуется въ пресвитерствѣ), стала лично чужда міру: то какъ же бы не требовать, чтобы самъ епископъ былъ чуждъ міру по духу и жизни? а это условіе уже само въ себѣ, въ своей сущности, (если не по формѣ), не есть ли монашество? Словомъ сказать, указанное теперь правило весьма сильно подтверждаетъ, что епископы изъ женатыхъ людей (клириковъ или мірянъ) обязывались принимать монашество. Иначе сила правила о женахъ будетъ не понятна; иначе можно бы подумать, что важность сана всею силою падаетъ болѣе на жену архіерея, чѣмъ на самого архіерея, что она должна строже понимать его обязанности, чѣмъ онъ самъ, что она гораздо болѣе отвѣтствуетъ за него, чѣмъ онъ самъ: это слишкомъ странно и немыслимо. Наши мысли мы можемъ подтвердить примѣромъ. Въ исторіи цареградскихъ патріарховъ замѣчено, что когда избранъ былъ на патріаршество Іоаннъ Гликисъ изъ мірянъ, притомъ имѣвшій жену и дѣтей (1316—20), и когда, вслѣдствіе избранія, жена его приняла монашество, то и самъ онъ готовился къ постриженію; и только по настоянію врачей и убѣжденію императора остался безъ постриженія, потому, что крайне болѣзненное состояніе его требовало мясной пищи, не позволительной въ монашествѣ. Тѣмъ не менѣе, черезъ четыре года, отказавшись по немощамъ отъ каѳедры, онъ по назначенію правительства былъ помѣщенъ въ монастырѣ (1). Если бы монашество не было обязательно для архіереевъ: къ чему въ указанномъ случаѣ требовалось бы особенное разсужденіе, и даже убѣжденіе самого императора, не принимать его? Гликисъ самъ собою могъ бы остаться внѣ монашества; едвали бы и мысль о немъ была. Да и что особенно важнаго

(1) Le Quien: Oriens Christ. t. I. pag. 295—6. Paris. 1740.

было бы въ этомъ случаѣ, чтобы заносить его въ лѣтопись, если бы онъ былъ не исключительный? Наконецъ, почему бы архіерея, даже не постриженнаго въ монашество, по увольненіи отъ каѳедры помѣщать на жительство въ монастырь? А важнѣе всего здѣсь то, что патріархъ самъ не иначе понималъ обязательство разлученія своего съ женою и ея постриженія, какъ въ смыслѣ собственной обязанности—принять монашество. Въ этомъ-то именно значеніи и замѣченъ это случай въ лѣтописяхъ.

Далѣе, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, всякому лицу женскаго пола строжайшимъ образомъ запрещается имѣть пребываніе въ *епископіяхъ*, т. е. архіерейскихъ домахъ; епископу не дозволяется держать въ своемъ домѣ женщинъ даже для услугъ и какихъ бы то ни было, хотя бы случайныхъ, работъ (VII всел. 18). Даже съ ближайшими сродницами имѣть сношеніе дозволяется ему съ самыми строгими ограниченіями, какъ наприм. принимать къ себѣ только мать и сестру, а съ прочими видѣться только въ присутствіи благоговѣйныхъ мужей (VII всел. 22). Самый монастырь, въ который, какъ сказано выше, должна вступить жена произведеннаго въ епископы, долженъ быть въ далекомъ разстояніи отъ мѣстопребыванія епископа, такъ что онъ не можетъ имѣть къ ней никакихъ личныхъ отношеній, кромѣ только вспомоществованія къ ея пропитанію (VI всел. 48). Правила эти конечно имѣютъ цѣлію оградить святость сана отъ соблазновъ и искушеній ко грѣхамъ, ей противнымъ. Но въ какое положеніе приводятъ эти привила самого епископа? Они не только санъ его, но и самую личность выводятъ, такъ сказать, изъ міра; они прекращаютъ для него всѣ позволительныя лицу, живущему и дѣйствующему въ мірѣ, отношенія, даже нравственно-естественныя (родственныя); словомъ эти правила таковы, что сами собою, безъ дальнѣйшихъ выводовъ, дѣлаютъ епископа монахомъ. Кажется, не можетъ быть яснѣе доказательства, что Церковь подводитъ подъ одинъ взглядъ архіерейство и монашество и послѣднее признаетъ необходимою принадлежностію перваго. Правда, что такія же правила положены для всѣхъ священнослужителей безбрачныхъ

(I всел. 3. VI всел. 5. Вас. 88); но отъ этого сила правилъ въ отношеніи къ епископу не измѣняется и не уменьшается. Дѣло въ томъ, что на безбрачіе во священствѣ Церковь смотритъ не иначе, какъ на всегдашній, безусловный и неизмѣнный обѣтъ дѣвства и цѣломудрія,—что составляетъ основу монашества. Такъ объясняетъ это св. Василій Великій въ посланіи къ одному безбрачному пресвитеру: «безбрачіе въ томъ имѣетъ свое достоинство, чтобы не имѣть обращенія съ женскимъ поломъ. Такимъ образомъ, если кто, представляя себя дѣвственникомъ по имени, дѣломъ тоже себѣ позволяетъ, что и живущіе съ женами, тотъ показываетъ о себѣ, что домогается достоинства въ имени его, но безобразія сладострастія не оставилъ» (1). Что же и можетъ быть утвержденіемъ и огражденіемъ такихъ идей и правилъ въ жизни епископа, если не монашество? Для прочихъ степеней священства въ безбрачіи монашество не требуется: но это потому, что для нихъ не запрещается и супружество (только прежде рукоположенія) и не требуется разлученіе съ супругами послѣ рукоположенія; самое безбрачіе предоставляется собственной ихъ волѣ. Санъ епископа подлежитъ высшимъ и строжайшимъ условіямъ: для него безбрачіе, какъ дѣло невольное, требуетъ сильнѣйшаго огражденія—и поэтому переходитъ въ монашество.

На соборѣ константинопольскомъ, такъ называемомъ *двукратномъ* (861 г.), было положено такое правило: «видимъ многія епископіи въ упадкѣ и въ опасности совершеннаго запустѣнія отъ того, что предстоятели оныхъ требуемое оными попеченіе и тщаніе обращаютъ на созиданіе новыхъ монастырей, и истощая епископіи и ухищряя присвоеніе доходовъ, стараются *о приращеніи монастырей*. Того ради святый соборъ опредѣлилъ: да не будетъ позволено никому изъ епископовъ созидати особеннаго *для себя* монастыря, къ разоренію своея епископіи. Аще же кто обрящется дерзающій на сіе: таковый да

(1) Посланіе къ пресвитеру Григорію, который бывъ безбраченъ и уже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, держалъ въ своемъ домѣ женщину для домашнихъ услугъ, но въ преступныхъ отношеніяхъ къ ней обвиняемъ не былъ. См. *въ книгѣ правилъ.*

подвергнется приличной епитиміи, а его новое построеніе, яко не получившее даже правильнаго начала къ тому, чтобы монастыремъ быти, *да причислится къ епископіи, какъ ея собственность*» (пр. 7).—Если бы архіереи не обязывались быть монахами, для чего бы имъ строить особые, *собственно для себя*, монастыри? И какимъ образомъ построенные ими монастыри могли быть причислены къ архіерейскимъ домамъ, если бы эти домы не были сами обителями иноческими? И это мы можемъ подтвердить примѣрами. Патріархъ константинопольскій Митрофанъ (1566—72) былъ уволенъ отъ должности между прочимъ за то, что не хотѣлъ, по примѣру всѣхъ другихъ патріарховъ, жить въ назначенномъ для нихъ монастырѣ, а основалъ свое мѣстопребываніе при одной изъ цареградскихъ церквей (1). Нашъ епископъ Ѳеогностъ (сарайскій), бывши въ Царѣградѣ въ 1301 году, между вопросами тамошнему синоду предлагалъ и такой: «можетъ ли епископъ какой либо изъ подвѣдомыхъ ему монастырей обратить въ епископію»? Соборъ отвѣчалъ: «можетъ» —и утвердилъ это право за всякимъ архіереемъ. А что здѣсь разумѣется именно мѣстопребываніе епископа, а не церковная только его каѳедра, (которая нерѣдко бывала и теперь есть въ монастыряхъ), это даетъ видѣть прибавленное въ соборномъ отвѣтѣ замѣчаніе о правѣ архіерея, при основаніи епископіи въ монастырѣ, перевести лишнихъ монаховъ въ другой монастырь (2).

Вообще надобно замѣтить, что въ древней Церкви архіерейскіе домы были учреждены на однихъ правилахъ съ монастырями, во всѣхъ отношеніяхъ, не только нравственныхъ, но и административныхъ, и въ канонахъ отдѣляются отъ домовъ клириковъ, т. е. бѣлаго духовенства. (См. прав. собор. VII всел. 12, 13, 18; Двукр. 7 и проч.). Также не видно въ церковной исторіи, что бы въ домѣ или въ особомъ клирѣ архіерейскомъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь находились духовныя лица женатыя: всегда и вездѣ были лица или монашествующія, или безбрачныя на правилахъ монашескихъ, въ видахъ постриженія.

(1) Le Quien: Oriens Chr. 1. 324.

(2) Рукоп. сборникъ каз. академіи № 22 и 860.

Если намъ скажутъ, что всѣ указанныя теперь правила не говорятъ положительно о монашествѣ архіереевъ, что не даютъ даже прямаго и строгаго заключенія къ нему, особенно въ отношеніи къ бѣлому духовенству: то мы, уже предваривъ такое возраженіе собственнымъ признаніемъ этой мысли, тѣмъ не менѣе спросимъ: что же выражаютъ эти правила? Въ чемъ ихъ сущность и внутренняя сила? Къ чему ведутъ они? Изъ какого источника или начала происходятъ? И наконецъ—чего недостаетъ имъ для яснаго опредѣленія о монашествѣ? Кажется ясно и неоспоримо, что въ сущности и силѣ своей эти правила заключаютъ идею монашества; они очевидно взяты изъ основаній монашества, потому, что не только выражаютъ отреченіе отъ узъ міра и плоти, но опредѣляютъ такимъ отреченіемъ и внѣшній бытъ архіерея; даже можно сказать, что они буквально заимствованы изъ монашескаго канона (см. VI всел. 47. 49. VII всел. 17). Въ нихъ недостаетъ только одного слова, чтобы положительно рѣшить вопросъ о монашествѣ архіереевъ: слово это—*постриженіе*. Но отсутствіе одного слова развѣ измѣняетъ сущность дѣла, которая говоритъ сама за себя? Такъ нельзя толковать древнихъ церковныхъ правилъ, которыя ни въ какихъ случаяхъ не отличаются буквализмомъ, свойственнымъ позднѣйшимъ законодательствамъ. Кромѣ того нельзя и несправедливо было-бы искать въ писанныхъ церковныхъ канонахъ (соборныхъ и отеческихъ) полнаго и всесторонняго законодательства древней Церкви. Церковь эта никогда не составляла *свода законовъ*, со всѣми подробностями своего управленія. Тщательное изученіе церковныхъ каноновъ даетъ ясно видѣть, что это были—повременныя рѣшенія соборовъ на разные случаи и вопросы, возникавшіе въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ Церкви. Не было случая, вопроса:—не было записано и особаго правила. Повторяемъ то, что уже высказано нами выше. Церковь всегда водилась болѣе духомъ нежели буквою, болѣе преданіемъ нежели письменемъ, болѣе живою силою духовной практики, нежели формами регламентаціи. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ въ правилахъ недостаетъ *формальнаго* опредѣленія о *формальномъ* постриженіи еписко-

повъ въ монашество; но только этого и недостаетъ: а между тѣмъ монашество составляетъ самое логическое, хотя и непрямое, послѣдствіе этихъ же самыхъ правилъ. Постриженіе — только форма; но форма сама опредѣляется сущностію дѣла и отъ нея зависитъ, а не наоборотъ. Forma dat esse rei: это ученіе схоластики, сильное въ наукахъ философскихъ и богословскихъ, проникло и въ законодательства: но древняя Церковь не знала этого правила—и оттого-то конечно прежде она болѣе имѣла внутренней жизни и силы, чѣмъ въ позднѣйшее время. Такимъ образомъ даже въ собственной исторіи самого монашества мы не всегда встрѣчаемъ *постриженіе*: тѣмъ менѣе можно или нужно отыскивать его до слова въ правилахъ объ епископствѣ. Гдѣ напр. записано, что Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій александрійскій — были *пострижены* въ монашество? Однакожъ кто вздумаетъ по недостатку такой записи доказывать, что эти мужи не были монахами ни въ епископствѣ, ни прежде? Или вотъ примѣръ поздній. Никифоръ (IX в.), бывшій тайнымъ совѣтникомъ (a secretis) греческаго императора, оставилъ государственную службу, удалился въ пустыню, выстроилъ особый монастырь и, затворившись въ немъ, проводилъ жизнь иноческую. Но когда, по уваженію къ его строгой жизни, избрали его на каѳедру патріаршую, оказалось, что онъ не только не былъ постриженъ въ монашество, но и одежды монашеской не носилъ; постриженіе онъ получилъ уже предъ самымъ посвященіемъ въ архіерейскій санъ (1). Этотъ примѣръ очень важенъ. Что онъ показываетъ? Онъ объясняетъ, съ одной стороны, что въ древней Церкви, даже въ монашествѣ, форма не предшествовала духу и жизни, а послѣдовала за ними, какъ ихъ плодъ и слѣдствіе, а не наоборотъ; съ другой, что не смотря ни на какую высоту духа и жизни, не смотря и на то, что не было въ Церкви положительныхъ правилъ о предварительномъ постриженіи въ монашество избранныхъ въ архіереи, они должны были принимать постриженіе. Есть также свидѣтельство, что Никифоръ самъ

(1) Le Quien. l. c. pag. 241.

пожелалъ принять пострижение по избрании на каѳедру (1): но это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, а еще, можно сказать, живѣе раскрываетъ ее: значитъ—пострижение предъ архіерействомъ было дѣломъ не одного обычая или формы, а сознанія и убѣжденія, и значитъ—отсутствіе правилъ нисколько не уменьшало важности этого дѣла по отношенію къ архіерейскому сану.

Продолжимъ обозрѣніе законодательныхъ и историческихъ памятниковъ. На константинопольскомъ соборѣ (879) по дѣлу патр. Фотія, вмѣстѣ съ вопросомъ о законности его избранія, было разсужденіе и вообще о поставленіи архіереевъ. Между прочимъ восточные епископы объяснили римскимъ посламъ, что на Востокѣ епископы ставятся обыкновенно *монашествующіе*, что если *кто не постриженъ во Христѣ, не можетъ быть ни архіереемъ, ни патріархомъ, что и клирики при поставленіи въ епископы принимали монашество* (συνεψηφισησαν και κληρικοι μοναχοι). Все это восточные объясняли не случайностями какими нибудь, а *обычаями* (2).

На томъ-же соборѣ положено такое правило: «хотя донынѣ нѣкоторые архіереи, низшедшіе въ монашескій образъ, усиливались пребывати въ высокомъ служеніи архіерейства и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія: но сей святый и вселенскій соборъ, ограничивая такое недосмотрѣніе, и возвращая сіе внѣ порядка допущенное дѣйствіе къ церковнымъ уставамъ, опредѣлилъ: аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана, восхощетъ снити въ монашеское житіе, и стати на мѣсто покаянія: таковый впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства, или начальствованія: они обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себе на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзнетъ сотворити сіе,

(1) Жизнь его см. въ Patrologiae curs. complet. t. 100. pag. 67. 68.

(2) Act. concil. Labbe. cf. πηδαλιον καν. Αποστολ. 51.

послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность произносимаго нынѣ опредѣленія: таковый, самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ» (прав. 2).

На это правило нужно замѣтить: а) если его относить къ лицамъ бѣлаго духовенства или свѣтскимъ, посвященнымъ въ архіерейскій санъ, то правило показываетъ только, что такія лица, принявши санъ безъ постриженія въ монашество, если послѣ посвященія захотятъ вступить въ него, уже не могутъ оставаться на архіерейскихъ каѳедрахъ. И это само собою понятно. Постриженіе въ монашество въ такомъ случаѣ, какъ дѣйствіе послѣдующее за архіерействомъ, уже было бы отрицаніемъ его; ибо очевидно постриженный въ монахи архіерей нисходилъ бы уже на низшую степень, на мѣсто пасомыхъ и кающихся, какъ говоритъ указанный соборъ. Это равно, какъ правила церковныя, не запрещающія бѣлому священству супружества, запрещаютъ вступать въ бракъ послѣ рукоположенія въ священный санъ (апост. 26; VI всел. 3. 6): это было бы вступленіе священника въ союзъ плоти и міра, когда онъ уже находится въ таинственномъ союзѣ съ Церковью, и слѣд. было бы уже отрицаніемъ его священства. Но запрещаетъ ли тоже правило собора наоборотъ—монахамъ дѣлаться архіереями, какъ толкуютъ нѣкоторые (см. «*День*» № 30 1862)? Совсѣмъ нѣтъ. Нельзя видѣть здѣсь такого запрещенія, по самому существу дѣла: ибо низведеніе или низхожденіе съ высшей степени (епископской) на низшую (монашескую) совсѣмъ не то, что восхожденіе съ низшей на высшую: въ послѣднемъ случаѣ низшая степень не отрицается въ высшей, а сохраняется, и только возвышается; епископъ напр. сохраняетъ въ себѣ и пресвитерскую степень, и даже діаконскую; (онъ удерживаетъ и священныя облаченія этихъ степеней); но въ первомъ случаѣ высшая степень уже отрицается: потому что низшая степень не можетъ имѣть правъ высшей. Притомъ, запрещеніе дѣлать монаховъ епископами было бы противорѣчіемъ духу и вѣковой практикѣ вселенской Церкви, чего ни одинъ православный соборъ ни постановить, ни допустить не могъ: и на

соборѣ, о которомъ теперь рѣчь, мы уже замѣтили совсѣмъ противныя мысли. б) Если обратить вниманіе на самый образъ выраженій въ соборномъ правилѣ, то можно еще усумниться, точно ли тутъ дѣло идетъ собственно о постриженіи въ монашество архіереевъ? Не о другомъ ли чемъ? Соборъ говоритъ объ архіереяхъ, *низшедшихъ въ монашескій образъ*. Подлинное греческое слово σχημα, здѣсь употребленное, означаетъ собственно не постриженіе, или не одну одежду монашескую, а образъ жизни монашеской, всю обстановку монашества, внѣшнее состояніе его, а отсюда—быть *монастырскій*: это подтверждается и дальнѣйшимъ выраженіемъ того же правила: «аще который епископъ восхощетъ снити *въ монашеское житіе*; т. е. просто и коротко—правило имѣетъ въ виду архіереевъ, которые пожелали бы удалиться съ каѳедръ въ монастыри.—Наконецъ соборъ заключаетъ: «никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ, да не низводитъ *самъ себе* на мѣсто пасомыхъ». Если бы здѣсь говорилось о постриженіи въ монашество: то на какомъ основаніи могли быть сказаны такія слова? Развѣ можно кому бы то ни было запрещать добровольное принятіе монашества, хотя бы архіерею, если онъ *не монахъ*? А между тѣмъ слова собора такъ рѣшительны. Но дѣло въ томъ, что епархіальнымъ архіереямъ въ древности весьма строго запрещалось произвольно оставлять каѳедры и управленіе епархій, или отказываться отъ нихъ послѣ рукоположенія, даже еслибы они могли представлять къ тому благовидныя побужденія (апостол. правило 36; антіох. соб. прав. 17; посланіе III всел. соб. къ собору панфилійскому: см. *въ книгѣ правилъ*).—Такимъ образомъ есть основаніе думать, что выше указанное правило говоритъ о такихъ архіереяхъ, которые, оставляя каѳедры, удалялись на житье въ монастыри, но или не отрекались положительно отъ епархій, или отрекаясь не искренно, не переставали изъ монастырей входить въ дѣла епархіальныя, или же въ самомъ монастырскомъ состояніи хотѣли удерживать величіе и власть архіерейства. При такомъ разумѣніи, соборное правило получаетъ другой, болѣе ясный видъ, съ не менѣе опредѣленнымъ смысломъ. И такое объясненіе

подтверждается самыми обстоятельствами времени и дѣлъ, при которыхъ созванъ былъ этотъ соборъ (879 г.). Извѣстно, что онъ собирался для утвержденія на патріаршей каѳедрѣ Фотія и окончательнаго удаленія соперника его Игнатія; и именно этотъ послѣдній, оставивъ сначала добровольно свой престолъ, удалился въ монастырь, но оттуда не переставалъ предъявлять свои патріаршія права и вліять на дѣла константинопольской Церкви, что и было причиною продолжительныхъ въ ней смутъ. Самъ патр. Фотій, поднявшій на соборѣ этотъ вопросъ, выразилъ его такимъ образомъ: «что думать о тѣхъ, которые съ архіерейской степени сами собою сходятъ *на мѣсто монаховъ? Отдавъ себя въ послушаніе,* могутъ ли они удерживать за собою пастыреначальство»? Кажется ясно, что рѣчь идетъ объ удаленіи архіереевъ въ монастыри: иначе какимъ образомъ принятіе архіереемъ монашества значило бы, что онъ уже отдаетъ себя *въ послушаніе* (1) кому-то другому? Обѣтъ послушанія необходимо предполагаетъ иноческое общежительство, монастырь (2).

Впрочемъ, если бы доказана была неправильность или нетвердость нашего толкованія правила, мы не намѣрены отвергать и прямаго, (буквальнаго) смысла его; мы только не допускаемъ слѣдствій, какія хотятъ вывести изъ него противу монашества епископовъ. И въ прямомъ смыслѣ, безъ такихъ послѣдствій, правило это можетъ имѣть практическое приложеніе. Если бы напр. кто изъ монашествующихъ епископовъ захотѣлъ принять великую схиму: по силѣ правила онъ не можетъ оставаться на архіерейской каѳедрѣ. А въ древней Церкви правило это было нужно потому, что дѣйствительно нѣкоторые епископы не имѣли монашества. (См. ниже). Но замѣчательны еще два обстоятельства: 1) на вопросъ Фотія (выше указанный) на соборѣ мѣстоблюстители *восточныхъ* патріарховъ, (т. е. александрійскаго, антіохійскаго, іерусалимскаго), замѣтили, что у нихъ этого не бываетъ, такъ какъ въ архіерейство произво-

(1) *И ученичество*—прибавляетъ соборъ въ правилѣ. См. выше.

(2) Это выражается и въ самомъ чинѣ монашескаго постриженія.

дятся обыкновенно монашествующіе. Слѣд. монашество архіереевъ дотолѣ (до IX вѣка) непостоянно и не строго поддерживалось только въ константинопольскомъ округѣ, для котораго и нужно было такое правило; 2) есть свидѣтельства, что и соборное правило не въ точности соблюдалось въ греческой Церкви: съ разрѣшенія мѣстныхъ синодовъ и патріарховъ архіереи и послѣ принятія монашества оставались на своихъ каѳедрахъ (1). Наконецъ требуетъ ли правило, или по смыслу его слѣдуетъ ли требовать, чтобы архіерей, принимающій монашество, былъ лишенъ архіерейскаго сана? Нѣтъ; санъ снимается только за преступленія; монашество ни въ какомъ отношеніи не противорѣчитъ священству и наоборотъ; и пресвитеръ по принятіи монашества не лишается священства. Слѣд. если архіерей, съ принятіемъ монашества, по правилу теряетъ свои архіерейскія права, то не въ такомъ смыслѣ, какъ будто монашествомъ уничтожалось бы или отрицалось бы самое существо архіерейства, его духовная сторона, его святительская благодать; а въ томъ смыслѣ, что безмолвіе, самоуничиженіе, отреченіе отъ своей воли, свойственное монашеству, какъ скоро принимаетъ его архіерей, представляется уже несообразнымъ съ величіемъ, властію и дѣятельностію архіерейства; и такимъ образомъ отрицаетъ собственно не внутреннюю, существенную сторону его, а только внѣшнюю, формальную, такъ сказать административную. Что же отрицаетъ само архіерейство въ монашествѣ, когда наоборотъ—монахъ дѣлается архіереемъ? Отрицаетъ ли обѣты дѣвства, нестяжательности, посвященія всей жизни своей Богу, отверженія міра ради высшихъ цѣлей—духовныхъ и вѣчныхъ? Нѣтъ, и не можетъ никоимъ образомъ отрицать: иначе думать значило бы унижать и посрамлять самое архіерейство. Оно отрицаетъ въ монашествѣ только безмолвіе, исключительное заняніе самимъ собою, подчиненность: т. е. отри-

(1) Vid. Allat. de octava synodo. У насъ тобольскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій (1702—21), извѣстный просвѣтитель сибирскихъ инородцевъ, но отреченіи отъ каѳедры, принялъ схиму; но потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, былъ опять призванъ на туже митрополію. Ист. русс. Церкви *Филарета*, т. IV.

цаетъ не самое существо монашества и его главныя основанія, а только его внѣшній образъ жизни, и—только изъ созерцательной обращаетъ жизнь его въ дѣятельную, изъ уединенной въ открытую, изъ частной въ общественную, со всѣми ея выгодами и невыгодами, правами и трудами и скорбями. Даже можно ли въ строгомъ смыслѣ сказать, что архіерействомъ отрицается въ монахѣ отверженіе собственной воли? Нѣтъ: воля его тутъ нисколько не возвращается къ его личной самости, а вся вполнѣ посвящается опять же—Богу, только въ другомъ видѣ. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни разсматривать правило цареградскаго собора, изъ него никакъ не выходитъ ничего противъ монашества архіереевъ.

Въ XII вѣкѣ импер. Исаакъ Ангелъ, разсуждая съ патріархомъ антіохійскимъ Вальсамономъ, извѣстнымъ знатокомъ и толкователемъ церковныхъ каноновъ, о цареградской каѳедрѣ, выражалъ свое прискорбіе, что въ предѣлахъ ея не оказывалось довольно способныхъ и благонадежныхъ къ занятію этой каѳедры людей, по той причинѣ, что *монашество оскудѣло и потеряло свою духовную силу и значеніе, изсякли иноческія добродѣтели;* поэтому онъ находилъ себя вынужденнымъ перемѣщать на цареградскую патріархію достойныхъ съ другихъ каѳедръ (1). Такія слова въ устахъ свѣтской власти весьма важны. Они не только свидѣтельствуютъ фактъ—установившагося монашества въ цареградскихъ и всѣхъ епископахъ, но и выражаютъ господствовавшій взглядъ на этотъ предметъ. Видно, что въ то время (съ IX вѣка) было уже не обычно и не считалось возможнымъ поставлять и оставлять архіереевъ въ бѣломъ духовенствѣ. Иначе о чемъ бы императору скорбѣть? Не гораздо ли проще, легче и естественнѣе для мірской власти было бы—утвердить на каѳедрахъ бѣлыхъ священниковъ? Бесѣда императора съ Вальсамономъ, какъ замѣчаетъ современный историкъ, клонилась къ тому, чтобы этотъ патріархъ, какъ извѣстный канонистъ, далъ свое мнѣніе о возможности перемѣщеній епископовъ съ одной каѳедры на другую,—что не совсѣмъ

(1) Объ этой бесѣдѣ говоритъ Никита Хоніатъ: Hist. de Isaaco Ang. lib. 2.

согласно было съ древними канонами и обычаями. А почему бы не спросить у Вальсамона мнѣнія о возможности архіерейства безъ монашества? Видно, что и *мысли* объ этомъ не было.

Въ исторіи греческихъ царей, писанной Кантакузеномъ, замѣченъ случай, бывшій въ Константинополѣ въ 1332 году при избраніи патріарха.

На соборѣ, собравшемся по этому случаю, свѣтская власть предложила на патріаршую каѳедру изъ числа придворныхъ пресвитеровъ Іоанна Апрена, который имѣлъ жену и дѣтей. «*Тогда*, пишетъ историкъ, *всѣ епископы встали съ своихъ мѣстъ и шумно опровергали такое предложеніе, объявляя и незаконнымъ и вреднымъ для Церкви и положительно невозможнымъ поставить епископомъ человѣка, связаннаго житейскими дѣлами, живущаго съ женою и дѣтьми*». Только тогда, когда епископы получили увѣреніе, что пресвитеръ *отъ всего этого отречется и всѣ житейскія дѣла оставитъ*, они допустили его посвященіе прежде въ архіерея, потомъ въ патріарха (1). Что значитъ такое отреченіе не только отъ супружества и дѣтей, но и всѣхъ житейскихъ дѣлъ, если не принятіе монашества? И какое бы иначе значеніе могъ имѣть такой сильный протестъ противу избранія, предложеннаго самимъ императоромъ? Поставленіе епископовъ изъ людей семейныхъ было не странно и не ново, съ разлученіемъ отъ женъ и дѣтей, которое и въ настоящемъ случаѣ само собою разумѣлось; но видно, что соборъ не могъ и не хотѣлъ довольствоваться однимъ этимъ разлученіемъ, а требовалъ отъ Апрена чего-то большаго.

У того же Кантакузена о томъ же патріархѣ замѣченъ другой случай. Описывая коронацію Іоанна Палеолога, Кантакузенъ говоритъ, что по этому случаю почти всѣ вельможи Двора были повышены въ степеняхъ званія; «но, продолжаетъ писатель, что касается патріарха, такъ какъ нельзя было перемѣнить степень его сана, онъ сталъ съ этого времени одѣваться въ болѣе пышную одежду, употреблять въ подписяхъ цвѣтныя чернила, и тотъ головной покровъ, который обыкновенно

(1) Cantacuz. 2, 21.

носятъ патріархи, ἀν μη τε παγματος ωσι των μοναζοντων, деталь обвиваемый бѣлымъ полотномъ, онъ украсилъ золотомъ, изобразивъ на немъ иконы Спасителя, Богородицы и Іоанна Крестителя» (1). Противники монашества приводятъ это мѣсто въ доказательство того, что въ греческой Церкви архіереи не всегда были монахами. Здѣсь вся сила въ словахъ, приведенныхъ нами въ греческомъ подлинномъ видѣ; ихъ переводятъ такъ: «покровъ на головѣ, который обыкновенно носятъ патріархи, *если они не изъ чина монашествующихъ*», и отсюда выводятъ, что въ Греціи были архіереи изъ бѣлаго духовенства и оставались безъ монашества.—Но если это мѣсто читать и такъ, какъ теперь указано: и въ этомъ случаѣ справедливо ли выводить изъ него такое заключеніе? Несовсѣмъ. Ясно, что тутъ идетъ рѣчь о камилавкѣ, покрытой особымъ покрываломъ; однимъ словомъ это —*клобукъ*. Почему же патріархи носили клобуки, если не были изъ чина монашествующихъ и не входили въ него при избраніи на патріаршество? Они должны бы носить камилавки *безъ покрывала,* которое составляетъ принадлежность монашества. Если же патріархи, посвященные даже не изъ монашествующихъ, обязывались носить монашеское одѣяніе, и одно изъ самыхъ важныхъ, характеризующихъ именно *монаха*,—клобукъ, то едва-ли сомнѣваться можно, что они предъ посвященіемъ принимали монашество (2). Что же въ такомъ случаѣ значатъ слова Кантакузена? Такъ какъ нѣкоторые патріархи предварительно не были въ монашествѣ и становились монахами не сами по себѣ, не по своему произволенію, а только по избранію въ архіерейство, такъ что монашество принадлежало, такъ сказать, не личности ихъ, а сану, который они получали, то вѣроятно въ отличіе отъ дѣйствительныхъ монаховъ, т. е. такихъ, которые уже прежде были монахами, эти не монашествующіе монахи носили клобуки не черные, а бѣлые. Такимъ образомъ не лучше

(1) Cantacuz. Hist. 1. 3. cap. 36.

(2) Греческіе историки замѣчаютъ, что до патріарха Іоанна Апрена (1333), о которомъ пишетъ Кантакузенъ, всѣ цареградскіе епископы носили клобуки *шерстяные* (именно такіе, какіе носятъ всѣ восточные монахи), и только этотъ патріархъ сталъ употреблять *шелковый*.—N. Gregoras. 14, 3.

ли указанное мѣсто Кантакузена обратить въ пользу монашества епископовъ, чѣмъ противъ? Тоже мѣсто можно читать и такъ: «головной покровъ, обыкновенно носимый патріархами, *хотя бы они были не изъ чина монашествующихъ*, дотолѣ обвиваемый бѣлымъ полотномъ», и проч.; и въ такомъ видѣ слова эти подтверждаютъ, что патріархи, избираемые не изъ монашествующихъ, тѣмъ не менѣе носили монашескіе клобуки. Для чего же это, опять спрашиваемъ, если они не принимали постриженія въ монашество? Наконецъ, какъ бы ни читать это мѣсто, если патріархи, избираемые не изъ монаховъ, не постригались въ монашество, и именно *въ знакъ этого обстоятельства* носили бѣлые клобуки, то почему это предоставлялось только патріархамъ, а не всѣмъ архіереямъ, поставляемымъ изъ бѣлаго духовенства? Почему бы всѣ вообще греческіе архіереи изначала носили, и теперь носятъ клобуки черные? Еще вѣрнѣе то, что это было отличіе собственно—*патріаршаго* сана. И нашему новгородскому архіепископу Василію такой клобукъ былъ присланъ отъ цареградскаго патріарха совсѣмъ не потому, что Василій прежде былъ и будто бы оставался всегда въ бѣломъ духовенствѣ (какъ писали въ газетѣ «День»), а какъ особенное отличіе, въ знакъ преимущественнаго уваженія патріарха къ нему или къ его каѳедрѣ. Такой же смыслъ имѣть можетъ и означенное мѣсто у Кантакузена; оно показываетъ, что бѣлый клобукъ только возвышалъ монашество патріарха и отличалъ отъ прочихъ архіереевъ, которые, какъ и другіе монахи, всѣ носили клобуки черные. Во всякомъ случаѣ слова эти указываютъ только на предыдущее состояніе патріарховъ, а не на дѣйствительное—во время ихъ патріаршества. Изъ того, что епископъ былъ прежде не-монахомъ, слѣдуетъ ли, что онъ и всегда оставался такимъ ([1])?

Извѣстный церковный писатель, Симеонъ солунскій XIV ст.), который много занимался изученіемъ церковныхъ уставовъ и преданій и писалъ глубокія и точныя объясненія на церковные обряды, говоритъ: «смиренномудрые отцы, зная самихъ себя,

([1]) Le Quien переводитъ слова Кантакузена такъ: patriarchos, qui de monastico ordine assumpti non esent. Or. Christ. I. pag. 127.

уклонялись отъ святительскаго сана; тѣмъ не менѣе удостоивались его по правилу Церкви только облеченные въ монашескій образъ. Ибо справедливо всѣ думаютъ, что для такого сана нужна твердая и и очищенная душа: а эти свойства особенно отличаютъ иночество. Таково мнѣніе, можно сказать *вселенской Церкви*, которое такъ установилось, что предстоятельство въ Церкви (т. е. епископство) почти вездѣ ввѣряется монахамъ. Даже послѣ самаго тщательнаго изысканія едва-ли найдешь, чтобы живущіе въ мірѣ когда нибудь удостоивались священноначалія; а монахамъ оно какъ будто жребіемъ суждено. Если же увидишь, что кто либо и отъ мірской жизни возводится на епископство, то Церковь поставляетъ его не прежде, какъ *облечется онъ въ монашескую одежду*. Таково мнѣніе всѣхъ вообще вѣрныхъ, а въ особенности предстоятелей Церкви, которые воздаютъ такую честь схимѣ (т. е. монашеству), какъ бы для того она и учреждена была свыше. Только недоброе поведеніе многихъ все испортило и важность схимы унижена и ослаблена» (1). «Наибольшею частію, говоритъ тотъ же писатель, Церковь возводимыхъ на епископство предварительно украшаетъ симъ священнымъ образомъ, т. е. монашествомъ и потомъ уже посвящаетъ въ епископы» (2). Онъ же, описывая и объясняя самый обрядъ епископскаго посвященія, между прочимъ упоминаетъ о *мантіи*, какъ необходимой и постоянной принадлежности епископа (3): но мантія—прежде всего принадлежность монашества, и самая главная, и ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ бѣлому духовенству; въ архіерействѣ она только приспособляется (по внѣшнему виду) къ значенію этого сана. Симеонъ Солунскій не говоритъ о ней, какъ о нововведеніи въ архіерействѣ, а какъ о вещи, уже давно извѣстной. Если же по чину Церкви мантія издревле входила въ составъ архіерейскаго облаченія, какъ непремѣнная принадлежность архіерея, знакъ, что восточные епископы не иначе получали свой санъ, какъ въ монашествѣ. И это подтверждается тѣмъ, что по древнему обряду поставленія цареградскихъ патріарховъ мантія,

(1) Сим. Солун. о священствѣ, къ монаху.
(2) Сим. Солун. о таинствахъ гл. 266.
(3) Тамъ же, гл. 38. 39.

изукрашенная по приличію сана, съ посохомъ вручалась избранному отъ самого императора, еще прежде церковнаго посвященія въ санъ, тотчасъ по объявленіи ему избранія или по нареченіи (1). Такого порядка не могло бы быть, если бы мантія принадлежность собственно монашества, не принадлежала уже патріарху прежде его посвященія.

Обращаясь затѣмъ къ лѣтописямъ греко-восточной іерархіи, представляющимъ непрерывные ряды епископовъ на важнѣйшихъ каѳедрахъ, отъ начала ихъ до позднѣйшихъ временъ, мы видимъ, что въ этихъ рядахъ, при свободѣ и безразличіи выбора, преобладаетъ на дѣлѣ элементъ монашескій, а при избраніи изъ другихъ званій епископству дается *форма* монашества. Для примѣра мы возьмемъ іерархическую лѣтопись такого мѣста, гдѣ было *меньше* данныхъ для преобладанія монашества; именно каталогъ іерархіи константинопольской. На этой каѳедрѣ было меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, благопріятныхъ условій для монашества епископовъ: и потому, что монашество въ цареградской Церкви было гораздо меньше развито, чѣмъ въ округахъ александрійскомъ, антіохійскомъ, палестинскомъ, и потому, что въ Константинополѣ имѣлъ особенную силу многочисленный, каѳедральный клиръ, съ его разнообразными церковными должностями, усиливавшими его значеніе и голосъ въ дѣлахъ мѣстнаго церковнаго управленія, и потому, что тамъ выборъ епископовъ былъ всегда подъ непосредственнымъ, сильнымъ вліяніемъ свѣтской власти, и потому наконецъ, что въ Константинополѣ и дисциплина церковная и нравы жителей никогда не отличались строгостію, благопріятствовавшею монашеству: нигдѣ оно не подвергалось такому стѣсненію и даже гоненіямъ, какъ въ этомъ мѣстѣ. Что же представляетъ намъ іерархія константинопольская?

Въ первые три вѣка находимъ въ ней епископовъ съ женами и дѣтьми. Таковы напр. были въ III вѣкѣ Титъ, Домицій, Пробъ, изъ которыхъ послѣдній былъ сынъ предыдущаго, а преемникомъ Проба былъ его сынъ—Митрофанъ (по другимъ сказаніямъ—братъ). Съ

(1) Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ Никифоръ Грегорасъ. Hist. lib. 6. cap. 3.

IV-го вѣка во всѣ послѣдующія времена, до настоящаго, не видно *ни одного* епископа въ супружествѣ. Съ того же вѣка до половины XVIII-го, въ числѣ 174 епископовъ, (1), было:

73 — изъ монаховъ;
31 — изъ клировыхъ пресвитеровъ;
20 — изъ діаконовъ;
1 — изъ чтецовъ;
10 — изъ свѣтскихъ званій;
39 — неизвѣстнаго происхожденія.

При этомъ надобно замѣтить слѣдующее: 1) тогда какъ несомнѣнно, что пресвитеры и діаконы въ клирѣ константинопольскомъ, равно и другихъ Церквей, были нерѣдко монашествующіе, лѣтописи, указывая извѣстныхъ въ исторіи священнослужителей—монаховъ, не всегда упоминаютъ о монашествѣ ихъ, а говорятъ о нихъ только какъ о клирикахъ. Такимъ образомъ изъ клириковъ были возведены на патріаршество: Аттикъ пресвитеръ (406), Максиміанъ пресвитеръ (431), Проклъ пресвитеръ (434), Македоній пресвитеръ (496), Іоаннъ IV діаконъ (565), Ѳома діаконъ (607), Іоаннъ V пресвитеръ (669), Константинъ діаконъ (674), Ѳеодоръ пресвитеръ (676), Георгій пресвитеръ (678) и мн. др. Эти (поименованныя) лица въ лѣтописяхъ не называются монахами; однакожъ есть признаки ихъ монашества: и по жизни первыхъ пяти, и по свойству должностей, какія занимали въ клирѣ послѣдніе пять, можно признать за вѣрное, что они были монахи.

2) Нѣкоторыя должности въ патріаршемъ клирѣ были именно таковы, что по свойству своему требовали для исполненія своихъ дѣлъ монашества, или по крайней мѣрѣ безбрачія на условіяхъ монашества. Такова напр. была весьма важная должность синкелла, который имѣлъ назначеніе лично жить вмѣстѣ съ патріархомъ, (именно въ однихъ келліяхъ) и быть ближай-

(1) Въ каталогахъ считается всего 238; но въ этомъ счету помѣщаются и такіе, которые, бывъ патріархами и оставивъ каѳедру, потомъ снова занимали ее, иные по нѣскольку разъ. Такихъ многократныхъ переставленій насчитывается до 64. Мы слѣдуемъ Le Quien, котораго Oriens christianus представляетъ сводъ и греческихъ лѣтописей и новѣйшихъ изслѣдованій.

шимъ, *домашнимъ* его совѣтникомъ и сотрудникомъ, такъ что по смерти или по увольненіи отъ каѳедры патріарха, это былъ первый кандидатъ на патріаршество (1). Вообще это была должность такого рода, что въ супружествѣ или въ мірскомъ быту она была бы неудобна, да и немыслима, ни для сожителя патріаршаго, ни со стороны самого патріарха. И замѣчательно, что эта должность основалась въ то самое время, какъ утверждено безбрачіе епископовъ и они начали быть преимущественно изъ монаховъ: именно съ V вѣка. Изъ синкелловъ были патріархи: Іоаннъ II (518), Епифаній (520), Ѳеодоръ (676), Георгій (678), Анастасій (730), Стефанъ (886) и др. О нѣкоторыхъ патріархахъ положительно извѣстно, что они въ званіи синкелловъ были монахами, какъ напр. о Іоаннѣ VII (832), Антоніѣ II (893), Евфиміѣ (906).

Такова была еще должность сакелляріевъ, которые завѣдывали (въ высшей инстанціи) монастырями константинопольской епархіи (2); званіе экзарховъ монастырскихъ, имѣвшихъ особенныя полномочія по дѣламъ монастырскимъ (3), монастырскихъ апокрисіаріевъ, которые были при патріархахъ и даже при царскомъ Дворѣ представителями монастырей и ходатаями по ихъ дѣламъ (4). Естественно, что такія должности должны были принадлежать монашествующимъ лицамъ. Изъ сакелляріевъ были патріархи: Ѳома (607), Константинъ IV (1154), Михаилъ III (1169), Никита II (1186), Михаилъ IV (1206), хотя о монашествѣ этихъ патріарховъ, и до и послѣ посвященія въ санъ, не упоминается въ лѣтописяхъ.

Нѣкоторыя другія должности, хотя по свойству своему и не требовавшія монашества, не рѣдко исполнялись монашествующими. Такъ и изъ числа патріарховъ напр. Флавіанъ (446) и Македоній (496) были въ монашествѣ сосудохранителями (ске-

(1) См. Дюканжа Glossarium mediae et infimae graecitatis. pag. 1471. Зонара говоритъ, что въ древнія времена по смерти патріарховъ обыкновенно ставились на ихъ мѣста синкеллы.

(2) Codin. de officiis M. Ecclesiae.

(3) Jus Graeco-Rom. Leunclavii. lib. 6. pag. 433.

(4) Balsamon Collect. Constit. Eccles. lib. 3.

вофилаксъ) великой Церкви. Иногда эта должность соединялась съ званіемъ синкелла, которая, какъ мы выше замѣтили, могла быть носима только монахомъ, или безбрачнымъ лицемъ, на условіяхъ монашества. Такимъ образомъ изъ сосудохранителей и вмѣстѣ синкелловъ были патріархами: Ѳеодоръ (676), Георгій (678). Вообще изъ сосудохранителей было въ Константинополѣ немало патріарховъ.

3) Не только настоятелями патріаршихъ (не монастырскихъ) церквей, но и придворными пресвитерами и діаконами были иногда монахи: и изъ нихъ потомъ избирались патріархи. Таковы напр. были патріархи: Пирръ (639), который въ званіи пресвитера великой Церкви, былъ не только монахомъ, но и игуменомъ одного монастыря и вмѣстѣ надзирателемъ другихъ монастырей; Каллиникъ монахъ (693), бывшій настоятелемъ влахернской церкви, Никита (766), настоятель церкви св. апостоловъ (въ Константинополѣ) и начальникъ монастырей, Іоаннъ VII (832), придворный священникъ и вмѣстѣ игуменъ одного монастыря; Никифоръ II (1260), монахъ и придворный архидіаконъ. Нѣкоторые прежде патріаршества были монахами въ званіи царскихъ духовниковъ, какъ напр. Максимъ (1216), Іоаннъ XII (1294).

Соображая всѣ эти обстоятельства, выше показанное число патріарховъ изъ пресвитеровъ и діаконовъ нельзя признавать безусловнымъ въ отношеніи къ бѣлому духовенству. Надобно допустить безъ насилія исторіи, что между ними было очень немало монашествующихъ, а наибольшая часть до посвященія въ патріархи вели жизнь безбрачную, въ видѣ или по крайней мѣрѣ въ духѣ монашества. И это подтверждается еще одною чертою, очень значительною, въ лѣтописяхъ. Онѣ, когда говорятъ о поставленіи патріарховъ изъ женатыхъ людей, не оставляютъ этого обстоятельства безъ точнаго указанія, и именно замѣчаютъ это, не какъ что либо обычное, общее, а напротивъ, какъ дѣло особенное, необычное, исключительное. Такъ отмѣчается и о священнослужителяхъ и о мірскихъ лицахъ; а изъ выше показаннаго числа патріарховъ—не монаховъ только слѣдующіе отмѣчены, какъ взятые изъ супружества: Ѳеодотъ (815),

Мануилъ II (1244), Іоаннъ XII (1284), Іоаннъ XIII (1316), Іоаннъ XIV (1333), и сказано, что по избраніи всѣ они оставили супружескій союзъ. О другихъ же многихъ, даже о большей части, хотя и не называются они монахами, въ лѣтописяхъ замѣчено, что они были *подвижники, постники, дѣвственники* (въ смыслѣ монашества), вели жизнь *иноческую*, съ юныхъ лѣтъ воспитывались въ *монастыряхъ* и т. п. Такъ напр. замѣчено: объ Аттикѣ (406), о Максиміанѣ (431), о Македоніи (496), Іоаннѣ IV (582), Никифорѣ II (1260) и др. Выходитъ, что вышеуказанное число патріарховъ изъ бѣлаго духовенства должно значительно сократиться, и самыя показанія лѣтописей, что они были изъ *пресвитеровъ или діаконовъ*, нельзя понимать въ строгомъ смыслѣ *бѣлаго* духовенства.

Далѣе 4) есть ясныя и положительныя указанія лѣтописей —на то, что епископы, избранные внѣ монашества, принимали предъ посвященіемъ монашеское постриженіе. Это записано о Евтихіѣ (552)—изъ безбрачныхъ пресвитеровъ, о Тарасіѣ (784), Никифорѣ (806), Θеодотѣ (815), Фотіѣ (857), Григоріѣ (1288). Сюда же надобно отнести тѣхъ, о которыхъ лѣтописи сказываютъ, что они съ полученіемъ епископскаго сана перемѣняли свои прежнія имена; таковы напр. Максимъ III (1475), переименованный такъ изъ Мануила, и поставленный изъ клира, Кириллъ II (1645), прежде Контариномъ называвшійся. Если постриженіе замѣчается не о всѣхъ патріархахъ, поставленныхъ не изъ монашескаго круга, то за несомнѣнное должно это принять относительно тѣхъ, которые избираемы были изъ свѣтскихъ званій. Предварительнаго постриженія ихъ требовалъ и положительный законъ (1), и естественно, что Церковь къ такимъ должна была имѣть болѣе строгости и осторожности. Въ этомъ отношеніи постриженіе въ монашество такъ признавалось нужнымъ, что не отмѣнялось для людей, извѣстныхъ чистотою нравовъ въ мірской жизни и требовалось не смотря ни на какія личныя добродѣтели ихъ; напр. Никифоръ и Фотій были избраны именно за высокій характеръ ихъ духа и жизни, извѣстный всѣмъ: но не

(1) Justin. Nov. 6. 123. 137. Cod. cap. 42. 48. [Законъ изложенъ нами выше.

освободились отъ пострижения. Другіе должны были принимать его невольно: такъ наприм. Ѳеодотъ Каситеръ, свѣтскій человѣкъ и важный по званію (спаѳарій), былъ обрученъ съ своею невѣстою и уже готовился къ браковѣнчанію: но, внезапно бывъ избранъ въ патріарха, долженъ былъ не только оставить невѣсту, но и вступить въ монашество. О патріархѣ Іереміѣ II (1572) замѣчено въ лѣтописяхъ, что онъ былъ избранъ за умъ и честность правилъ, хотя и *мало расположенъ былъ къ жизни монашеской*, которой долженъ былъ посвятить себя въ патріаршествѣ (1). Вообще же надобно замѣтить, что Церковь весьма неохотно допускала мірянъ къ епископству, особенно не позволяла скораго ихъ поставленія; избраніе же патріарховъ изъ свѣтскаго званія всегда предначиналось и рѣшалось свѣтскою властію. Посвящая мірянъ въ клиръ, Церковь требовала продолжительнаго оставленія ихъ въ низшихъ степеняхъ священнослуженія, прежде, чѣмъ они признаны будутъ достойными епископскаго сана. (Сардик. 10. Двукрат. 17). Избраніе скорое въ архіереи свѣтскихъ людей, даже извѣстныхъ своими добродѣтелями, какъ напр. Тарасія, Никифора, Фотія, не оставалось безъ сильныхъ прекословій въ Церкви. Съ другой стороны, когда нѣкоторые патріархи оставались безъ монашества или приняли его уже послѣ посвященія: и это лѣтописи не оставляютъ безъ замѣчанія, какъ обстоятельство особенное, требующее вниманія. Такъ это замѣчено о Павлѣ IV (780), Георгіѣ Ксифилинѣ (1191), Германѣ II (1222), которые были изъ діаконовъ. Впрочемъ лѣтописи говорятъ о нихъ неодинаково: однѣ—такъ, что они приняли монашество послѣ посвященія въ патріархи, другія—что они удалились съ каѳедры въ монастыри на житіе монашеское; послѣднее вѣрнѣе. Только о Іоаннѣ XIII (1316) лѣтописи положительно передаютъ, что онъ, по избраніи на патріаршество, готовъ былъ принять пострижение монашеское, но по убѣжденію врачей, съ согласія и совѣта императора, былъ отъ того удержанъ и остался безъ монашества.

Наконецъ 5) всѣ патріархи, изъ какого бы то ни было званія избранные, замѣчено или не замѣчено въ лѣтописяхъ

(1) Ap. Le Quien. loco cit.

принятіе ими монашества до посвященія, когда по доброй волѣ или по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, оставляли свою каѳедру, удалялись непремѣнно въ *монастыри,* или по собственному усмотрѣнію избранные, или назначенные властію. Примѣровъ не приводимъ, именно потому, что такъ было со всѣми, *безъ исключенія.*

При всѣхъ такихъ соображеніяхъ, необходимыхъ въ рѣшеніи нашего вопроса, нельзя не согласиться, что на константинопольской патріаршей каѳедрѣ, не смотря на условія и обстоятельства, неблагопріятныя для монашества, преобладалъ элементъ монашескій, и этотъ элементъ надобно видѣть не въ одномъ большинствѣ числа дѣйствительныхъ монаховъ, поставленныхъ въ патріархи, но и въ церковномъ положеніи и во всей обстановкѣ лицъ, избранныхъ внѣ монашескаго сословія. Здѣсь духъ Церкви, духъ изначальный и вселенскій, дѣйствовалъ своею несокрушимою силою и бралъ свое, не смотря на разнообразную, тяжкую борьбу съ духомъ міра. По недостатку времени и для сокращенія статьи не излагаемъ здѣсь исторіи или каталоговъ другихъ, важнѣйшихъ іерархій восточныхъ: но можемъ увѣрить читателей, что всѣ они представляютъ на своихъ каѳедрахъ почти непрерывный рядъ монаховъ, съ V вѣка и до нашихъ временъ. Здѣсь укажемъ только на свидѣтельство Досиѳея іерусалимскаго патріарха (XVII в.), который въ своей исторіи іерусалимскихъ патріарховъ положительно говоритъ, что *въ началѣ* архіереи были не монахи, но потомъ вошло въ обычай—не быть архіереемъ, не сдѣлавшись наперед монахомъ (1).

Если бы за всѣмъ тѣмъ показалось кому нибудь странно, что мы настаиваемъ о предварительномъ монашествѣ, или о постриженіи предъ посвященіемъ въ санъ тѣхъ епископовъ, которые были изъ клира избраны, тогда какъ въ лѣтописяхъ объ этомъ совсѣмъ не упоминается, тогда какъ лѣтописные каталоги объ однихъ епископахъ (вышеуказанныхъ) прямо говорятъ, что они предварительно были *пресвитерами или діаконами*—только, о другихъ стольже положительно говорятъ, что они были *монахи* или *монахи-пресвитеры,* и такимъ образомъ не позволяютъ смѣ-

(1) Досиѳ. кн. 8. гл. 4 и 5.

шивать двухъ разныхъ сословій: мы представимъ на это еще одно объясненіе. Въ древней Церкви никогда не было наслѣдственнаго духовенства, собственно называемаго у насъ *бѣлымъ:* древніе церковные каноны и не допускали въ клирѣ наслѣдственности (VI всел. 33). При допущеніи же въ клиръ изъ всѣхъ званій и состояній, клирикамъ безразлично дозволялась жизнь и брачная и безбрачная, по доброй волѣ каждаго (VI всел. 13). Но такъ какъ безбрачнымъ по вступленіи въ клиръ уже не дозволялся бракъ (апост. 26. VI всел. 3. 6): то они предъ посвященіемъ въ санъ должны были давать формальное обѣщаніе сохранить навсегда дѣвство и цѣломудріе и вести соотвѣтственный тому образъ жизни. Когда развилось и организовалось монашество, то такіе безбрачные клирики, въ силу даннаго ими обѣта и по правиламъ нравственной жизни, уже подходили подъ идею монашества и приближались не только въ сущности дѣла, но и въ оффиціальномъ порядкѣ (хотя и не вполнѣ) къ чину монашествующихъ. Такимъ образомъ когда утвердилось въ архіерейскомъ санѣ безбрачіе и сообразно тому епископскій клиръ, который былъ вмѣстѣ и каѳедральнымъ, т. е. по нынѣшнему названію— соборнымъ, составлялся изъ лицъ безбрачныхъ, то съ теченіемъ времени въ Церкви восточной установился обычай такой, чтобы на безбрачныхъ, въ утвержденіе уже неизмѣннаго обѣта—дѣвства, въ огражденіе нравственной чистоты жизни и достоинства священства, при самомъ вступленіи ихъ въ клиръ возлагать малый образъ монашества, такъ называемый *рясофоръ*, т. е. первоначальную степень иночества, съ перемѣною имени и съ монашескою одеждою, именно черною рясою и камилавкою, только безъ мантіи, знаменующей уже великій образъ монашества. Эта первоначальная степень монашества, въ такомъ видѣ, утверждена и уставомъ церковнымъ и имѣетъ свое посвященіе ([1]). Такіе рясофоры обязывались соблюдать общія правила иноческой жизни и причислялись къ сословію монашествующихъ: но не обязывались принимать полное постриженіе, т. е. высшую степень монашества: это предоставлялось собственной волѣ ихъ. Поэтому

([1]) См. особое послѣдованіе рясофора въ большомъ церковномъ требникѣ.

многіе изъ нихъ, по обстоятельствамъ или по своимъ личнымъ соображеніямъ, оставались въ малой формѣ монашества на очень долгое время или на всю жизнь: но это не препятствовало имъ, за хорошую жизнь и усердіе къ Церкви, также способность къ церковной дѣятельности, удостоиваться священства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они занимали тѣ должности въ патріаршемъ клирѣ, какъ напр. должности синкелловъ, сакелларіевъ, скевофилаксовъ, и проч., которыя давали имъ важное значеніе въ церковномъ управленіи и открывали имъ, и преимущественно имъ, путь къ епископству и даже патріаршеству. Такія лица, какъ уже имѣвшія на себѣ образъ монашества, никакъ не могутъ быть причислены къ бѣлому духовенству: но какъ не принявшіе полнаго постриженія, они титуловались тѣми степенями священнаго сана или церковнаго управленія, которыя занимали въ патріаршемъ клирѣ, а не званіемъ монашества. Монахами въ древнихъ сказаніяхъ назывались собственно тѣ, которые жили въ монастыряхъ и именно тѣ, которые и тамъ къ клиру не принадлежали, такъ что имѣвшіе санъ священства обыкновенно въ лѣтописяхъ называются: *монахъ и пресвитеръ*. Вотъ почему, когда лѣтописи и епископскіе каталоги говорятъ о епископахъ, изъ каѳедральнаго клира взятыхъ, что они до избранія были пресвитеры или діаконы, синкеллы, скевофилаксы, экономы, и т. п., и не упоминаютъ при этомъ о ихъ монашествѣ, никакъ не надобно спѣшить заключеніемъ, что это были лица бѣлаго духовенства; скорѣе всего это были монахи—рясофоры. Очень можетъ быть, что по уваженію къ долговременному, отличному служенію ихъ въ патріаршемъ клирѣ, къ безукоризненной жизни и ненарушимому соблюденію первоначальнаго ихъ обѣта цѣломудрія и дѣвства, такія лица освобождались отъ полнаго постриженія въ монашество предъ посвященіемъ въ епископскій санъ: но это не измѣняетъ сущности дѣла, которая состоитъ въ томъ, что они принадлежали къ монашеству, а не къ бѣлому духовенству. Едвали можно сомнѣваться и въ томъ, что священнослужители, бывшіе въ супружествѣ, когда избираемы были въ епископы и обязывались по правиламъ оставлять супружескій союзъ, также должны были принимать *по крайней*

мѣрѣ рясофоръ: для такихъ не менѣе, если еще не болѣе, требовалось утвержденіе и огражденіе въ обѣтѣ цѣломудрія на будущее время (1).

Таковъ порядокъ этихъ дѣлъ и нынѣ на Востокѣ, и это, при извѣстной неизмѣняемости восточной Церкви въ ея преданіяхъ и древнихъ обычаяхъ, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ объясненій. Высказанное въ современной нашей литературѣ замѣчаніе, что въ настоящее время въ Константинополѣ и другихъ христіанскихъ мѣстахъ Востока епископы избираются не изъ монашествующихъ, а изъ бѣлаго духовенства (2), есть совершенная ложь и показываетъ только незнаніе дѣла. Восточные епископы поставляются *исключительно* изъ монашества, только не всегда полнаго, т. е. вполнѣ постриженнаго. Они избираются преимущественно изъ патріаршихъ клировъ, въ которые вступаютъ лица всѣхъ званій и состояній, по собственному расположенію къ духовной жизни. Но каждое изъ такихъ лицъ обязывается не только ко всегдашнему безбрачію, но и къ принятію монашества, и поэтому, при самомъ вступленіи въ клиръ, принимаетъ на себя первую его степень, именно рясофоръ. Въ этомъ видѣ клирики сначала исправляютъ низшія церковныя должности, напр. должности чтецовъ, канонарховъ, и пр., потомъ, нерѣдко еще прежде полнаго постриженія, получаютъ по достоинству санъ діаконовъ и священниковъ. Но не смотря на неполное постриженіе, они считаются и называются монахами, даже (во священствѣ) *іеродіаконами, іеромонахами;* даже получаютъ лично титла *игуменовъ* и *архимандритовъ*, въ качествѣ настоятелей или надзирателей священныхъ мѣстъ или духовныхъ общинъ. Это такъ

(1) На цареградскомъ соборѣ 879 года восточные епископы говорили римскимъ посламъ, что въ управленіе Фотія очень многіе клирики были причисляемы къ монашеству и настоящіе монахи обращены въ клириковъ. Act. concil. IV. Симеонъ Солунскій обобщаетъ монашество для всѣхъ степеней священства, замѣчая, что священнаго сана (пресвитерскаго и діаконскаго, а не одного епископскаго) удостоиваются преимущественно тѣ, которые пострижены въ иноческій образъ. Кн. о священствѣ къ монаху. Сн. Πηδαλιον προς καν. 51 Αποσ. VI. συν. 43.

(2) «День» № 25 и 30. 1862 г.

обычно на Востокѣ, что тамъ и монастырями называются не одни только иноческія обители, но и разныя другія мѣста патріаршаго вѣдомства безъ монаховъ, напр. странноприемные домы, и пр. (1). Изъ такихъ-то пресвитеровъ, игуменовъ и архимандритовъ поставляются въ настоящее время на Востокѣ епископы: это клирики, но клирики-монахи. Если они нерѣдко поставляются епископами безъ полнаго постриженія въ монашество, то не потому, что само по себѣ монашество признается тамъ, въ сущности, ненужнымъ для архіерейства: ибо рясофорный образъ въ сущности—тоже монашество: въ немъ тѣже обѣты, тѣже обязанности и правила. Напротивъ это показываетъ, что на Востокѣ до такой степени монашество признается нужнымъ для архіереевъ, такъ считается неудобнымъ, или неполезнымъ или неприличнымъ въ архіерействѣ бѣлое духовенство, хотя бы и безбрачное, что для архіерея требуется *по крайней мѣрѣ* рясофорное, если не полное монашество. Мы не можемъ сказать, съ котораго времени вошелъ въ греческую Церковь такой обычай: но вѣроятно послѣ IX, X вѣка, когда эта Церковь подверглась такимъ страшнымъ, всестороннимъ, непрерывнымъ потрясеніямъ и внутри и совнѣ, что находила себя въ невозможности соблюдать всѣ *полныя формы* церковнаго порядка. А можетъ быть и самое свойство разнообразныхъ должностей, занимаемыхъ членами патріаршаго клира, стало таково, что неудобно было въ разныхъ случаяхъ исполнять ихъ въ полномъ монашествѣ; между тѣмъ личныя достоинства этихъ членовъ оказывались таковы, что безъ грѣха можно было возлагать на нихъ архіерейскій санъ, не соблюдая полной формы монашества. Находились же люди, которые оказывались до такой степени достойными этого сана, даже въ мірскихъ званіяхъ, что можно было ихъ въ нѣсколько дней провести по всѣмъ степенямъ священства и поставить патріархами: и они впослѣдствіи совершенно оправдывали такое необы-

(1) Это мы знаемъ изъ личныхъ бесѣдъ со многими духовными и свѣтскими лицами изъ грековъ въ С.-Петербургѣ. О томъ же свидѣтельствуютъ наши русскіе путешественники, видѣвшіе и хорошо познавшіе порядокъ церковныхъ дѣлъ на Востокѣ. Къ сему см. статью въ «Домашней бесѣдѣ» № 49, декабря 8. 1862.

чайное, даже *неправильное* (по канонамъ) поставленіе. Это были исключенія, не только по церковному порядку, но и по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, ихъ вызывавшимъ. Такими исключеніями могли быть вначалѣ и поставленія епископовъ изъ рясофоровъ. А съ теченіемъ времени по разнымъ причинамъ, болѣе или менѣе уважительнымъ, исключенія могли сдѣлаться—сначала примѣрами, потомъ повтореніями, а наконецъ и обычаями. Но надобно замѣтить, что этотъ обычай и теперь на Востокѣ—вовсе не правило. Какъ для рясофоровъ не признается канонически ненужнымъ или неважнымъ полное постриженіе, а не требуется оно иногда только по особымъ причинамъ, настоятельно побуждающимъ къ снисхожденію (1), такъ и полное монашество вовсе не устраняется отъ епископства; преимущество въ поставленіи епископовъ всеже остается за нимъ. Извѣстныя современныя лица высшей греческой іерархіи, патріархи Анѳимъ, Іоакимъ, митрополиты Мелетій, Неофитъ, и мн. др. поставлены изъ ряда полныхъ монаховъ (2).

Нужны ли еще какія нибудь доказательства? Нужны ли напримѣръ свидѣтельства съ противной стороны?

Въ самомъ дѣлѣ, были ли откуда-нибудь возраженія противъ такихъ порядковъ? Во времена болѣе древнія, какъ мы уже замѣтили выше, не было противныхъ мнѣній, хотя напр. свободно мыслящій человѣкъ IV в. пресвитеръ Аерій доказывалъ, что епископство ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ пресвитерства, и то и другое могутъ считаться равноправными; однакожъ и Аерій не касался монашества или безбрачія въ отношеніи къ архіерейству. Но въ позднее время (послѣ X, XI вѣка) бѣлое духовенство заявляло свое неудовольствіе, что «его не допускали до высшихъ степеней, предпочитая монаховъ при избраніи архіереевъ», были духовныя лица, которыя признавая это несправедливымъ и несогласнымъ съ канонами, высказывали

(1) См. Πηδαλιον προς καν. 43. VI συν.

(2) Тоже въ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ и по неизмѣнной вѣрности ихъ древнимъ преданіямъ Церкви и по настоящей зависимости отъ греко-восточной іерархіи, соблюдаются неизмѣнно общіе каноны.

и то, что «если бы имъ дано было управленіе дѣлами, то они уничтожили бы такую *несправедливость*, произведенную *временными безпорядками*». Мы приводимъ эти отзывы точными словами историка (1): и кажется этого достаточно, чтобы понять смыслъ и силу ихъ. Уже то не въ пользу ихъ, что они принадлежатъ не раннимъ, лучшимъ, временамъ Церкви, что высказываютъ ихъ люди, лично заинтересованные въ дѣлѣ, и слѣдовательно не безпристрастные, что слишкомъ ясно и даже неосторожно обнаруживаютъ личныя побужденія... Но главное вотъ что: они приписываютъ утвержденіе монашества на архіерейскихъ каѳедрахъ какимъ-то *временнымъ безпорядкамъ (??)*. Какіе это безпорядки? Если разумѣть то, что усиленіе страшныхъ ересей въ первые вѣка и расколовъ въ послѣдующіе побуждало Церковь (духовное правительство и народъ) при выборѣ архіереевъ давать предпочтеніе монахамъ, какъ не связаннымъ никакими мірскими узами, всю жизнь свою посвятившимъ Богу и вѣрѣ, и потому болѣе твердымъ въ духѣ, болѣе готовымъ на всякое самопожертвованіе ради блага Церкви и цѣлости вѣры, какъ преимуществовавшимъ чистотою и высотою нравственной жизни и потому сильнѣе другихъ могшимъ имѣть вліяніе на народъ, въ видахъ отвлеченія его отъ ересей и крѣпкаго единенія съ Церковію: то развѣ можно это называть несправедливостію? Что же? при такихъ обстоятельствахъ и цѣляхъ—оправдалось ли предпочтеніе монашества или нѣтъ? Это рѣшаетъ исторія Церкви, или лучше, —рѣшила сама Церковь тѣмъ, что и послѣ волненій утвердила архіерейство въ монашествѣ. Конечно, волненія въ Церкви отъ ересей можно назвать *временными* безпорядками: но развѣ люди, оказавшіеся полезными при безпорядкахъ, должны уже считаться вредными при порядкахъ? И развѣ монашество само по себѣ имѣло временный характеръ и преходящее назначеніе? Монашество на Востокѣ совсѣмъ не то, что іезуитство на Западѣ: послѣднее основалось въ исключительныхъ видахъ папства, когда оно стало терять свою духовную и мірскую силу и сознавало это: монашество на Востокѣ послужило не архіерейству (собственно), а Церкви и имѣло не случайные виды, а постоянные—

(1) *Пахимеръ* Hist. Andronic. 1, 34. 2, 28.

чистоту вѣры, цѣлость Церкви и твердость жизни нравственной по духу Евангелія. Притомъ, зная исторію ересей и другихъ смутъ въ древней Церкви, едвали можно безпорядки въ ней называть временными. Послѣ внѣшнихъ гоненій на христіанство отъ язычества, съ конца III-го вѣка на Востокѣ развивались *непрерывные* ряды жесточайшихъ ересей и расколовъ касательно лица Христова, до VII вѣка; потомъ въ VII и VIII вѣкѣ—бурное иконоборство; съ IX до XV смуты и бѣдствія отъ раздѣленія Церквей и отъ враждебныхъ отношеній Запада; съ XV доселѣ—отъ мусульманства. При такихъ непрерывныхъ страданіяхъ, требовавшихъ непрерывно самыхъ преданныхъ слугъ и пламенныхъ ревнителей Церкви, готовыхъ на всеусильную борьбу, можно ли называть монашество на архіерейскихъ каѳедрахъ временнымъ явленіемъ? Гдѣ же указать предѣлъ времени, до котораго монашество можно бы считать въ Церкви нужнымъ и полезнымъ, и за которымъ — оно стало уже ненужно и неполезно. Мы говоримъ о противникахъ монашества въ XIII вѣкѣ, разбирая теперь ихъ отзывы: но мнѣнія всегда сходятся, не смотря на разстояніе мѣстъ и временъ, какъ скоро выходятъ изъ одного источника. Не тоже ли повторяютъ нынѣ, когда говорятъ, что съ монашествомъ не связано архіерейство ни исторически, ни канонически? Пусть же мыслители нашего времени, продолжая логику своихъ предшественниковъ XIII вѣка, опредѣлятъ въ своихъ сужденіяхъ предѣлы времени, о которыхъ мы спрашиваемъ, и напримѣръ, пусть рѣшатъ: настолько ли *въ настоящее время* спокойна и безопасна Церковь внутри и извнѣ, чтобы признать ненужнымъ на архіерейскихъ каѳедрахъ монашество, какъ обязанное ими въ свое время безпорядкамъ и смутамъ церковнымъ? Это было бы очень любопытно.

Если же духовенство XIII вѣка хотѣло сказать только то, что монашество въ епископствѣ утвердилось по причинѣ безпорядковъ на самыхъ каѳедрахъ архіерейскихъ, что представители его разными средствами искусно воспользовались этими безпорядками, чтобы устранить отъ каѳедръ бѣлое духовенство: то опроверженіемъ такому отзыву, дѣлающему еще менѣе чести сочинителямъ его, служатъ всѣ выше изложенныя нами указанія

исторіи. Здѣсь прибавимъ только интересное замѣчаніе того самаго историка, изъ котораго мы привели этотъ отзывъ; «тѣ лица (изъ духовенства), говоритъ онъ, которыя выражали, что если бы имъ дано было управленіе церковными дѣлами, они непремѣнно уничтожили бы такую несправедливость, тѣ самые, когда становились во главѣ управленія, дѣлали тоже, что и другіе, (т. е. предпочитали въ выборѣ архіереевъ монашество), какъ будто увлекаясь какимъ то опредѣленіемъ судьбы». Это говоритъ историкъ именно о патріархѣ Іоаннѣ (1294), который, бывъ священникомъ и женатымъ, возставалъ противъ монашества архіереевъ, но самъ, сдѣлавшись патріархомъ—по постриженіи въ монашество, перемѣнилъ свои мысли ([1]). Что же это за *опредѣленіе судьбы?* Это ничто иное, какъ тотъ духъ истины и правды, который внушаетъ доброму человѣку здравыя и полезныя мысли, тотъ истинный духъ православной Церкви, который лучше всякаго другаго *духа* понимаетъ ея пользы и нужды.

Еще одинъ греческій писатель (XVI вѣка) Наѳанаилъ говоритъ: «иноческій образъ особенно свойственъ покаянію, потому, что очищаетъ грѣхи вѣрующаго и возвышаетъ его въ добродѣтели. Но этотъ образъ не совершаетъ монаха во священника: поэтому и безъ монашескаго образа могутъ быть епископы» ([2]). Это справедливо; монашество само по себѣ не есть священство и не необходимо для него; монашество даже не составляетъ само по себѣ церковнаго клира и основано отдѣльно отъ него ([3]). Что касается въ особенности архіерейства, то оно было учреждено прежде монашества и существовало внѣ его до того времени, какъ организовалось монашество въ своихъ правилахъ. Слѣдовательно нѣтъ и спора о томъ, что архіерейство *возможно* безъ монашества. Но это нисколько не отрицаетъ и не ослабля-

([1]) Pachymeri Hist. ibid.

([2]) Іоаннъ Наѳанаилъ въ книгѣ о таинствахъ: гл. 29. Она издана на славянскомъ языкѣ при п. Никонѣ въ его *скрижали* 1656. См. въ этой скрижали стр. 100.

([3]) Церковныя правила, когда касаются клира, отдѣляютъ отъ него монашество и не даютъ послѣднему преимуществъ перваго. См. напр. IV всел. 2. 8. VI всел. 81. VII всел. 5. 9. и др.

етъ той исторической истины, что Церковь de facto съ сознаніемъ и по убѣжденію отдала въ архіерействѣ предпочтеніе монашеству, нисколько не рѣшаетъ и того вопроса: *должны ли* быть архіереи безъ монашества? это другой вопросъ, для рѣшенія котораго надобно искать основанія не въ одной возможности —a priori, а въ духѣ и жизни самой Церкви, которые уже положительно и практически выразились въ монашествѣ архіерейства и которыми опредѣляется значеніе перваго въ послѣднемъ. Вопросъ не о томъ, что можно, а что *должно*, или что лучше, т. е. свойственнѣе духу Церкви и дѣйствительнѣе въ ея видахъ. Иначе логику возможности не трудно провести слишкомъ далеко. Можно напр. умозаключать и такъ: безбрачіе не составляетъ священства: слѣдовательно можно архіереемъ быть и женатому. Конечно можно: однакожъ не позволительно. И благочестіе само по себѣ не составляетъ священства: слѣдовательно можно и безъ благочестія быть священникомъ или архіереемъ? Пожалуй — и бываютъ... Но дѣло въ томъ, что у Наѳанаила логика не вѣрна. Когда рѣчь идетъ о соединеніи архіерейства съ монашествомъ, то имѣется въ виду собственно не *священство* архіерея, не духовный *санъ* его, а его личная жизнь и пастырская дѣятельность: для перваго монашество составляетъ только форму, для послѣдней духъ и силу.

Наконецъ, что показываютъ *фактически* эти возраженія противу монашества архіереевъ? Они доказываютъ только то, что de facto монашество постоянно было и преобладало на архіерейскихъ каѳедрахъ Востока: иначе оно и не возбуждало бы возраженій. А это и нужно для нашего вопроса въ *историческомъ* развитіи и рѣшеніи его. Только замѣтимъ, что возраженія были весьма немногочисленны и несильны. Духъ Церкви дѣлалъ свое дѣло независимо отъ случайныхъ, частныхъ мнѣній и оставался неизмѣннымъ, потому, что, самъ въ себѣ чистый и истинный, онъ раскрывался въ ясномъ сознаніи и глубокомъ убѣжденіи всего общества вѣрующихъ. Мы не думаемъ, чтобы въ видѣ *историческаго* возраженія противъ этого кто нибудь сталъ указывать на отношеніе къ монашеству общества (особенно константинопольскаго) IV вѣка (во время самаго сильнаго аріанства при импер. Валентѣ) и VIII-го (во время иконо-

борства), когда монашество подвергалось самымъ грубымъ и наглымъ публичнымъ оскорбленіямъ, когда даже отъ власти мірской было объявлено открытое и рѣшительное на него гоненіе и была мысль совсѣмъ его уничтожить. Довольно сказать, что это было преднамѣренное *гоненіе,* со всѣми неправдами и ужасами гоненія, что это было дѣло не только не церковное, даже не народное, а дѣло *духа міра сего,* который въ лицѣ императоровъ, покровителей и предводителей еретическихъ скопищъ, увлекая за ними развратное общество, тогда волновалъ Церковь съ цѣлію уничтожить собственно не одно монашество, а самую Церковь. На монашество нападали только какъ на опору и передовую стражу Церкви. А духъ самой Церкви, восторжествовавъ, высказался въ томъ, что съ этого-то времени, именно съ IV вѣка утверждалось, а съ концемъ VIII вѣка получило окончательный перевѣсъ монашество на архіерейскихъ каѳедрахъ.

Закончивъ такимъ образомъ историческое обозрѣніе своего предмета, мы знаемъ напередъ, какому упреку можемъ подвергаться. Намъ могутъ поставить на видъ, что мы сдѣлали свое обозрѣніе съ одною, предзанятою мыслію, что къ этой мысли мы подводили историческіе факты, избирая тѣ, которые болѣе благопріятствуютъ ей, и усиливаясь согласить съ нею несовсѣмъ благопріятные. Словомъ, насъ могутъ обвинить въ односторонности. Но мы думаемъ, что историческое обозрѣніе, съ опредѣленнымъ вопросомъ, должно не въ томъ состоять, чтобы только перебирать или перечислять голые факты, по порядку времени, въ ихъ случайномъ видѣ и съ преходящею обстановкою, чтобы собирать указанія исторіи безъ мысли и оставлять ихъ въ видѣ сыраго матеріала, со всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть неяснаго, неопредѣленнаго, взаимно противорѣчиваго. Надобно уследить и выразумѣть мысль, проходящую чрезъ факты, дознать основное начало историческаго развитія извѣстнаго предмета, проникнуть духъ, связующій между собою явленія, - и если это оказывается возможнымъ, если полученъ такимъ образомъ ключъ къ уразумѣнію явленій и событій, вывести опредѣленную идею и съ ея свѣточемъ объяснять отдѣльные факты. Если таково непремѣнное условіе при изученіи исторіи народовъ, тѣмъ необходимѣе

оно въ исторіи Церкви. Церковь не такъ измѣнчива, какъ гражданское общество; основанная на вѣчныхъ, незыблемыхъ началахъ вышняго откровенія, она изначала получила въ свой организмъ единый, неизмѣнный духъ, который проявляется съ теченіемъ времени и смѣною событій въ разныхъ образахъ и формахъ, но въ существѣ своемъ, въ своемъ источномъ направленіи, пребываетъ всегда единымъ и непреложнымъ. Въ этомъ господствующемъ духѣ Церкви надобно, при изученіи ея исторіи, искать и узнавать главную мысль къ отдѣльнымъ ея фактамъ, почерпать и усвоять опредѣленный взглядъ на ея разнообразныя явленія, которыя не могутъ измѣнять его, какъ не могутъ измѣнять духа Церкви, не смотря на все ихъ разнообразіе, не смотря даже на видимое противорѣчіе съ нимъ. Въ этомъ отношеніи Церковь всегда и вѣчно—едина: нельзя сказать, что Церковь въ данное время имѣетъ или обнаруживаетъ такой духъ, въ другое иной. Иначе, можно дать исторіи Церкви совершенно ложный видъ, можно, основываясь на разнорѣчивыхъ фактахъ, вывести изъ нихъ совершенно ложныя заключенія. Есть же историки-философы и богословы, которые самыя четыре евангелія представляютъ себѣ не иначе, какъ выраженія различныхъ *партій* въ самомъ основаніи христіанства, видятъ такія *партіи* въ дѣяніяхъ и писаніяхъ апостольскихъ, грубыя ереси считаютъ наравнѣ съ ученіемъ Церкви проявленіемъ дѣйствительной *жизни* ея, и вообще, во всей исторіи Церкви находятъ не болѣе, какъ *движеніе противорѣчій,* составляющее будто-бы развитіе ея (1)! И все это хотятъ доказывать фактами историческими! Даже и безъ такого лжемыслія, при одномъ фактическомъ изученіи и изложеніи церковной исторіи, можно сдѣлать худо: перебирая массу фактовъ, безъ опредѣленной мысли, изъ всей исторіи Церкви выведенной, изъ духа ея занятой, можно совершенно запутать себя и другихъ въ противорѣчіи фактовъ, можно бросаться въ ту и другую сторону безъ сознанія и вѣрнаго пути, можно, сказавши на одной страницѣ одно, на слѣдующей говорить уже другое, и такимъ образомъ въ концѣ изслѣдованій—или не придти ни къ какому

(1) Извѣстная Тюбингенская школа въ Германіи, къ которой принадлежатъ Штраусъ, Бауръ и др.

заключенію и не знать, что сказать на извѣстный вопросъ, или придти къ заключенію ложному. Напримѣръ въ нашемъ предметѣ—монашествѣ епископовъ: можно пересмотрѣть и потомъ переписать всѣ извѣстные каталоги епископовъ греко-восточной Церкви и совершенно безпристрастно разсказать, что такой-то епископъ былъ изъ *монаховъ*, за нимъ такой-то изъ *пресвитеровъ* или *діаконовъ*, а такой-то изъ *мірянъ*, и потомъ рѣшить вопросъ или только по формѣ (по видимости), а не по существу дѣла (по мыслямъ Церкви), или еще проще—съ тѣмъ же безпристрастіемъ отъ себя никакъ рѣшить, а на выводы дать всякому полную волю. Въ томъ и другомъ случаѣ можно умозаключать —или такъ: «изъ числа всѣхъ епископовъ страны было хотя болѣе монаховъ, однакожъ большинство не безусловное и притомъ уже не раннее по времени; да и правила о монашествѣ архіереевъ не видно. Слѣдовательно Церковь не соединяла епископства съ монашествомъ канонически». Или: «такъ какъ епископы въ древней Церкви были изъ разныхъ званій и состояній, и духовныхъ и мірскихъ, и о многихъ изъ нихъ не упоминается, чтобы они принимали монашество предъ посвященіемъ въ архіерейскій санъ, то слѣдуетъ, что Церковь не имѣла на этотъ предметъ опредѣленной идеи; слѣдовательно и въ настоящее и во всякое время можно поставлять епископовъ безъ монашества изъ всѣхъ (и свѣтскихъ) званій». Но такъ умозаключать значитъ говорить ложь; такъ понимать Церковь и исторію ея значитъ не понимать ни Церкви, ни ея исторіи.

Такое убѣжденіе побудило насъ съ вопросомъ о епископствѣ обратиться прежде всего къ самому духу Церкви, къ той идеѣ, которую внесла Церковь изначала въ архіерейство и съ которою она всегда смотрѣла на него, прослѣдить эту идею въ историческомъ развитіи церковной іерархіи, и потомъ уже, выяснивши себѣ этотъ духъ и эту идею, объяснять ими отдѣльные факты, связывать съ ними случайныя явленія, не смотря на видимыя противорѣчія ихъ: и мы сдѣлали такъ, не опасаясь упрека въ односторонности и въ предзанятой идеи, или пожалуй —не смотря на такой упрекъ, если бы онъ послышался съ какой-нибудь стороны. При такомъ взглядѣ на дѣло мы убѣжда-

емся, что въ духѣ Церкви, въ ея идеѣ епископства, этотъ санъ изначала и всегда былъ нераздѣленъ съ монашествомъ. Сначала супружество только въ меньшинствѣ,—остатокъ дохристіанскаго порядка вещей, противныя тому убѣжденія и стремленія въ возрожденномъ обществѣ, потомъ—оставленіе супружества предъ посвященіемъ въ санъ, положительное безбрачіе, аскетизмъ и дѣйствительное монашество, полное или неполное, всегда строго-монашескія правила жизни и вся обстановка внѣшняя, представляющая монастырь, который и въ концѣ епископскаго поприща является: всѣ эти явленія въ исторіи православной іерархіи, въ ея вѣковомъ и вселенскомъ развитіи, всѣ эти фазы, чрезъ которыя прошло епископство, выражаютъ непрерывно и повсемѣстно одинъ духъ, одну и туже идею общую. Слѣдовательно противныя явленія—только исключенія, частности, явленія *ненормальныя* въ Церкви: и имъ нельзя приписывать самостоятельнаго значенія.

Раскроемъ теперь догматически этотъ духъ и эту идею. Въ самомъ дѣлѣ, какая идея Церкви высказалась въ монашествѣ епископовъ? Какая связь между архіерействомъ и монашествомъ?

Мы видѣли, что еще прежде учрежденія монашества (въ полномъ видѣ) утвердилось въ епископствѣ безбрачіе, и утвердилось совершенно послѣдовательно, какъ плодъ общаго убѣжденія въ христіанахъ, какъ сила изначальнаго преданія въ Церкви и какъ разумное, логическое послѣдствіе признанной невозможности обратить безбрачіе въ законъ (однакожь долго и сильно желаемый въ Церкви) для всего клира. Монашество архіереевъ является только послѣдствіемъ, также логическимъ, и дальнѣйшимъ резвитіемъ узаконеннаго для нихъ безбрачія. Какое же значеніе придаетъ Церковь безбрачію епископовъ? по какимъ побужденіямъ оно установлено? Потому ли только, что супружество признается препятствіемъ къ свободному исполненію архіерейскихъ дѣлъ? Такая причина была бы слишкомъ незначительна, чтобы на ней основывать безбрачіе, какъ законъ. Сколько есть званій и должностей, еще многосложнѣе и обширнѣе епископскихъ, которыя однакожъ надлежащимъ образомъ исполняются въ супружествѣ? Или потому супружество возбранено епископу,

что считается, какъ дѣло плотское, несовмѣстнымъ съ святостію и духовною высотою священнаго сана? Но св. отцы и соборы никогда не считали законнаго брака нечистымъ и несообразнымъ съ важностію священнаго сана—вообще; даже, напротивъ, они положительно осуждали тѣхъ, которые смотрѣли такъ на брачный союзъ. (Апост. 5, 51; VI всел. 13; гангр. 4, и др.). Основная мысль епископскаго безбрачія лежитъ гораздо глубже. Она заключается въ самомъ отношеніи епископа къ Церкви, въ его духовномъ союзѣ съ нею. Какъ Церковь изображается въ словѣ Божіемъ невѣстою Христовою, святою и чистою дѣвою въ таинственномъ союзѣ со Христомъ, и союзъ ея съ Нимъ представляется въ образѣ супружескаго союза (Ефес. гл. 1, 5): то епископъ, какъ высшій пастырь Церкви и образъ Христа, въ церковномъ ученіи изображается хранителемъ ея духовнаго дѣвства, т. е. чистоты внутренней, въ вѣрѣ, въ жизни, во всей ея дѣятельности среди міра, и для того *обрученнымъ* съ нею, какъ и апостолъ Павелъ говорилъ о себѣ въ отношеніи къ коринѳской церкви (2 Кор. 11, 2). Епископъ представляется вслѣдствіе сего не во внѣшнихъ только отношеніяхъ къ Церкви, какъ правитель дѣлъ (администраторъ), а во внутреннѣйшемъ союзѣ съ нею, въ союзѣ духа, сердца и совѣсти, въ единствѣ своей духовной жизни съ ея духовною жизнью, въ благодатномъ общеніи даровъ Св. Духа, которыхъ его санъ служитъ для нея непрерывнымъ проводникомъ, какъ заступающій видимое мѣсто Христа въ брачномъ союзѣ его съ Церковію. Этотъ союзъ долженъ быть для епископа единственнымъ, исключительнымъ: ни епископъ, ни Церковь не могутъ быть въ другомъ союзѣ, какъ обрученные между собою. Потому-то Церковь, остающаяся безъ епископа, называется обыкновенно въ церковныхъ книгахъ *вдовствующею:* и это такъ строго понималось въ древней Церкви, что занятіе двухъ каѳедръ, хотя бы одной послѣ другой, называлось уже *двоебрачіемъ*, а самовольное и безъ особенной нужды перемѣщеніе епископа съ одной каѳедры на другую почиталось даже *прелюбодѣяніемъ* (1). Вотъ по какой идеѣ требуется отъ

(1) Симеонъ солунскій о *таинствахъ*: гл. 201, 203. сн. πηδαλιον προς καν. Αποζολ. 14.

епископа безбрачіе, и безбрачіе не по внѣшней только жизни, но главнымъ образомъ по внутренней, не въ смыслѣ только одиночества, а въ смыслѣ совершеннаго нравственнаго отрѣшенія отъ узъ плотскихъ и мірскихъ, чтобы союзъ его съ Церковію былъ совершенно чистъ, духовенъ, свободенъ и независимъ отъ міра и плоти, какъ прилично обрученнику Церкви—дѣвы Христовой. А отсюда далекъ ли, даже не естественъ ли переходъ къ монашеству? Такое понятіе о безбрачіи епископа уже само собою не предполагаетъ ли, не требуетъ ли иночества? Одно безбрачіе само по себѣ не есть еще совершенство жизни; оно даже не есть подвигъ, если не соединяется съ рѣшительнымъ обѣтомъ дѣвства и цѣломудрія; оно есть состояніе только отрицательное. Что же особеннаго, важнаго было бы въ безбрачіи и для епископскаго сана, если бы оно оставалось при немъ въ этомъ отрицательномъ видѣ? Оно еще само требуетъ огражденія и утвержденія на основаніяхъ неизмѣнныхъ, чтобы имѣть все достоинство подвига и добродѣтели; оно само имѣетъ нужду во внутренней—въ душѣ и совѣсти человѣка—силѣ духовной, чтобы получить всю нравственную чистоту и высшее совершенство. Поэтому можно сказать, только въ монашествѣ безбрачіе находитъ свое истинное достоинство, свое оправданіе и свою духовную плодотворность. А кромѣ совершенной чистоты, душевной и тѣлесной, потребной для епископскаго сана, по той же идеѣ Церкви нужно ему всесовершенное, безусловное, безграничное посвященіе себя Церкви; всѣ силы души, всѣ мысли и чувства, всѣ намѣренія и стремленія, вся жизнь его и внутренняя, духовная, и внѣшняя, тѣлесная, должны безраздѣльно принадлежать Церкви. Но безбрачіе этой обязанности само по себѣ еще не удовлетворяетъ: оно само по себѣ, своими помыслами и стремленіями, можетъ еще оставаться въ мірѣ; нельзя сказать, что безбрачный уже не принадлежитъ міру: онъ только на половину, такъ сказать только одною ногою отдаляется отъ міра. Но такому отношенію епископа къ Церкви вполнѣ удовлетворяетъ монашество: по той причинѣ, что оно въ самой сущности своей и въ самомъ назначеніи своемъ есть исключительное, безусловное, вседушевное посвященіе человѣка и всей жизни его Богу. Та-

кимъ образомъ монашество само собою сходится съ епископствомъ,—и безбрачіе только тогда выполняетъ въ послѣднемъ идею Церкви, когда переходитъ въ первое. Св. отцы доказывали, что епископамъ даже большая потребна чистота цѣломудрія, нежели самымъ инокамъ (1).

Конечно наши современные люди скажутъ, что понятіе о епископѣ, какъ обрученномъ съ Церковью, слишкомъ утонченно и отвлеченно, и потому само по себѣ не можетъ служить практическимъ основаніемъ для того, чтобы требовать для него монашества. Но можно ли на такую духовную высоту смотрѣть не отвлеченно, не отвлекая мыслей отъ міра и суетъ житейскихъ? Справедливо ли на такой священный санъ смотрѣть только *практически*, житейскимъ образомъ, т. е. смотрѣть на архіерея только какъ правителя текущихъ церковныхъ дѣлъ, начальника духовнаго сословія, или пожалуй главнаго проповѣдника вѣры и учителя обще-христіанской нравственности? Это взглядъ не совсѣмъ церковный, не глубокій, односторонній. А когда такой взглядъ дѣлается исключительнымъ, въ немъ скрывается важное заблужденіе и отступленіе отъ духа Церкви. Нѣтъ! Епископъ, какъ представитель Церкви, какъ ея обрученникъ, долженъ не внѣшнею только дѣятельностію и жизнію соединяться съ Церковію, а всѣмъ своимъ существомъ и внутреннею жизнію быть въ союзѣ съ ея существомъ и духомъ. А что составляетъ существо и духъ Церкви? Жизнь *не отъ міра*, отрѣшеніе отъ міра и земли и всецѣлое направленіе къ Богу. Вотъ какимъ путемъ, путемъ глубочайшаго самосознанія и высшаго развитія своихъ коренныхъ идей и стремленій, Церковь дошла до соединенія епископства съ монашествомъ.

Потомъ, независимо отъ безбрачія, какія качества требуются канонами въ епископѣ? Однѣ ли общехристіанскія, или общія всѣмъ степенямъ священства? Нѣтъ. Особыя качества опредѣляются для епископа тѣми самыми преимуществами, какія приписываются ему Церковью въ управленіи духовныхъ дѣлъ. Онъ, по ученію и правиламъ Церкви, есть высшій и единствен-

(1) *Златоустъ* о священствѣ кн. 6, гл. 2. *Исидоръ Пелусіотъ* посл. 2, 284.

ный учитель Церкви (VI всел. 19): прочимъ степенямъ священства право ученія предоставляется только по уполномочію отъ епископа и подъ его непосредственнымъ надзоромъ и направленіемъ. На него возлагается главная отвѣтственность за цѣлость и чистоту евангельскаго ученія въ Церкви; онъ только имѣетъ право рѣшать вопросы вѣры, и его первѣйшая обязанность—направлять своимъ ученіемъ и управленіемъ Церковь къ осуществленію на землѣ чистѣйшихъ и высочайшихъ идей христіанства. А для этого что нужно? Нужно всецѣлое отрѣшеніе епископа отъ ученій міра; нужна совершенная независимость отъ образа мыслей человѣческихъ, обыкновенно непостоянныхъ, шаткихъ, земляныхъ; нужно, чтобы не только въ оффиціальномъ, такъ сказать, ученіи, но и въ личномъ мышленіи епископъ былъ *выше міра*. Мало этого: по правиламъ Церкви епископъ не долженъ имѣть даже своего личнаго, частнаго образа мыслей въ вѣроученіи: онъ долженъ быть *въ предѣлахъ отцевъ* (VI всел. 19), т. е. вселенскаго преданія Церкви. Не то это значитъ, что онъ долженъ быть чуждъ добраго человѣческаго просвѣщенія, врагъ всякихъ естественныхъ знаній и мірскихъ наукъ: а то, что всякое знаніе, всякое просвѣщеніе онъ въ себѣ, да и не только въ себѣ, а и въ другихъ, долженъ всецѣло подчинять богопреданному ученію вѣры. Въ этомъ отношеніи не менѣе, какъ и въ другихъ, онъ долженъ отрѣшиться отъ міра и отречься отъ всего, *яже въ мірѣ*.—Но довольно ли для этого однихъ только внѣшнихъ правилъ и побужденій? Довольно ли только сказать епископу, что онъ долженъ быть таковъ и не инаковъ? Недовольно; тутъ нужно убѣжденіе, живое, глубокое, непоколебимое убѣжденіе. А какъ дойти до такого убѣжденія? Дѣло въ томъ, что для такой возвышенной чистоты вѣры, для такой безусловной преданности ея ученію, не достаточно одного умственнаго ея воспріятія, посредствомъ наставленія отъ другихъ или собственнаго изученія догматовъ; не достаточно и одного послушнаго вѣрованія ученію Церкви безъ дальнѣйшихъ разсужденій или испытаній. Христіанство не есть только система извѣстныхъ догматовъ; вѣра не есть только отвлеченное ученіе о предметахъ не отъ міра сего. Христіанство есть наука *жизни*—по-

преимуществу; вѣра въ существѣ своемъ есть ученіе дѣятельное, проникающее до глубины существа человѣческаго и до самыхъ коренныхъ основаній жизни—человѣчества. Поэтому, чтобы понять всю силу христіанства, чтобы постигнуть сущность Евангелія, и такимъ образомъ вполнѣ и безусловно, безгранично убѣдиться въ истинности его и съ такимъ убѣжденіемъ стать выше всѣхъ ученій міра и научныхъ знаній, надобно познавать ученіе вѣры *дѣятельно*, жизнію, надобно путемъ нравственнаго очищенія и самоусовершенія восходить до созерцанія предметовъ богооткровенныхъ. Въ этомъ-то смыслѣ Спаситель говоритъ, что кто не возметъ креста своего и не послѣдуетъ за Нимъ, тотъ не можетъ быть Его *ученикомъ* (Лук. 14, 27), ученикомъ не только въ нравственномъ значеніи сего слова, но и въ смыслѣ умозрительнаго изученія и постиженія Евангелія. Тотъ не пойметъ его, кто не рѣшится приложить его къ жизни. Также Спаситель говоритъ: *аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ Себе глаголю* (Іоан. 7, 17). Это значитъ, что только тотъ можетъ получить твердое и несокрушимое убѣжденіе въ истинѣ Евангелія Христова, кто хочетъ исполнить на дѣлѣ, а не умомъ только постигнуть волю Божію.

Но такой способъ практическаго пониманія христіанства, такой путь восхожденія отъ дѣятельной жизни по вѣрѣ до яснаго созерцанія Богооткровенныхъ предметовъ ея ученія, а отсюда и до неизмѣннаго убѣжденія во всей ея истинности, заключается по преимуществу въ монашествѣ. Вотъ почему въ древнія времена монашество являлось твердѣйшею и почти единственною опорою православія среди долгой, ужасной борьбы его съ ересями. Когда аріанство съ его безчисленными потоками въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ затопляло, можно сказать, весь Востокъ, когда иконоборство, вслѣдъ затѣмъ, почти двѣсти лѣтъ угрожало не однимъ инокамъ, а всей Церкви сокрушеніемъ и порабощеніемъ міру: что спасло Церковь и вѣру, какъ не монашество, которое несчетными сонмами изъ самыхъ уединенныхъ обителей устремлялось въ города и селенія, въ царскіе Дворы и мірскія торжища, чтобы стать за вѣру, которую оно

защищало *догматически*, неодолимо, потому, что неослабно познавало истину ея—*практически*. Лучшій свидѣтель этому—современный тѣмъ событіямъ народъ. Современные историки пишутъ: «причину того, что ученіе Евномія и Аполлинарія не сдѣлалось господствующимъ, надобно искать особенно въ тогдашнихъ *монахахъ;* ибо всѣ монахи въ Сиріи и въ Каппадокіи и въ областяхъ сопредѣльныхъ, неотступно держались догматовъ никейскихъ: Востокъ начиная отъ Киликіи до Финикіи, готовъ былъ принять сторону Аполлинарія; а отъ предѣловъ Киликіи и Тавра до Геллеспонта и Константинополя склонялся къ ереси Евномія. Но *народъ, удивлялсь добродѣтелямъ и жизни иноковъ, вѣрилъ, что они мыслятъ право: а потому отъ людей, мысливших иначе, отвращался, какъ отъ зараженныхъ вольномыслiемъ.* Точно такимъ же образомъ было и съ египтянами: *слѣдуя своимъ монахамъ*, они противостояли аріанамъ» (1). Такъ и св. Аѳанасій александрійскій объяснялъ причины, побуждавшія его вызывать монаховъ на архіерейскія каѳедры (2).

Правда, епископъ, независимо отъ монашества, при самомъ посвященіи своемъ даетъ торжественные обѣты—соблюсти въ своемъ служеніи всѣ догматы и уставы православной Церкви *крѣпцѣ и ненарушнѣ, до кончины жизни своей,* и велегласно анаѳематствуетъ всѣ противныя имъ ученія (3). Такіе обѣты безъ сомнѣнія должны и могутъ имѣть всю свою силу. Но значеніе и сила обѣтовъ бываютъ не одинаковы, смотря потому, при какихъ обстоятельствахъ они изрекаются. Можно давать обѣты по чистой обязанности; можно—по свободному расположенію; обѣтъ одного и того же содержанія одинъ даетъ по требованію званія и служенія, къ которому призывается, другой—лично, по направленію собственной жизни, хотя бы и не принималъ на себя особеннаго званія и служенія; можно наконецъ давать обѣты на извѣстный предметъ, еще не познавши его вполнѣ и не испытавъ его на дѣлѣ: можно—на тотъ же предметъ полагать свои обѣты уже съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ его сущно-

(1) *Созоменъ:* ист. 6, 27.

(2) Сочин. Аѳанас. I, 392.

(3) См. Церковный чинъ избранія и рукоположенія епископовъ.

сти, по опытамъ его дѣйствительности. Которые изъ этихъ обѣтовъ лучше, т. е. искреннѣе, крѣпче, благонадежнѣе? Кажется рѣшить не трудно. Санъ епископскій получается не произвольно, а по избранію высшей власти, иногда даже неохотно и противъ собственной воли избираемаго: что же ручается за искренность его обѣтовъ? Что, если рукополагаемый торжественные обѣты—посвятить всю жизнь свою исключительно Богу и Церкви въ неизмѣнномъ духѣ безусловнаго православія и благочестія —изрекаетъ болѣе по обязанности новаго званія, чѣмъ по свободному расположенію, болѣе по установленному порядку, чѣмъ по личному убѣжденію и совѣсти, изрекаетъ—еще не дознавъ на самомъ себѣ, на опытѣ, что значитъ такая жизнь и какъ она совершается въ человѣкѣ? Что, если такимъ образомъ, послѣ своего посвященія архіерей окажется вмѣсто учителя Церкви только еще ученикомъ, или какъ говорили у насъ въ старину относительно духовной жизни—*новоукомъ?* Страшно подумать! Такъ случалось на Востокѣ и такимъ-то образомъ на каѳедрахъ являлись епископы—ожесточенные еретики и враги Церкви: Павелъ самосатскій, Македоній, Ѳеодоръ мопсуетскій, Діоскоръ, Киръ, Сергій, Павелъ и пр. Для предупрежденія такихъ несчастій монашество по мысли Церкви должно служить школою воспитанія для архіереевъ.—Правда и то, что между еретиками —епископами были и монахи, какъ напр. Несторій, Пирръ, и др.: но это были прежде всего—*худые монахи*, именно такія лица, которыя не оправдывали своего монашества жизнію и оттого были такъ не тверды въ вѣрѣ; тутъ виновно было не монашество, а выборъ, который былъ ошибкою, подъ вліяніемъ страстей, партій или насилія мірской власти; эта власть, въ продолженіе IV—VIII вѣковъ враждебная Церкви, во время еретическихъ волненій намѣренно искала преданныхъ себѣ людей между еретиками, чтобы чрезъ ихъ преданность успѣшнѣе дѣйствовать въ Церкви въ своихъ видахъ. Но повторяемъ, и этого ни въ какомъ случаѣ не надобно забывать, что для епископскаго служенія требуется не совсѣмъ обыкновенная строгость духа въ вѣрѣ и твердость въ ученіи Евангелія, а особенная, высшая, которую не легко стяжать людямъ, живущимъ въ мірѣ;

они могутъ правильно, т. е. согласно съ Церковію, мыслить, православно вѣровать: но они, даже лица духовныя, не говоря уже о мірскихъ, легко ли могутъ восходить до высшихъ степеней созерцанія предметовъ Богооткровенныхъ, до глубочайшихъ таинъ Евангелія? А это восхожденіе необходимо епископамъ, чтобы быть не школьными только или катехизическими или просто нравственными учителями вѣры, что составляетъ призваніе и каждаго священнослужителя, а быть высшими и по-преимуществу *догматическими* учителями; не пресвитеры, а епископы въ собственномъ смыслѣ *учители Церкви*, потому, что они только имѣютъ прямую обязанность и особенное право рѣшать вселенскіе *вопросы* вѣры и вопросы жизни Церкви, на что не дано полномочія пресвитерамъ (апост. 37. VII всел. 2. 6) (1). Но тотъ ошибся бы, кто для рѣшенія такихъ вопросовъ, когда они касаются глубины Евангелія, для такого выспренняго созерцанія вѣры, призналъ бы достаточнымъ только хорошее знаніе Евангелія или церковнаго ученія, хотя бы знаніе самое многостороннее, научное. Для этого нужна особенная, нравственная сила очищеннаго духа, возвышеннаго дѣятельною жизнію, котораго взоръ умственный, просвѣтляемый самоуглубленіемъ и постояннымъ напряженіемъ горѣ, въ состояніи былъ бы проникать въ дальнѣйшія области Божественнаго откровенія, заключающагося въ Евангеліи. Какой умъ естественный, какая наука богословская могли бы объять и изъяснить эти необъятныя откровенія существа Божескаго въ евангельскомъ ученіи о троичности Лицъ, о воплощеніи Сына Божія, о соединеніи Божескаго и человѣческаго естества во Христѣ? Только высшее развитіе внутренней, духовной жизни человѣка могло вознести его въ эту премірную область и сдѣлать способнымъ къ созер-

(1) Св. Діонисій ареопагитъ учитъ, что чинъ пресвитеровъ руководствуетъ вѣрныхъ къ созерцанію Бож. таинъ, но только въ подчиненіи чину священноначальниковъ, показуя эти тайны вѣрнымъ чрезъ священныя знаменія и образы: но желающихъ научиться познанію таинъ, отсылаетъ къ священноначальникамъ. О церк. іерархіи стр. 93. Семеонъ солунскій называетъ епископскій санъ по преимуществу *просвѣтительнымъ* въ Церкви. О таинствахъ гл. 7, 50. О храмѣ гл. 30.

цанію тамъ свѣта Божественнаго, къ усвоенію его себѣ и потомъ—сообщенію другимъ. Вотъ почему только величайшіе подвижники христіанства являлись столь же великими учителями его; отрѣшеніе отъ міра, пустынножительство, нравственное умерщвленіе плоти, погруженіе всего существа своего въ глубину жизни евангельской: вотъ степени, которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ дошли до этой, недосягаемой для другихъ высоты богословія, и рѣшивъ величайшіе вопросы христіанства съ изумительною ясностію и точностію, низвергли всѣ ученія противъ него, человѣческаго, мірскаго разума.

Наконецъ въ дѣлѣ вѣры есть важное преимущество Церкви, Церкви истинной, вселенской: непогрѣшимость ученія и исповѣданія вѣры. Эта непогрѣшимость, завѣщанная Церкви ея Божественнымъ основателемъ, соблюдается въ ней Духомъ Божіимъ, вѣчно, по обѣтованію Христову, живущимъ въ ней, сохраняется и поддерживается непрерывнымъ преемствомъ священноначалія, которое отъ Апостоловъ восприняло не только ученіе Христово во всей его первоначальной чистотѣ и совершенствѣ, но и благодать Св. Духа, дѣйствующую въ Церкви неизсякающимъ просвѣщеніемъ ея. Высшій органъ непогрѣшимости есть общій, соединенный голосъ пастырей и учителей Церкви, выраженный во вселенскомъ словѣ или соборѣ ихъ. Какая же чистота духа, какое совершенство жизни необходимо постырямъ Церкви, чтобы быть чистыми орудіями этой благодати, чтобы оправдать это призваніе—быть непогрѣшными учителями христіанскихъ народовъ? Какое отреченіе и отъ міра и отъ самихъ себя нужно имъ, чтобы свѣтъ Божественной истины, проходя чрезъ нихъ, не омрачался въ нихъ ничѣмъ, не истощался, не страдалъ отъ примѣси человѣческихъ мнѣній и мірскихъ чувствъ? Правда, отдѣльные члены іерархіи, какъ и всѣ люди, могутъ погрѣшать и въ ученіи вѣры; правда и то, что погрѣшимость частныхъ членовъ не можетъ препятствовать непогрѣшимости вселенской Церкви, какъ согрѣшенія людей нравственныя не препятствуютъ Церкви быть всегда святою: но величайшимъ заблужденіемъ было бы отсюда заключать, что по этимъ причинамъ нѣтъ необходимости требовать отъ

епископовъ особенно возвышеннаго, идеальнаго характера ихъ духа и жизни. *Свѣтъ міру, соль земли:* вотъ чѣмъ должны быть епископы по заповѣди Христовой! А чтобы быть такими, чего требовалъ Христосъ отъ учителей народа? *Иже аще разоритъ едину заповѣдей малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ; а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Мат. 5, 14—19). *Будите мудри, яко змія и цѣли, яко голубіе; не мните, яко пріидохъ вовлещи миръ на землю; не пріидохъ вовлещи миръ, но мечь; пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего и дщерь на матерь свою, и враги человѣку домашніе его. Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже не пріиметъ креста своего и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ. Обрѣтый душу свою, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и евангелія, обрящетъ ю* (10, 17—39). Такія слова говорилъ ученикамъ Своимъ Спаситель, именно тогда, когда посылалъ ихъ на проповѣдь Евангелія, и такое ученіе онъ полагалъ въ основаніе—именно непогрѣшимости и спасительности для міра ихъ проповѣди. *Не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (20). Вотъ законъ непогрѣшимости въ ученіи пастырей Церкви: жизнь чистая, цѣломудренная, полная и самоотреченія и отрѣшенія отъ всего міра, даже естественныхъ узъ его, жизнь, искушенная въ тяжкихъ подвигахъ и внутренней, душевной борьбы естественныхъ помысловъ и чувствъ, и внѣшней—съ міромъ, даже до креста. Самъ Христосъ, а не кто другой—образецъ духа и жизни христіанскаго учителя.

Такимъ образомъ, по мысли и по духу Церкви, самая догматическая сторона епископства, не менѣе другихъ сторонъ его, требуетъ, по крайней мѣрѣ указываетъ преимущество, монашества въ этомъ санѣ. И въ этомъ, теперь указанномъ, отношеніи, иночество епископа получаетъ особенный, высшій и знаменательнѣйшій смыслъ; потому что архіерейское иночество выражаетъ здѣсь не одно плотское и душевное отреченіе отъ міра, а и *духовное*, т. е. умственное,—самое важное. Дѣло не въ

плотскихъ только узахъ, связывающихъ душу въ лучшихъ ея стремленіяхъ, а главное—въ тѣхъ тончайшихъ узахъ, какими міръ связываетъ и безбрачныхъ столько же, сколько и брачныхъ: именно въ узахъ умственныхъ, узахъ мыслей. Довольно взглянуть только на нынѣшнее время, чтобы понять значеніе и силу этихъ узъ,—и вмѣстѣ понять всю важность удаленія отъ нихъ епископа, важность его—такъ сказать—*духовнаго дѣвства*. Кстати замѣтить здѣсь, что вольномысліе и вообще всякое уклоненіе отъ вѣры св. отцы и само св. Писаніе обыкновенно представляютъ *духовнымъ блуженіемъ*.

Далѣе, въ отношеніи къ таинствамъ, Церковь изображаетъ епископскій санъ, какъ единственный, видимый источникъ и высшій, необходимѣйшій органъ въ нихъ благодатныхъ даровъ Св. Духа, безъ которыхъ таинства не могли бы имѣть значенія и дѣйственности. Только чрезъ непрерывное преемство епископства продолжается и поддерживается въ Церкви благодать священнодѣйствія и спасенія душъ, дарованная Іисусомъ Христомъ Апостоламъ и отъ нихъ переданная чрезъ рукоположеніе преемникамъ; слѣдовательно и священство держится въ Церкви только епископствомъ; только епископу принадлежитъ высшая власть таинственно вязать и рѣшить совѣсть человѣческую (1). Какая слѣдовательно высота нравственная требуется для достойнаго архіерейства! Какая чистота души и плоти, чтобы не только всегда достойно совершать таинства, но и преподавать эту благодать другимъ во всемъ ея совершенствѣ и силѣ! Какая нужна духовность всей жизни, чтобы быть не только вмѣстилищемъ, но и проточнымъ органомъ даровъ Св. Духа для цѣлой Церкви! Какая свѣтлость и твердость, какое глубокое развитіе совѣсти, чтобы непогрѣшительно управлять совѣстію другихъ и цѣлаго общества! И вотъ еще причина, по которой Церковь не только потребовала для епископскаго сана особенной нравственной чистоты, не только узаконила безбрачіе, но признала за лучшее возвести самое безбрачіе его до высшаго отрѣшенія отъ всякихъ

(1) См. Исповѣданіе восточныхъ патріарховъ. Глава 10. Изданіе 1838. Спб.

плотскихъ и мірскихъ узъ, какое представляетъ въ себѣ христіанское дѣвство и цѣломудріе, ограждаемое монашествомъ. Даже для низшихъ степеней священства Церковь положила правиломъ, чтобы намѣреваясь совершать священнослуженіе, они воздерживались заблаговременно отъ супружескихъ сношеній (VI всел. 13. 30; Карѳ. 34. 81). А довольно прочитать извѣстныя бесѣды св. Златоуста о священствѣ, написанныя по поводу предложенія ему епископства, чтобы видѣть, на какой высотѣ благодати отцы Церкви представляли себѣ священнодѣйствующаго епископа, и понять требуемое для него совершенство. Неизмѣнность такихъ понятій и требованій св. отцы лучше всего утверждали тѣмъ, что сами, не смотря на всю строгость своей подвижнической жизни, *бѣжали* (именно) со страхомъ и слезами отъ епископства, даже когда и общее мнѣніе и власть церковная призывали ихъ къ нему. Вотъ гдѣ надобно видѣть истинное понятіе о епископскомъ санѣ, а не въ измѣнчивыхъ сужденіяхъ міра.

Да, по разуму Церкви, епископъ, какъ образъ Христа въ Церкви, какъ высшій ея пастырь, какъ первый и главный руководитель душъ ко спасенію, долженъ всецѣло отразить въ самомъ себѣ, въ своемъ духѣ, въ своей собственной жизни чистѣйшій духъ Евангелія Христова. Онъ на самомъ себѣ долженъ представить Церкви всю высоту духовную, все совершенство нравственное, заключающееся въ христіанствѣ. Только въ такомъ случаѣ онъ достойно можетъ быть и называться образомъ Христа и преемникомъ Апостоловъ, въ которыхъ первыхъ проявился всецѣло духъ Христовъ и отъ которыхъ этотъ духъ долженствуетъ перейти въ другихъ пастырей Церкви, чтобы никогда не изсякать въ Церкви. Современное намъ мнѣніе, что христіанство имѣетъ цѣлію устроить наилучшимъ образомъ временную жизнь человѣка, что Евангеліе служитъ только собственному, земному развитію человѣчества и потому можетъ и и должно быть примѣняемо къ измѣнчивымъ стремленіямъ міра, что духъ евангельскій и гуманность человѣческая, духовная жизнь христіанства и—цивилизація, спасеніе людей во Христѣ и—прогрессъ міра, какъ онъ самъ его понимаетъ, что все это

—одно въ сущности, или по крайней мѣрѣ легко можетъ быть примирено между собою: такое мнѣніе есть великое заблужденіе. Оно извращаетъ смыслъ и духъ Евангелія и всего христіанства. Нѣтъ! всецѣлое подчиненіе плоти духу, земли небу, человѣка Богу, времени—вѣчности: вотъ что составляетъ характеръ и цѣль Евангелія. Поэтому и епископъ, какъ высшій и полнѣйшій представитель христіанства между людьми, долженъ быть и по духу и по жизни своей—чуждъ міру: *чуждъ* въ томъ смыслѣ, что долженъ быть *выше* міра. Это не значитъ, что епископство должно заключать и выражать въ себѣ вражду противъ міра, направленную ко вреду дѣлъ земныхъ, общественныхъ или частныхъ. Нѣтъ; міръ не палъ и никогда не падетъ отъ соединенія архіерейства съ монашествомъ: потому что не на зло міру основано и монашество и епископство, а на добро и спасеніе. Но чтобы не говорили намъ современные умы о прогрессѣ, о нравственномъ преспѣяніи міра, единая, истинная нравственность, евангельская, явилась не изъ міра, а съ неба, и явилась не для содружества, а для борьбы съ міромъ. Это такъ вѣрно, что Самъ Божественный Учитель Евангелія высказалъ Своимъ ученикамъ даже такое слово: *горе, егда добръ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. 6, 26). Для чего бы существовала и Церковь Христова, какъ нѣчто отличное отъ міра, какъ царство не отъ міра, если бы нравственность ея въ ученіи и жизни не отличалась, не возвышалась надъ мірскою, если бы и міръ могъ и хотѣлъ учить тому же, что и Церковь? А его духъ, идеи и стремленія совсѣмъ не тѣ: и онъ противъ Церкви враждуетъ, потому что она борется съ нимъ за цѣли человѣчества, иначе ею понимаемыя; она же борется съ нимъ, но не враждуетъ, потому, что спасаетъ его. Такимъ образомъ и епископъ, какъ сама Церковь, какъ само Евангеліе доженъ быть дальше отъ міра, не какъ врагъ и ненавистникъ его, а какъ высшій дѣятель, всесовершенно преданный однѣмъ высшимъ цѣлямъ жизни человѣческой.

Намъ могутъ сказать, что если и таковъ долженъ быть характеръ сана и служенія епископскаго, то епископы, какъ и здѣсь показано, не всегда были въ монашествѣ; въ первые вѣка

христіанства, когда монашество еще не образовалось, были епископы, въ высшей степени выражавшіе въ себѣ и въ своей дѣятельности возвышенный, идеальный характеръ епископства. Поэтому необходимо ли и справедливо ли изъ идеи высокихъ качествъ, свойственныхъ этому сану, дѣлать такое заключеніе, что епископъ долженъ быть монахъ? На это отвѣчать не трудно, или, лучше сказать, отвѣтомъ служитъ весь рядъ историческихъ свидѣтельствъ, выше нами изложенный. Епископство учреждено прежде монашества, которое только съ теченіемъ прежде монашества, можно сказать изначала, Церковь признала за лучшее для епископа безбрачіе, и безбрачіе не въ отрицательномъ только значеніи безженства, а въ положительномъ смыслѣ евангельскаго цѣломудрія и духовнаго, вмѣстѣ и тѣлеснаго, подвижничества. Различія между такимъ состояніемъ и монашествомъ въ существѣ дѣла мы не видимъ; монашество есть только опредѣленная форма такой жизни. Какое различіе болѣе существенное могли бы указать намъ? Притомъ въ настоящемъ мѣстѣ, согласно высказанному выше намѣренію, мы не столько излагаемъ свои умозаключенія, сколько объясняемъ путь, которымъ сама Церковь дошла до мысли о соединеніи архіерейства съ монашествомъ. Изъ понятій о епископскомъ санѣ, не нами, а Церковію составленныхъ, не мы, а сама Церковь сдѣлала и заключеніе къ монашеству его, утвердивъ своею исторіею это заключеніе, можетъ быть нѣсколько отдаленное, тѣмъ не менѣе самое логическое. Можно конечно, если угодно, оспоривать *необходимость* этого заключенія, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ вообще допускается, что можно быть высокимъ христіаниномъ и безъ монашества, можно спастись и внѣ его, въ мірѣ: но мы думаемъ, что относительно епископства нужны соображенія и повыше и поглубже и пошире этихъ. Надобно подумать и о томъ, что епископъ обязанъ вслѣдъ за Христомъ нести не только *свой* крестъ, но и другіе кресты—и времени привзошло къ нему: это правда. Но еще всей своей Церкви и отдѣльныхъ душъ, и вмѣстѣ съ тѣми, которые несутъ болѣе или менѣе свой крестъ, и за тѣхъ, которые не хотятъ и не смогутъ нести его. Таковъ истинный духъ и долгъ пастыря, по образу Христову; но тако-

му ли епископу, который самъ принадлежалъ бы міру, нести такое множество крестовъ?

Не только личность епископа, но и все внутреннее управленіе Церкви, по духу Евангелія и по разуму Церкви и по положительнымъ ея правиламъ, должно быть совершенно чуждо духа мірскаго. Епископу рѣшительно воспрещается не только входить въ дѣла свѣтскія, народныя или государственныя, но и въ свои духовныя дѣла вносить духъ и принадлежности мірскаго управленія, мірскія цѣли, почести, преобладаніе власти, дѣйствованіе силою, и т. д. (апост. 81; III всел. 8). Еще въ III вѣкѣ епископъ антіохійскій Павелъ самосатскій былъ осужденъ соборомъ за то, что вмѣшиваясь въ дѣла мірскія, далъ и сану своему мірскую обстановку и представлялъ въ себѣ столько же свѣтскаго сановника, сколько и церковнаго пастыря. И это устраненіе церковной власти и управленія отъ мірскаго духа имѣла, между прочимъ, въ виду Церковь, когда при избраніи епископовъ отдала предпочтеніе иночеству. При томъ величіи и блескѣ, какими отличается санъ архіерейскій, при широтѣ власти, ему усвоенной, при той силѣ нравственнаго вліянія на народъ, какая свойственна этому сану, очень не трудно бы мірскому духу властолюбія, честолюбія, преобладанія, и всей свѣтской обстановкѣ войти въ Церковь; и наоборотъ, очень легко бы церковной власти вмѣшиваться въ дѣла міра. Но епископы—иноки, уже по самому иночеству своему, должны быть чужды такому смѣшенію властей и характеровъ. Иночество въ архіерейскомъ санѣ,—это, по намѣренію Церкви, узда самолюбію и честолюбію; это грань между Церковію и міромъ, между духовнымъ пастырствомъ и мірскимъ владычествомъ. Это дверь, за которою духъ міра долженъ оставаться, чтобы не проникать въ Церковь. «Да не вкрадывается, говоритъ III вселенскій соборъ, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія» (III всел. 8). И въ этомъ отношеніи еще болѣе, чѣмъ въ другихъ, епископъ на самомъ себѣ долженъ показать, что Церковь —царство *не отъ міра сего*.

Наконецъ, Церковь св. Писаніемъ и св. отцами представляется на землѣ *воинствующею*. Это не напрасно. Такъ какъ

ея ученіе и духъ, дѣятельность и назначеніе совершенно несходны, даже противоположны міру *и всему, яже въ мірѣ*, такъ какъ, между тѣмъ, Церковь живетъ въ мірѣ: то между этими двумя противоположными станами неизбѣжны постоянныя столкновенія, борьба, даже явная брань. Во всей исторіи Церкви нельзя указать времени, хотя бы непродолжительнаго, когда бы Церковь была совершенно спокойна и въ мирѣ развивала свою душеспасительную дѣятельность. Не только отвнѣ, отъ міра, но и изъ внутри самой Церкви безпрестанно возникаютъ козни и измѣны духа человѣческаго, въ видѣ лжеученій, страстей, увлеченій духомъ времени, угожденія, а иногда и предательства, міру. При такомъ положеніи Церкви въ мірѣ, (а нельзя и думать, чтобы это положеніе скоро измѣнилось къ лучшему; напротивъ, надо ожидать всегда новыхъ и можетъ быть еще тягчайшихъ бѣдствій для Церкви), необходимы ей постоянные ратоборцы, словомъ—необходимо Церкви свое воинство. Всѣ служители и пастыри Церкви должны быть ея воинами. Управленіе ея должно быть не иное, какъ воинское, мирное въ духѣ, но всегда готовое на брань. Высшіе же правители Церкви должны быть по необходимости первыми ея воинами и военачальниками; и при этомъ, если еще нельзя требовать слишкомъ многаго отъ рядовыхъ ея воиновъ, т. е. священнослужителей, необходимо требовать много, слишкомъ много отъ ея священноначальниковъ; они должны быть постоянно во всеоружіи духовномъ; они не должны имѣть никакихъ для себя интересовъ во враждебныхъ Церкви станахъ; они не должны имѣть дружескихъ связей, хотя бы благовидныхъ, съ непріятелемъ ея—міромъ; они должны быть полны дѣятельнаго самоотреченія во всемъ, всегда готовы отдать за Церковь все, и самую жизнь свою. Что же для этого нужно? Кто можетъ быть такимъ пастыремъ—самоотреченнымъ воиномъ и военачальникомъ Церкви? Церковь скоро и глубоко постигла, что трудно всего этого требовать отъ пастырей, имѣющихъ жизненныя связи съ міромъ, хотя и невинныя сами по себѣ, наприм. семейныя. Но все это очень легко осуществить и соблюсти въ монашествѣ. Что можетъ привязывать монаха къ міру? Что ему самая жизнь временная? Къ чему для него какіе

бы то ни было интересы земные, хотя бы самые благовидные, наприм. благоволеніе сильныхъ міра, государственныя почести, выгоды вещественныя, и т. п.? И съ этой стороны чрезвычайная мудрость и проницательность видна въ обычаѣ Церкви—поставлять епископами монаховъ. Это ея истинное воинство: они лично и добровольно поставляются въ борьбу съ міромъ, по самому званію, духу и цѣлямъ своимъ. И посмотрите на всѣ прошедшія времена Церкви, особенно бурныя и бѣдственныя: кто крѣпче всѣхъ подвизался на защиту Церкви? Кто всю жизнь отдавалъ за нее? Кто неутомимо боролся и противъ внутреннихъ и противъ внѣшнихъ, т. е. мірскихъ, враговъ ея? Кто отстаивалъ ея независимость отъ міра, отъ его власти, силы, преобладанія? Монахи, всегда и вездѣ монахи! Послѣдній вопросъ, именно о независимости Церкви въ мірѣ, особенно важенъ; ибо независимость Церкви болѣе всего подвергалась и подвергается и всегда будетъ подвергаться нападеніямъ міра. Мірская сила постоянно была враждебна Церкви, хотя не всегда открыто; эта сила всегда посягала на права Церкви и усиливалась подчинить ее себѣ. И только такіе пастыри, которые будутъ совершенно чужды міру, будучи выше его не только по своему духу, но и по самому внѣшнему своему положенію, могутъ побѣдоносно защищать права Церкви. Примѣръ—великіе пастыри Церкви въ древности: Аѳанасій противъ Констанція, Василій противъ Валента, Златоустъ противъ Евдоксіи, и проч.; сколько всѣ они боролись за права Церкви противъ сильныхъ земли! Сколько страдали за цѣлость и свободу ея! И всегда одно давало имъ крѣпость противостоять до конца: именно то, что такимъ пастырямъ нечего было терять въ мірѣ, потому что они ничего въ немъ не имѣли. Они еще прежде, чѣмъ сдѣлались пастырями Церкви, добровольно отрѣшились отъ міра; они уже заранѣе отреклись отъ всѣхъ благъ земныхъ и отъ самой жизни; словомъ, они были—*монахи*. Вотъ въ чемъ вся сила! Но не трудно представить себѣ, что было бы съ Церковію, если бы на ихъ мѣстѣ, въ ихъ время, при ихъ обстоятельствахъ, были іерархи только мірскіе, т. е. бѣлые, семейные, словомъ—не монахи? Сколько нитей, самыхъ тонкихъ и однакожъ самыхъ крѣпкихъ, связывали бы ихъ съ

міромъ? И эти нити опутывали бы ихъ самихъ въ собственной ихъ жизни и парализовали бы ихъ духовную силу въ Церкви. А что могли самые сильные враги Церкви, владыки міра противъ такихъ наприм. возраженій: «что вы мнѣ сдѣлаете? Я монахъ; лишите имущества? Я уже заранѣе отрекся отъ него. Осудите на изгнаніе? Я и безъ того не принадлежу міру и землѣ. Отнимете каѳедру и всѣ почести? Я еще прежде обрекъ самъ себя на самоуничиженіе и всякое смиреніе. Лишите жизни? Для меня жизнь—только лишеніе, подвигъ, борьба, страданіе, а вовсе не наслажденіе, и я уже самъ всю жизнь свою одному Богу посвятилъ. Словомъ—я монахъ: что же вы мнѣ сдѣлаете»? —Вотъ слова, которыми истинные пастыри всегда обезоруживали враговъ Церкви, всѣхъ Валентовъ, Константіевъ, Юліановъ, Львовъ и проч. И только такихъ ратоборцевъ враги Церкви боялись; эти враги всегда и вездѣ крѣпко не любили ихъ, да и весь міръ ихъ не терпитъ, именно за эту непринадлежность міру: но это отреченіе отъ міра—ихъ сила, эта не любовь міра есть наилучшая похвала монашеству.

Перейдемъ къ исторіи Русской Церкви. Прежде всего нужно замѣтить, что всѣ правила и порядки церковные, въ томъ числѣ и іерархическіе, приняты были нашею Церковію отъ Грековосточной и оставались до позднѣйшихъ временъ безъ всякаго измѣненія. Такимъ образомъ во всей исторіи Русской Церкви мы не видимъ *ни одного законнаго и терпимаго* примѣра супружества въ архіерействѣ. *Всѣ* наши архіереи, съ самаго начала іерархіи, были—монахи; и избирались они *почти всѣ* прямо изъ монаховъ; только иногда (чрезвычайно рѣдко) встрѣчаемъ избраніе изъ бѣлаго духовенства, но почти никогда—прямо изъ мірскихъ званій. Исключенія, весьма не многія, представляются только въ западномъ краѣ Россіи, среди извѣстныхъ безпорядковъ подъ вліяніемъ Уніи (1). Всѣ же лица бѣлаго духовенства, избираемыя на епископство, предъ посвященіемъ въ архіерейскій санъ не отмѣнно обязывались постригаться въ монашество. Мы не будемъ здѣсь перечислять нашихъ древнихъ

(1) Это мы увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ.

епископовъ—монаховъ; это значило бы переписывать всѣ епархіальные каталоги отъ начала ихъ до настоящаго времени (1). Мы прослѣдимъ въ хронологическомъ порядкѣ только взглядъ нашей Церкви на этотъ предметъ и пересмотримъ случаи избранія архіереевъ *не монаховъ*, чтобы знать, въ какомъ видѣ они получали посвященіе въ этотъ санъ.

Въ началѣ нашей Церкви, первый изъ *русскихъ* митрополитовъ былъ Иларіонъ, избранный (въ 1051 году) изъ пресвитеровъ великокняжескаго Двора. Онъ предъ посвященіемъ въ архіерейскій санъ, когда нужно было по древнему обычаю представить исповѣданіе вѣры, подписалъ свое исповѣданіе такъ: «азъ милостію человѣколюбиваго Бога *мнихъ и пресвитеръ* Иларіонъ...». Ясно, что онъ предварительно постриженъ былъ въ монашество. Какъ совершилось его постриженіе, сказываетъ современникъ Иларіона, Симонъ, епископъ владимірскій (1215—26). Въ извѣстномъ посланіи къ Поликарпу, иноку кіевопечерскому, Симонъ пишетъ: «Иларіона митрополита челъ еси самъ въ житіи святаго Антонія, яко отъ того постриженъ бысть *и тако священства сподобленъ*» (2). Изъ лѣтописи Нестора извѣстно, что Иларіонъ былъ уже пресвитеромъ, когда прибылъ въ Кіевъ Антоній и поселился въ пещерѣ, въ которую Иларіонъ изъ великокняжескаго Двора тайно уединялся для молитвы; слѣдовательно Иларіонъ принялъ отъ Антонія постриженіе въ монашество уже въ санѣ пресвитера и слѣдовательно *священство*, о которомъ пишетъ Симонъ, означаетъ собственно святительство; т. е. выходитъ, что Иларіонъ принялъ монашество только предъ посвященіемъ въ санъ митрополита.

Тотъ же Симонъ въ томъ же посланіи укоряетъ Поликарпа въ нетерпѣливомъ желаніи архіерейства: это и есть главный предметъ посланія. Откуда у кіевопечерскаго монаха могло быть такое желаніе, если бы избраніе архіереевъ изъ монаховъ не было въ то время обычнымъ и господствующимъ въ нашей Церкви? И это положительно утверждаетъ Симонъ. Самъ бывъ

(1) Любопытствующіе могутъ видѣть эти каталоги въ Исторіи росс. іерархіи, изд. 2. Кіевъ. 1827.

(2) См. Памятники росс. словесности XII вѣка т. 1.

поставленъ епископомъ изъ монаховъ Кіевской Лавры, Симонъ пишетъ Поликарпу: «абы (аще бы) пребылъ въ монастыри неисходно, съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвяся о всемъ, то не токмо бы въ святительскую одежду оболченъ; но и вышняго царства достоинъ бы былъ... Отъ того, брате, печерскаго монастыря *мнози епископы поставлены быша во всю русскую землю*». Затѣмъ указавъ по именамъ 15 епископовъ, *только изъ одной Кіевской Лавры* вышедшихъ, на каѳедрахъ Переяславля, Ростова, Новгорода, Владиміра, Юрьева, Полотска, Тмуторокана, Чернигова, Турова, Бѣлграда, Суздаля, Симонъ прибавляетъ: «аще же хощеши вся увѣдати, почти (прочитай) лѣтописца стараго ростовскаго, есть бо всѣхъ (епископовъ изъ монаховъ кіевскихъ) болѣ л (30), и еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мню близъ н (50)». Итакъ впродолженіе только 50 лѣтъ (т. е. съ 1068 года, когда основался кіевопечерскій монастырь въ видѣ иноческаго общежитія, до 1215—26 годовъ, когда былъ епископомъ Симонъ), только изъ одного монастыря до 50 епископовъ! Эта краснорѣчивая цифра, при множествѣ въ тоже время другихъ монастырей и при не большомъ еще числѣ епархій, осязательно показываетъ, что въ тотъ (первый) вѣкъ нашей Церкви не только съ разу утвердилось на архіерейскихъ каѳедрахъ монашество, но и начинанія не было къ поставленію архіереевъ внѣ его. Въ цѣломъ столѣтіи, только *одного* видимъ епископа изъ бѣлаго духовенства, Иларіона: но и тотъ былъ постриженъ въ монашество, предъ посвященіемъ въ архіерейскій санъ. А казалось бы, какъ не трудно было сдѣлать иначе, если бы только мысль была о томъ! Церковь была только въ началѣ, когда еще не успѣли утвердиться преданія и обычаи, получающія съ теченіемъ времени силу законовъ, избраніе Иларіона рѣшено было независимо отъ цареградскаго патріарха, начинанія и вся сила этого дѣла принадлежала великому, самодержавному князю, избранный былъ пресвитеръ его Двора, Иларіонъ былъ всѣмъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ и строгою жизнію: словомъ все повидимому благопріятствовало оставленію его въ бѣломъ духовенствѣ на каѳедрѣ: однакожь не оставили! Видно—и не думали о томъ.

Въ XII столѣтіи (именно въ 1165 году) «Новгородцы, сказано въ лѣтописи, поставиша великому Новуграду епископомъ Іоанна, *а въ мірѣ былъ Илія,* живъ на Софійской сторонѣ и священствова у церкви Власія священномученика на Волосовѣ улици» (1). Итакъ этотъ архіепископъ (первый въ Новгородѣ съ этимъ титуломъ) былъ постриженъ въ монашество. Но когда? Прежде или послѣ посвященія въ епископа? По словамъ указанной лѣтописи видно, что—до посвященія. Въ другихъ, болѣе древнихъ, онъ называется и въ архіерействѣ Иліею (2), а въ нѣкоторыхъ—обоими именами, то Иліею, то Іоанномъ (3). Въ позднемъ жизнеописаніи, (составленномъ уже по обрѣтеніи мощей его, въ 1439 году), замѣчено, что онъ предъ кончиною своею —«постриженъ въ иноческій образъ, въ скиму, и нареченъ бысть Іоаннъ: прежде бо бяше имя ему Иліа» (4). Но не слѣдуетъ спѣшить заключеніемъ, что Іоаннъ или Илія былъ поставленъ епископомъ безъ постриженія въ монашество; во 1-хъ, этотъ случай былъ бы слишкомъ не обычаенъ при общемъ и господствовавшемъ въ то время порядкѣ іерархіи, и поэтому долженъ бы имѣть особенную причину, выходящую изъ этого порядка: но ни въ обстоятельствахъ Церкви новгородской, ни въ собственной жизни Іоанна не видно такой причины; въ 2-хъ, лѣтописи, со всѣми подробностями, даже вовсе неважными, излагавшія церковныя дѣла и событія, обстоятельно описавшія порядокъ избранія мѣстныхъ епископовъ, слѣдившія, можно сказать, за каждымъ шагомъ въ ихъ жизни и въ дѣлахъ управленія, никакъ не оставили бы безъ замѣчанія такого важнаго обстоятельства, какъ поставленіе архіерея изъ бѣлаго духовенства—безъ монашества; о постриженіи такихъ архіереевъ они ясно говорятъ (5). Въ 3-хъ, въ древнія времена, не смотря на перемѣну именъ въ

(1) Новгор. лѣт. 3. стр. 215.

(2) Новг. 1. 6673—64 г. сн. вопросы Кирика въ Памятникахъ росс. словесности стр. 200, 203.

(3) Новгор. 2. 6671 г.—и слѣд.

(4) Сн. изд. Твореній св. отцевъ въ русс. переводѣ. 1862 кн. 3. стр. 368. 369.

(5) Свидѣтельства лѣтописей будутъ указаны ниже.

монашествѣ, прежнія имена извѣстныхъ лицъ не оставлялись въ забвеніи, а употреблялись наравнѣ съ новыми, безразлично, и даже иногда болѣе, чѣмъ новыя. Такъ напр. русскій митрополитъ Иларіонъ, хотя несомнѣнно, что принялъ монашество прежде своего посвященія, однакожъ остался въ лѣтописяхъ съ этимъ именемъ, т. е. тѣмъ же самымъ, какое имѣлъ въ бѣломъ священствѣ. Такъ и князья, принимавшіе монашество, и даже тѣ изъ нихъ, которые при крещеніи изъ язычества (въ началѣ христіанства въ Россіи) получали новыя имена, оставались и при жизни и послѣ въ исторіи съ прежними именами, послѣдніе даже съ языческими, и сама Церковь тому не препятствовала, даже тогда, когда вписывала ихъ въ ликъ святыхъ. Таковы напр. имена: Владиміръ, Ольга, Борисъ, Глѣбъ, Всеволодъ, и проч. Такимъ образомъ неудивительно, что и архіепископъ Іоаннъ остался въ лѣтописи съ прежнимъ именемъ; и это можно еще объяснить тѣмъ, что вѣроятно онъ принялъ монашество предъ самымъ посвященіемъ въ епископа, а не ранѣе, и потому въ народѣ сохранилось прежнее, болѣе извѣстное народу, его имя. Тоже молчаніе ближайшихъ ко времени его лѣтописей не позволяетъ принять за достовѣрное, что онъ принялъ монашество предъ смертію, развѣ только понимать буквально слова жизнеописанія, что онъ предъ смертію постриженъ *въ схиму*. Между тѣмъ нѣкоторыя лѣтописи прямо говорятъ: «поставленъ бысть Илія, архіепископъ новгородскій и *наречень бысть во иноцехъ Иванъ*» (1).

Послѣ этого Іоанна поставленъ былъ въ Новгородѣ архіепископомъ братъ его, священникъ Гавріилъ, названный въ монашествѣ Григоріемъ—(1187—93) (2). Въ новгородскихъ лѣтописяхъ мы также встрѣчаемъ его подъ однимъ именемъ Гавріила: и это объясняемъ такимъ же образомъ, какъ и предыдущее обстоятельство. Хотя древняя лѣтопись, говоря о смерти его, замѣчаетъ: *преставися Гаврила, архіепископъ новгородски, наречень въ чернечествѣ Григорій*,—но отсюда опять не слѣдуетъ,

(1) Новг. Лѣт. 2. и прибавленіе къ ней: въ полномъ собраніи лѣт. 1. 125. 180.

(2) Лѣт. Новг. 1. 6695 г.

что Гавріилъ постригся въ монашество только предъ смертію; тутъ лѣтопись даже не упоминаетъ о *постриженіи,* а припоминаетъ только его чернеческое имя. Другія лѣтописи говорятъ о немъ такъ: «поставленъ бысть владыкою *Григорій,* преставися владыка *Григорій;* еще другія: «поставленъ бысть архіепископъ Гавріилъ, а *во иноцѣхъ нареченъ Григоріемъ*». Или: «поставленъ бысть великому Новуграду въ архіепископы Григорій, а *въ мірѣ Гаврила*» (1).

Современникомъ этому Гавріилу былъ въ Ростовѣ и Суздалѣ епископъ Іоаннъ (1190), о которомъ лѣтопись говоритъ: «отписася епископьи и пострижеся въ чернцы, въ монастыри въ Боголюбомъ» (2). На это сказаніе лѣтописи нѣкоторые указываютъ въ доказательство, что Іоаннъ въ епископствѣ оставался безъ монашества и что слѣдовательно въ древности у насъ могли быть и были епископы не постриженные (3). Но другія лѣтописи объясняютъ это иначе. Современная, переяславская, говоритъ только: «володимерцы съ княземъ своимъ изгнаша Іоанна изъ епископства, зане не право творяше» (4). Въ другой лѣтописи, воскресенской, сказано: «остави епископію и иде въ келлію въ Суздаль *и бысть черноризецъ*» (5). Никоновская лѣтопись пишетъ: «*Іоаннъ остави епископью, иде въ монастырь* въ Боголюбивое» (6). Изъ снесенія этихъ сказаній открывается, что Іоаннъ, оставивъ епархію, удалился въ монастырь и сталъ простымъ монахомъ, но не видно, чтобы онъ не былъ постриженъ до архіерейства. Вообще самое слово: *постриженіе* у нашихъ лѣтописцевъ не всегда имѣло буквальный смыслъ: нерѣдко оно означало только вступленіе въ монастырь, прежде или послѣ дѣйствительнаго постриженія.

Въ XIII вѣкѣ (1222—68), по основаніи города Холма княземъ Даніиломъ Галицкимъ, епископомъ туда посвященъ Іоаннъ,

(1) Новг. 2 и 3 стр. 126. 127. 180. 216.

(2) Суздал. лѣт. 1214 г. Лаврен. лѣт. Собр. 1. стр. 172. 185.

(3) *День* № 30. 1862.

(4) Лѣт. стр. 112. въ Времен. общ. истор. и древн. росс. 1851. т. 9.

(5) Собр. лѣт. т. 7.

(6) Никоновская лѣтопись. 2. стр. 315.

о которомъ въ лѣтописи замѣчено: «поставленъ бысть княземъ Даніломъ *отъ клироса* (изъ клира) великія церкве святыя Богородицы володимерской» (1). Такимъ образомъ Іоаннъ былъ взятъ на епископію изъ соборнаго или каѳедральнаго духовенства; но это опять не значитъ, что онъ не былъ постриженъ въ монашество предъ посвященіемъ въ епископа; даже не значитъ, что онъ не былъ монахомъ прежде избранія. Въ первыя времена у насъ точно также, какъ и въ грековосточной Церкви, было въ обычаѣ сопричислять къ собору или клиру каѳедральныхъ Церквей лица монашествующія, по особенному вниманію власти къ ихъ личнымъ достоинствамъ, даже съ порученіемъ имъ дѣлъ епархіальнаго управленія. Это не должно казаться страннымъ, когда извѣстно, что у насъ въ старину даже приходскими священниками бывали монахи, равно и бѣлые священники, принимая монашество, оставались при своихъ церквахъ и исполняли всѣ приходскія обязанности (2). А причисленные къ соборамъ монахи, даже игумены и архимандриты считались *отъ клироса великой* (соборной) *церкви* и даже назывались прямо *причетниками* великихъ церквей, т. е. именно причтенными къ каѳедральнымъ соборамъ. Нерѣдко это дѣлалось именно въ видахъ назначенія такихъ лицъ на архіерейскія каѳедры. Напр. въ томъ же XIII столѣтіи, когда Кириллъ, епископъ ростовскій, по старости не могъ уже управлять епархіею, ростовцы, съ согласія князя и по благословенію самого Кирилла, «изведоша архимандрита святаго Богоявленія Игнатія *и бысть причетникъ* церкви святыя Богородицы въ Ростовѣ» (1261 г.) (3). Другая лѣтопись поясняетъ это такъ: «епископъ Кириллъ остави епископью, бѣ бо уже въ старости глубоцѣ, и возведоша на его мѣсто архимандрита богоявленскаго Игнатія» (4). Послѣднія слова не означаютъ еще посвященія Игнатія въ епископа: ибо это посвященіе совершилось въ слѣдующемъ (1262) году, уже по смерти Кирилла. Такимъ же образомъ, по сказанію лѣтописи,

(1) Ипат. лѣт. въ собраніи лѣт. т. 2. стр. 163 и 197.
(2) См. акт. А. Эксп. 1. № 54. 71. 85. 137.
(3) Лаврент. стр. 207.
(4) Полн. собр. лѣт. 7. 162.

игуменъ благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ Θеоктистъ, уже по избраніи на епископскую каѳедру, нѣсколько времени оставался безъ посвященія: бысть *причетникъ святыя Софіи* (Софійскаго собора) ([1]). Въ Новгородѣ это называлось также возведеніемъ или посаженіемъ избраннаго *во дворъ св. Софіи* ([2]).

Новгородскій князь Михаилъ, прибывъ въ Новгородъ въ 1229 г. изъ Чернигова, нашелъ свое княженіе безъ епископа и, собравъ народъ, сказалъ: «се у васъ нѣту владыки, а не лѣпо быти граду безъ владыки; и вы себѣ ищите таковаго мужа, *въ попѣхъ ли*, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли» ([3]). Очень можетъ быть, что князь разумѣлъ здѣсь поповъ бѣлыхъ: но опять не слѣдуетъ, что одно предложеніе выбрать епископа изъ бѣлаго духовенства уже отрицаетъ постриженіе избраннаго въ монашество. Неужели напр. слова лѣтописца, что во Владимірѣ на Волыни былъ нѣкогда (въ XII столѣтіи) епископомъ Никифоръ, *прирокомъ* (прозваніемъ) *Станило, бѣ бо слуга Василькова преже,*—означаютъ непремѣнно, будто этотъ Станило поставленъ епископомъ прямо изъ дворовыхъ слугъ князя, безъ постриженія въ монашество ([4])? А *попами* въ лѣтописяхъ очень нерѣдко называются священноіереи монашествующіе (іеромонахи), иногда съ прибавленіемъ слова: *черный*, но большею частію безъ всякаго прибавленія. Напр. при томъ же самомъ случаѣ въ Новгородѣ, по которому переданы лѣтописцемъ слова князя Михаила, замѣчено, что избранный на епископію іеродіаконъ Спиридонъ— «поставленъ бысть *попомъ* въ Москвѣ въ недѣлю сыропустную». Тотъ же лѣтописецъ говоритъ (подъ 1416 г.), что по избраніи на новгородскую архіепископію Самсона, чернца съ Хутина, (изъ хутынскаго монастыря), Фотій митрополитъ «постави Самсона сначала діакономъ, а въ субботу третію поста *попомъ* сверши» ([5]). Поэтому очень позволительно думать, что князь Михаилъ, предлагая новгородцамъ искать достойнаго па-

([1]) Лаврент. стр. 209.
([2]) Новгород. 1. стр. 12 объ Аркадіѣ, стр. 24 о Мартиріѣ и пр.
([3]) Тамже, стр. 45. 46.
([4]) Ипат. 1223 год. стр. 163.
([5]) Тамже, стр. 106.

стыря *въ попьхъ*, не разумѣлъ именно, или исключительно іереевъ бѣлыхъ, а имѣлъ въ виду или безразлично бѣлыхъ и черныхъ, или преимущественно, если не исключительно, послѣднихъ. Это лучше всѣхъ пояснили сами новгородцы, на слова князя отвѣтивъ предложеніемъ съ своей стороны трехъ кандидатовъ—*монаховъ*: простаго монаха, Спиридона, игумена юрьевскаго Грецина и Іоасафа, епископа волынскаго (1). Ясно, что они и не думали на тотъ разъ о бѣломъ духовенствѣ, или по крайней мѣрѣ не имѣли побужденій строго понимать слова князя. Это наконецъ подтверждаетъ лѣтопись Никоновская, которая слова князя передаетъ прямо такимъ образомъ: «неудобно есть вамъ жити безъ епископа; изберите себе *иноковъ*, егоже хощете» (2).

Итакъ въ продолженіе *трехъ сотъ* лѣтъ, во весь періодъ до-монгольскій, оказывается на Руси только *пять* епископовъ, избранныхъ изъ бѣлаго духовенства, и только избранныхъ, а не оставленныхъ въ томъ же духовенствѣ и на епископскихъ каѳедрахъ; изъ этихъ пяти—*четыре* были несомнѣнно пострижены въ монашество, и только объ *одномъ* остается у насъ не ясное понятіе, по совершенному недостатку лѣтописныхъ указаній: и то только *не ясное* понятіе, лучше же сказать—совершенная неизвѣстность, а вовсе не какая нибудь возможность предполагать, что этотъ епископъ (Іоаннъ холмскій) не былъ въ монашествѣ. Тѣмъ не менѣе, достало же у нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ (повидимому) на столько соображеній или историческаго безпристрастія, чтобы во всеуслышаніе проповѣдывать, будто бы въ древней Руси *одинаково* выбирали архіереевъ изъ бѣлаго и монашествующаго духовенства, будто избранные изъ бѣлаго, за исключеніемъ *весьма не многихъ примѣровъ*, рукополагались безъ постриженія въ монашество, и будтобы даже такой порядокъ дѣлъ былъ у насъ *господствующимъ* въ періодъ до-монгольскій (3)! До чего можетъ доходить опрометчивость, при совершенномъ незнаніи исторіи! А все отъ

(1) Никон. лѣт. 2. стр. 363.
(2) Никон. лѣт. 2. стр. 363.
(3) См. статью въ № 30 *Дня*, 1862.

страсти—стать на новую точку зрѣнія и высказаться противъ существующаго порядка вещей! Правда и то, что въ этомъ періодѣ довольно встрѣчается такихъ епископовъ, о которыхъ вовсе неизвѣстно, изъ какого званія они поставлены и были ли въ монашествѣ или нѣтъ: но если это не даетъ еще права отрицать, что они были изъ бѣлаго духовенства и оставались въ немъ по посвященіи въ архіерейскій санъ, то также не даетъ никакого права и утверждать это; а общій порядокъ дѣлъ, господствовавшій въ тѣ времена, какъ онъ несомнѣнно свидѣтельствуется исторіею, даетъ гораздо болѣе основаній отрицать, чѣмъ утверждать это. Можетъ быть были и исключенія: но исключенія—не правила, даже не примѣры; притомъ они должны совершенно исчезнуть въ общемъ, прямо противоположномъ настроеніи Русской Церкви изначала. Наконецъ, повторяемъ, никакъ нельзя думать, чтобы лѣтописцы, такъ тщательно описывавшіе гораздо менѣе важныя дѣла въ іерархіи, проходили молчаніемъ такія исключенія (1).

Пойдемъ далѣе. Въ XIV столѣтіи (именно въ 1377 г.) великій князь Димитрій Донской желалъ видѣть митрополитомъ въ Москвѣ своего духовника и любимца, коломенскаго священника Митяя. Что же дѣлаетъ великій князь? Онъ убѣждаетъ Митяя *принять монашество*. «Видиши ли, говоритъ онъ Митяю, Алексѣя митрополита состарѣвшася, и се ты будеши митрополитомъ по немъ; нынѣ же *возложи на себе иноческій образъ* и будеши архимандритъ у Спаса въ монастырѣ» (2). Другая лѣтопись замѣчаетъ по этому случаю, что Митяй «восхищенъ бысть аки нуждею, на постриженіе» (3). Спрашивается, для чего было бы великому князю убѣждать Митяя къ постриженію

(1) Мы не разбираемъ такихъ возраженій, какъ напр., что одинъ епископъ новгородскій Іоаннъ (1108) называется въ лѣтописяхъ *попъ* (въ другихъ *попынинъ*), что Іоаннъ епископъ ростовскій (1190) былъ духовникомъ в. к. Всеволода Юрьича: (Новгор. лѣт. 2, 1. 3, 213): слѣдовательно, говорятъ, тотъ и другой были изъ бѣлаго духовенства и въ епископствѣ оставались безъ монашества!! См. *День*: также. Такія возраженія просто—и смѣшны и жалки.

(2) Ник. 4, 69.

(3) Собр. лѣт. 8. 29.

въ монашество, даже постригать почти насильно, если бы бѣлый священникъ и безъ постриженія могъ архіерействовать? Значитъ—нельзя было. Когда тотъ же князь убѣждалъ митрополита Алексія благословить на митрополію послѣ себя Митяя, нареченнаго въ монашествѣ *Михаиломъ* и уже сдѣланнаго архимандритомъ, то св. Алексій отказалъ, потому что Митяй, какъ говорилъ св. Алексій, былъ еще *новоукъ въ монашествѣ* и долженъ еще навыкнуть въ добродѣтеляхъ иночества (1). Такой отзывъ великаго и святаго мужа, великаго не въ однихъ церковныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ, давалъ тогда, даетъ и теперь намъ разумѣть, что монашество для архіерейства вовсе не лишняя, не случайная и не поверхностная принадлежность, а существенная и глубокая, нравственная, именно потому, что архіерею нужны такой духъ и такая нравственная сила, какія могутъ быть только въ иноческихъ добродѣтеляхъ, т. е. совершенство душевнаго и плотскаго цѣломудрія, высота духовныхъ созерцаній ума, полнѣйшее самоотверженіе, и т. д. Изъ словъ св. Алексія объясняется и то, почему въ древнія времена у насъ слишкомъ мало посвящали въ епископы бѣлыхъ іереевъ, даже съ постриженіемъ въ монашество: при всѣхъ другихъ достоинствахъ, они считались еще *новоуками*— въ монашествѣ! Урокъ и нашему времени для разсужденій объ этомъ предметѣ.

По поводу избранія въ Новгородѣ архіепископа въ 1330 г. лѣтописецъ говоритъ: «возлюбиша весь Новгородъ *Григорія Калеку,* мужа добра, *іерея* бывша святыхъ Козьмы и Даміана, на Холопіи улицы, и *повелѣша ему пріяти святый ангельскій образъ,* и нареченъ бысть именемъ *Василій,* и посадиша его въ владычнѣ (архіепископскомъ) дворѣ, дондеже пошлютъ къ митрополиту» (въ Москву, для посвященія въ архіерейскій санъ) (2). Даже на этого архіепископа у насъ въ литературѣ не постыдились указать, какъ на примѣръ бѣлаго архіерея!! (3). А

(1) Ник. тамже и 79. 233. Степ. кн. 1. 464—6. См. И. г. росс. Карамзина т. 5. прим. 55.

(2) Новгор. I. стр. 75.

(3) См. *День.* № 30 1862.

стоитъ замѣчанія и то, что новгородцы, по словамъ лѣтописи, при этомъ случаѣ— «много гадавше и быша безъ владыки 8 мѣсяцевъ и внезапу возлюбиша весь Новгородъ отъ мала до велика и игумене и попове Григорія». Ясно, что постриженіе въ монашество избраннаго іерея было дѣломъ не случайнымъ, даже не добровольнымъ съ его стороны, дѣломъ не одной какой-либо партіи, а требовалось общенароднымъ убѣжденіемъ въ его неизбѣжности, такимъ обычаемъ, на который весь народъ, отъ мала до велика, и не одни монахи, но и сами *попове* смотрѣли весьма серіозно и даже не подумали о возможности перемѣнить или избѣжать его.

Да! въ нашей Церкви никогда, даже въ позднее время, не было и мысли производить архіереевъ безъ монашества. Лѣтопись подъ 1471 годомъ пишетъ: «преставися архіепископъ Новагорода великаго Іона; новгородцы же *по старинѣ*, каковъ былъ обычай у нихъ, сотвориша вѣче и начаша избирати отъ *священно-инокъ* на архіепископство, и избравше трехъ метнуша жребія» (1). Въ церковномъ чинѣ избранія и посвященія епископскаго, который мы находимъ отъ разныхъ временъ нашей Церкви, никогда не встрѣчается даже слова о бѣлыхъ іереяхъ, а всегда о священно-инокахъ. Такъ наприм. въ чинѣ XV вѣка (1456 г.) въ порядкѣ избранія епископовъ читаемъ: «книгохранитель повелѣваетъ ту сущему писарю написати тріехъ именъ, ихъ же епископи избрали суть, коегождо *священноинока* именемъ». Тамъ же: «въ избраніи епископскомъ напишутъ тріехъ, ихъ же изберутъ, священно-инокъ имена» и проч. Предъ самымъ посвященіемъ, новоизбранный, по чину, излагалъ свое исповѣданіе — «во услышаніе всѣмъ, имущее сице: азъ, имярекъ, *священноинокъ*, милостію Божіею нареченный въ святѣйшую епископію, имярекъ, нижу рукою своею» и проч. (2). Въ уставахъ послѣдующаго времени возглашается: «еще молимся о всечестномъ *архимандритѣ* или *іеромонахѣ*, избранномъ во епископа Богоспасаемыхъ градовъ:....»; а при самомъ посвященіи: «приводится боголюбезный, избранъ, утвержденъ *священно-*

(1) Собр. лѣт. 8. 159.

(2) Акт. археогр. экси. I. № 375.

архимандритъ, или *іеромонахъ,* хиротонисатися....». «Божественная благодать проручествуетъ тя, боголюбезнѣйшаго *архимандрита* или *іеромонаха* во епископа....». Такъ какъ церковныя чинопослѣдованія изначала и всегда оставались у насъ неизмѣнными *даже въ словахъ и выраженіяхъ*, то изложенное въ чинѣ XV—XVI столѣтій безъ сомнѣнія со всею точностію списано съ послѣдованій предыдущихъ временъ. Это подтверждается и замѣчаніемъ, помѣщаемымъ въ новѣйшихъ изданіяхъ чина этого; здѣсь сказано: «сей чинъ на избраніе и рукоположеніе епископа изслѣдованъ и свидѣтельствованъ съ древняго греческаго и славенскаго чиновниковъ (церковно-служебныхъ книгъ), яко бысть при прежнихъ великихъ государяхъ Царѣхъ и великихъ Князехъ и при митрополитѣхъ всея Россіи» (1).

Въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ, сперва отдѣльными распоряженіями властей, а наконецъ соборомъ въ Москвѣ (1503) воспрещено было вдовымъ священникамъ совершать священнодѣйствія, и только подъ условіемъ постриженія въ монашество это имъ разрѣшалось. Такъ продолжалось до конца XVII столѣтія (2). Тоже постановлено было соборомъ въ Вильнѣ (1509) и даже усилено, такъ что вообще не женатымъ священникамъ не дозволено священнослуженіе (3). На такія распоряженія были свои причины; но если и на вдовыхъ и безбрачныхъ священниковъ смотрѣли, какъ неспособныхъ даже совершать литургію безъ постриженія въ монашество, могла ли быть мысль,—допускать ихъ до архіерейства, безъ монашества? Это не такъ надобно разумѣть, какъ будто бы супружество у насъ признавалось необходимостью для самого сана священства: благодать священства не зависитъ отъ супружества; это показываетъ только, что не хотѣли и не могли довѣрять цѣломудренной чистотѣ вдовства и безбрачія, доколѣ оно оставалось въ мірѣ и не ограждалось рѣшительными обѣтами монашества. Замѣтить еще

(1) См. Послѣсловіе въ чинѣ, изданномъ отъ св. Синода 1825.

(2) Опредѣленія митр. Петра см. въ Стоглавѣ гл. 71. Фотія, тамже гл. 78, Ѳеодосія въ Собр. грам. росс. митр. л. 409—413. Соборъ 1503—въ Актахъ ист. т. I.

(3) Описаніе Кіев. іерархіи. 1825. Кіевъ. приб. № 10.

надобно, что такое рѣшеніе властей и соборовъ было вовсе не вымысломъ администраціи, а уступкою общественному мнѣнію народа, который слишкомъ не благопріятно смотрѣлъ на безженство духовныхъ лицъ *въ мірѣ;* но тотъ же народъ, который возставалъ по временамъ противъ іерархіи, никогда не касался монашества архіереевъ. Само духовенство, недовольное указаннымъ опредѣленіемъ, обличало безпорядки въ высшей іерархіи: но не выражало притязаній на архіерейство (1).

Извѣстно состояніе Русской Церкви въ XVI столѣтіи въ югозападномъ краѣ. Вліяніе Польши, іезуитская пропаганда, раздѣленіе митрополій, разстроенныя отношенія къ Москвѣ и Константинополю, все это было причиною крайнихъ безпорядковъ внутри Церкви, кромѣ страданій внѣшнихъ. Тогда явились на тамошнихъ каѳедрахъ и епископы съ женами и дѣтьми, даже второбрачные. Но какъ смотрѣлъ на это народъ? Извѣстно также, что народъ, для защиты православія, соединялся въ братства. Въ этихъ-то братствахъ высказался взглядъ народа на супружество епископовъ. Въ 1592 году (февраля 6) львовское братство послало отъ себя константинопольскому патріарху Іереміи донесеніе, въ которомъ, описывая безпорядки въ мѣстной іерархіи, между прочимъ писало: «священницы двоеженцы вездѣ и при градѣ нашемъ литоргисаютъ, попирающе правильные декреты твоего святительства. Епископъ же холмскій, также и пинскій, со женами живутъ, еще же и перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ; увѣдѣвше сіе двоеженцы дерзостнѣ литоргисаютъ. И иная множайшая возвѣстихомъ, пишуще къ господину патріарху александрійскому, противу писанія его. Ибо *вельми смущается Церковь и вспять возвращается, паче же сановные, въ различныя ереси впадшіи и хотящіи возвратитися къ своему православію, нынѣже отцеваются, хуляще церковное безчиніе. Людіе же вси единогласно вопіютъ: яко аще не устроится церковное развращеніе, въ конецъ разыйдемся, во отступленіи римскаго послушанія и въ покои безмятежно пребудемъ*» (2). Итакъ супружество епископовъ угрожало въ

(1) См. *Руднева* о ересяхъ въ русс. Церкви. 1838. пр. 88.

(2) Акт. западн. Россіи т. IV. № 33.

своихъ послѣдствіяхъ отпаденіемъ народа, въ цѣломъ краѣ, отъ православной Церкви къ римской! Въ римской Церкви, при всемъ своемъ нерасположеніи къ ней, онъ по крайней мѣрѣ не видѣлъ такого соблазна и въ этомъ отношеніи могъ не смущаться совѣстію! Не ужасно ли это? Къ этому нечего прибавлять. Но какъ объяснить это? Сказать ли, что это былъ фанатизмъ? Нельзя; народъ въ томъ краѣ, въ то время, былъ въ оборонительномъ положеніи и жестоко страдалъ, а не буйствовалъ, какъ свойственно фанатизму.—Въ концѣ того же года братство писало патріарху другое посланіе, къ которому приложена была особая *цедула*. Здѣсь сказано: «первѣе вѣси твоя святыня, яко въ насъ мнящіися быти святители, *сущіи же по истинѣ сквернители, иночествовати обѣщавшеся и съ женами невозбранно живуще;* нѣцыи же многобрачни святительствующе, прочіи же съ блудницами чада родиша. Аще сицевы святители суще, священникомъ таковымъ мнится пребыти. Егдаже обличаше ихъ на соборѣ явѣ предъ всѣми митрополитъ, дабы священницы престали священства, священницы же отвѣчаша: *да престанутъ первѣе святители своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ!* Міру же горѣ отъ соблазнъ! Обрѣтеся Церковь наша всякаго зловѣрія и зловоленія исполнена, людемъ же въ недоумѣніи смущаемымъ, *суще время погибати настоитъ*. Безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, и *законы отческіе попраны суще* и православіемъ лицемѣрствующихъ учителей лжа покры Церковь» (1). Это свидѣтельство неоспоримо подтверждаетъ, что если у насъ въ прежнее время избирались епископы изъ женатыхъ людей, то не иначе, какъ подъ условіемъ прекращенія супружества и постриженія въ монашество; что само духовенство (бѣлое) не иначе понимало это; что народъ видѣлъ въ этомъ отеческіе законы и одну изъ самыхъ важныхъ, характеристическихъ особенностей своей Церкви, даже одну изъ опоръ православія; а противныхъ этому порядку явленій въ іерархіи не терпѣлъ, по убѣжденію и совѣсти. Къ этому надобно замѣтить еще, что супружество югозападныхъ епископовъ объясняется только особенными обстоятельствами того времени. Подъ влія-

(1) Акт. западн. Россіи: тамже стр. 45. 46.

ніемъ мірской власти (да еще польской), которая тамъ вмѣшивалась въ управленіе Церкви, усилился обычай—возводить людей свѣтскихъ на самыя высшія мѣста іерархіи. Понятно, что эти люди, не приготовленные къ духовному званію, обязанные своимъ избраніемъ свѣтской власти и избираемые гораздо болѣе по ея мірскимъ видамъ, чѣмъ по личнымъ ихъ достоинствамъ, привыкшіе въ свѣтской жизни ко всѣмъ ея потребностямъ, суетамъ и страстямъ, съ величайшимъ трудомъ могли оставлять въ духовномъ званіи свои свѣтскія привычки и особенно—привыкать къ иночеству въ архіерействѣ. Они, какъ видно изъ свидѣтельства львовскаго братства, также обѣщались въ этомъ санѣ *иночествовать:* стало быть и сами сознавали эту обязанность; но не выдерживали своего обѣта. Для предупрежденія такихъ соблазновъ на будущее время, патріархъ Іеремія, по донесенію львовскаго братства, возстановилъ древній обычай Церкви—возводить на епископство монашествующихъ (1).

Въ томъ же XVI вѣкѣ, какъ извѣстно, возникъ въ Россіи вопросъ о церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Сами духовныя лица раздѣлились въ противоположныхъ мнѣніяхъ по этому предмету. Но, между прочимъ, въ спорахъ высказывалась и та мысль, что имѣнія не излишни для мона-

(1) Литовская церк. унія. *Кояловича*, т. I. 1859. стр. 53. 59. Въ Вѣстникѣ югозападной Россіи (мартъ, 1863), въ статьѣ: «Характеръ Церк. управленія въ югозападной Россіи предъ уніею»—при разсказѣ о дѣйствіяхъ патр. Іереміи въ Литвѣ въ 1529 году (стр. 168), въ выноскѣ замѣчено, что постановленіе его о избраніи въ епископы монашествующихъ *даетъ право думать,* что епископскія каѳедры могли *по закону* быть занимаемы *женатыми священниками.* Это замѣчаніе весьма странно: мы не понимаемъ его смысла. О какомъ законѣ говорится здѣсь? Такого закона въ Россіи никогда, а на Востокѣ по крайней мѣрѣ съ IV вѣка не было. Патріархъ уничтожалъ не законъ, а беззаконіе, и народъ литовскій не могъ смущаться соблюденіемъ закона. Примѣчаніе противорѣчитъ буквально самому факту, который описывается въ статьѣ и совершенно не логично. Оно не подписано: поэтому неизвѣстно, кому принадлежитъ: но оно выражаетъ критику на то, что излагается въ статьѣ; другія критическія замѣчанія *не въ пользу* львовскаго братства подписаны редакціей: неужели и указанное примѣчаніе принадлежитъ ей же??

стырей, такъ какъ *изъ монастырей должны выходить епископы*, что лучшее устройство и содержаніе монастырей будетъ привлекать въ нихъ людей образованныхъ и изъ высшихъ званій, которые потомъ могутъ оказываться достойными архіерейскихъ каѳедръ, тогда какъ бѣдность и внѣшнее неустройство монастырей будетъ отчуждать отъ нихъ хорошихъ людей; монастыри будутъ наполняться людьми необразованными, дурными, а это поведетъ наконецъ къ тому, что *некого будетъ выбирать въ архіереи*. Эти именно мысли доказывалъ и твердо защищалъ Іосифъ Волоцкій, мужъ весьма просвѣщенный, святой, ревнитель Церкви и самъ строгій подвижникъ. Къ чему было бы развивать такія мысли, и еще о такомъ предметѣ, какъ монастырскія недвижимыя имущества, если бы были въ то время или прежде примѣры, или только признавалось возможнымъ—поставлять на архіерейство бѣлое духовенство, безъ монашества?

Наконецъ Петръ великій былъ сильно не расположенъ къ монашеству; онъ былъ почти явный врагъ его, по своимъ политическимъ видамъ и по духу своихъ реформъ. Однакожъ и Петръ, въ своихъ реформахъ коснувшійся и Церкви, не усумнившійся уничтожить и самое патріаршество, поднявшій не очень уважительные вопросы даже о такихъ предметахъ, какъ св. мощи и чудотворныя иконы, и Петръ, волею или неволею, призналъ силу изначальнаго преданія Церкви по вопросу о монашествѣ епископовъ. Видно по всему, что Петру подъ вліяніемъ нѣмецкихъ внушеній хотѣлось коснуться этого предмета съ задними мыслями. . . . ; но не достало духу порѣшить его своею властію. Онъ только далъ въ 1724 году именной указъ св. Синоду объ устройствѣ жизни монашеской. Въ этомъ указѣ написано: «нужда въ монашествѣ есть двухъ ради винъ: 1) ради удовольствованія прямою совѣстію оное желающихъ; 2) *для архіерейства*, *понеже обычаемъ вошло древнимъ не быти архіереямъ, кромѣ что изъ монаховъ*, хотя прежде съ 300 лѣтъ по Христѣ монахи не были. —Того ради опредѣляемъ, дабы Синодъ учинилъ по сему: 1) для желающихъ по совѣсти житія монашескаго; 2) *ради Церковной нужды*, дабы были изъ монашества, *какъ уже древній обычай есть*, достойны въ чинъ архіерейства». При этомъ Петръ

великій начерталъ и порядокъ приготовленія монаховъ къ архіерейству: «1) Надлежитъ, говоритъ онъ, учинить семинаріи, которыя были бы въ двухъ мѣстахъ: здѣсь (въ С.-Петербургѣ) устроить домъ такой, и на Москвѣ другой, или выведенной отдаленный монастырь. 2) Обученные въ семинаріи, до исполненія 30 лѣтъ, должны учить въ томъ же дому дѣтей, въ которомъ сами учились. 3) По 30 лѣтахъ, которые похотятъ монашества, (ибо иные пойдутъ въ бѣлое священство), тѣхъ принять въ Невскій монастырь и 3 лѣта дать имъ для искуса и содержать въ послушаніи, да такомъ, которое не весьма бы отлучало ихъ и отъ книгъ чтенія и прочихъ учительскихъ экзерцицій; ибо тѣмъ, которыхъ производить въ учители изъ монаховъ, невозможно монашескаго правила всего исполнить; но довольно настоящаго имъ дѣла учиться, а ученымъ исполнять народу ученіе. 4) Постриженнымъ назначать по очереди предики въ трапезѣ, хотя до десятократнаго проповѣданія. 5) Потомъ, тако проповѣдать въ трапезѣ пріобыкшимъ, велѣть по очереди же предиковать въ церкви Невскаго монастыря, такожъ и въ церкви семинаріи санктпетербургской по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ. 6) По десятомъ же во оныхъ церквахъ проповѣданіи, велѣть имъ по очередно проповѣдать и въ церквахъ соборныхъ санктпетербургскихъ и московскихъ, гдѣ оные учились. 7) А понеже поочередное проповѣданіе не часто очередію придетъ (наипаче если предикаторы оные до 10 и больше человѣкъ будутъ), то надлежитъ и собственные труды имъ задавать, на примѣръ: книги переводить и трактаты о вещахъ, вѣденія достойныхъ, сочинять. 8) Сверхъ того, на всякой день опредѣлить предъ полуднемъ 2 часа, а по полудни 2 жъ часа, въ которые часы должны всѣ входить во общую монастырскую библіотеку и въ чтеніи исторіи учителей древнихъ и прочихъ упражняться, и что покажется памяти достойное, записывать. 9) Всѣмъ указать собственную ихъ должность, знать законы царскіе и правила древнихъ соборовъ и силу ихъ и употребленіе. 10) По архимандритѣ быть собственному таковыхъ монаховъ надсмотрщику и директору, человѣку ученому, который бы и предики ихъ (еще до проповѣданія) и переводы и трак-

таты осматривалъ, исправлялъ и свидѣтельствовалъ, такожъ и кто что въ библіотеки читаетъ и записуетъ, вѣдалъ бы, и всѣхъ оныхъ чтеній, переводовъ и сочиненій имѣлъ бы у себя реэстръ. 11) Тотъ же директоръ рапортовалъ бы архимандриту о всякомъ монахѣ своего вѣдомства, какъ прилежно трудится, или лѣнится, какъ совершенъ или недостаточенъ, каковыхъ нравовъ и житія, чего изъ котораго надѣятися, и сообщалъ бы архимандриту реэстры трудовъ ихъ. 12) Написать собственныя наказанія и смиренія, различнымъ винамъ приличныя, лѣности, ослушанію, ссорамъ, пьянству и проч. и по докладу директорскому архимандритъ бы наказывалъ. 13) Написать правило общее сіе, что если который изъ ученыхъ монаховъ такъ развращенъ покажется, что по многимъ наказаніямъ неисправленъ и весьма сана пастырскаго недостоинъ явится, то въ монастырь простый къ служенію больничному посланъ будетъ вовсе. 14) Таковымъ же монахамъ подобаетъ давать пищу и питіе, такожъ и одѣяніе нѣчто отъ прочихъ неученыхъ лучше. 15) И изъ оныхъ монаховъ трудами, искуствомъ и добронравіемъ достойныхъ явившихся, по свидѣтельству архимандрита и директора, избирать въ знатныхъ монастыряхъ въ архимандриты, въ директоры монастыря Невскаго и семинарійныхъ санктпетербургскаго и московскаго домовъ, также и въ архіереи; но какъ въ архіереи, такъ и въ архимандриты и директоры не производить никому безъ доклада въ Синодѣ, да и Синодъ долженъ докладывать намъ» (1). Такимъ образомъ при Петрѣ великомъ и его утвержденіемъ образовался въ Россіи тотъ особый разрядъ ученыхъ монаховъ, предназначенныхъ для высшихъ степеней іерархіи, который продолжается доселѣ.

Теперь обратимся къ мыслямъ нашихъ современниковъ. Какія мысли и цѣли у тѣхъ, которые возстаютъ противъ монашества архіереевъ? Первая ихъ мысль—допустить къ архіерейству бѣлое духовенство. Что-жъ? Противъ этого, въ отношеніи къ сану и значенію бѣлаго духовенства въ Церкви, ни исторически, ни канонически ничего нельзя сказать, и никогда

(1) Полн. собр. зак. т. VII. № 4450. Именной указъ, данный Синоду.

не говорилось: исторія Церкви представляетъ примѣры утвердительные, а церковныя правила не представляютъ опредѣленій отрицательныхъ. И въ бѣломъ духовенствѣ могутъ быть лица, вполнѣ достойныя архіерейскаго сана, такъ какъ и въ монашествѣ очень могутъ быть лица, совершенно недостойныя этого сана. Но вопросъ, очень важный, въ томъ: какимъ образомъ или порядкомъ лица бѣлаго духовенства могутъ быть удостоены архіерейскаго сана? Мы видѣли въ исторіи нашей Церкви, равно и Греческой, что такія лица предъ посвященіемъ въ архіереи постригались въ монашество. Слѣдуетъ ли удерживать этотъ обычай? Если не желательно, то можно ли и должно ли и нужно ли допустить, чтобы священники, по избраніи въ архіереи не принимая монашества, оставались въ бѣломъ духовенствѣ? Такъ думаютъ и желаютъ многіе въ наше время: и пусть будетъ такъ. Положимъ, что бѣлый священникъ оставленъ и въ архіерействѣ бѣлымъ. Но—онъ не можетъ быть въ супружествѣ; онъ, если и имѣетъ его, долженъ оставить супругу и свое семейство: такъ по неизмѣннымъ правиламъ Церкви. Что же отсюда выйдетъ? Какой это будетъ архіерей? Это будетъ что-то неопредѣленное, безхарактерное, ни то, ни это; это будетъ лице, не принадлежащее исключительно ни Церкви, ни міру, а принадлежащее вмѣстѣ и той и другому, тогда какъ епископъ долженъ весь вполнѣ и исключительно принадлежать Церкви, и лично быть—совершенно не отъ міра сего. Бѣлый священнослужитель, какъ угодно, есть лице наполовину мірское: потому что, по обязанности служенія бывъ посвященъ Церкви, лично онъ остается членомъ мірскаго общества; итакъ бѣлый архіерей будетъ лице, не вышедшее изъ міра, однакожъ отчисленное отъ него. Не падетъ ли на такихъ архіереевъ и слово Христово о служеніи двумъ господамъ? И сколько можетъ выдти неудобствъ отъ одной неопредѣленности? Представимъ себѣ, наприм., что бѣлый архіерей захочетъ или вынужденъ будетъ по какимъ либо обстоятельствамъ оставить архіерейскую каѳедру: куда онъ пойдетъ? Въ монастырь? Онъ не монахъ. Въ заштатное духовенство, безъ мѣста, безъ службы, безъ постояннаго пристанища, безъ всякаго опредѣленнаго положенія? Это будетъ весьма

странно и неприлично, унизительно для сана и затруднительно во многихъ отношеніяхъ. Останется ли въ правахъ частной собственности, т. е. напр., можетъ жить своимъ домомъ, и т. п.? Тогда онъ, внѣ дѣйствительнаго служенія Церкви, станетъ въ разрядъ мірянъ—собственниковъ, со всѣми обязательствами ихъ по жизни частной и общественной, что опять весьма странно и совершенно неудобно въ архіерействѣ; это будетъ уже не епископъ, а мірской человѣкъ, и притомъ въ фальшивомъ положеніи. Остается одно лучшее: удалиться въ монастырь, какъ и дѣлали на Востокѣ всѣ архіереи, непостриженные въ монашество. Такимъ образомъ конецъ дѣла только покажетъ и подтвердитъ то, что слѣдовало сдѣлать сначала: т. е. принять монашество.

Между тѣмъ, не смотря на оставленіе въ бѣломъ духовенствѣ, архіерей—не монахъ и въ личномъ, частномъ, и въ общественномъ быту, и по всей обстановкѣ, какъ и положительныя правила требуютъ, выше нами изложенныя, и самъ по себѣ архіерейскій санъ и его назначеніе, долженъ вести жизнь подвижника, т. е. жизнь одинокую, вдали отъ женскаго пола, въ строгомъ воздержаніи, въ постоянной молитвѣ, въ совершенномъ посвященіи себя Богу, и въ полномъ удаленіи отъ мірскихъ попеченій, суетъ, удовольствій, и т. д. Это—не тоже ли монашество? Но какъ архіерей будетъ *не монахъ,* то можетъ только болѣе, чѣмъ монахъ, затрудняться въ такомъ положеніи, подвергаться сильнымъ искушеніямъ, и сознаніе, что онъ не монахъ, а долженъ быть чуждъ міру, можетъ только возбуждать въ душѣ тяжкую борьбу помысловъ и чувствъ, отъ чего не можетъ произойти ничего хорошаго ни для самаго архіерея, ни для Церкви. Словомъ, это будетъ какое-то междуумочное состояніе, со всѣми послѣдствіями такого состоянія, и нравственными и матеріальными. А перемѣнить для бѣлаго архіерея правила жизни, положенныя Церковію вообще для архіерейскаго сана, невозможно: иначе надобно потрясти архіерейство въ самыхъ его основаніяхъ церковныхъ и измѣнить духъ самой Церкви. Главное—надобно помнить и не забывать, что архіерей не есть только административное лице: такая односторонняя мысль

есть коренная ошибка; архіерей прежде всего есть духовный правитель Церкви и *пастырь душъ*, составляющихъ Церковь, и поэтому есть лице по преимуществу *духовное*. Не внѣшняя формальная дѣятельность архіерейства, а его внутренній характеръ—духовный составляетъ его основу, сущность и силу. Съ этимъ-то понятіемъ объ архіерействѣ соображены правила поведенія и внѣшняго положенія его, которыхъ, повторяемъ, измѣнить для архіереевъ изъ бѣлаго духовенства невозможно.

Притомъ, когда избранный въ архіереи, имѣя семейство, долженъ будетъ по правиламъ оставить его навсегда и рѣшительно, (кромѣ того только, что можетъ давать ему пособія на содержаніе): сколько будетъ и тутъ разнаго рода неудобствъ и даже тяжкихъ испытаній? Человѣку, привыкшему къ семейной жизни, привязанному къ своему семейству любовію и всѣми душевными заботами, легко ли оставить его, и притомъ не произвольно? Это такое испытаніе, на которое едвали многіе священники рѣшатся, не смотря на всѣ обольщенія архіерейства. Какой же будетъ архіерей, когда въ душѣ оставшись привязаннымъ къ семейной жизни, онъ будетъ только по внѣшности внѣ супружества и еще будетъ тяготиться своимъ званіемъ? И достойно ли будетъ самаго сана, когда сердце архіерея будетъ не вполнѣ отдано его обязанностямъ и дѣламъ, а цѣлая половина его, а можетъ быть и большая часть, отдана мірскимъ привязанностямъ? Потомъ, озабоченный содержаніемъ оставленнаго семейства, что позволяется, говоримъ, церковными правилами, сколько архіерей и въ этомъ отношеніи будетъ испытывать несовмѣстныхъ съ его званіемъ заботъ, важныхъ неудобствъ и даже, можетъ быть противъ воли его, сколько отсюда будетъ происходить безпорядковъ въ домовомъ архіерейскомъ и даже въ епархіальномъ управленіи! Положимъ опять, что архіерей, изъ семейства взятый, оставляетъ службу епархіальную; вопросъ: можетъ или не можетъ онъ возвратиться къ своему семейству? По правиламъ—*не можетъ*; потому, что съ оставленіемъ каѳедры онъ не лишается сана, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть связанъ семействомъ. Остается слѣдовательно и по оставленіи каѳедры жить въ разлукѣ съ семей-

ствомъ: чтоже это будетъ за жизнь? Тутъ будетъ для архіерея еще неудобнѣе и тяжелѣе, чѣмъ на каѳедрѣ.

Конечно такія неудобства были бы устранены, если бы священникамъ предоставлена была возможность вести жизнь безбрачную и уже изъ такихъ, безбрачныхъ, избирались архіереи. Но тутъ опять церковныя правила; они и священнослужителей безбрачныхъ подчиняютъ почти тѣмъ же условіямъ жизни, даже по внѣшнему быту, напр., домашнему, какъ и монаховъ. (I всел. прав. 3, VI всел. 5. Василія великаго 88). Мы видѣли выше, что на Востокѣ такіе священнослужители уже сопричислялись и въ настоящее время сопричисляются къ монашествующимъ. Дѣло въ томъ, что они уже не имѣютъ возможности вступать въ бракъ послѣ своего рукоположенія: слѣдовательно обязаны давать обѣтъ неизмѣннаго дѣвства и цѣломудрія на всю жизнь, что разумѣется—требуетъ уже и жизни, во всѣхъ отношеніяхъ сообразной такому обѣту. Положимъ, что въ бѣломъ духовенствѣ найдутся лица, которыя вполнѣ оправдаютъ такой обѣтъ жизнію строгою, чистою, святою, которыя по этому вполнѣ окажутся достойными и архіерейства. Но 1) для такихъ людей можетъ ли быть тяжелъ, непріятенъ, несвойственъ переходъ въ монашество, при посвященіи въ архіереи? Напротивъ, онъ для нихъ долженъ быть совершенно послѣдователенъ и нисколько не затруднителенъ, ни по расположеніямъ душевнымъ, ни по внѣшнему образу ихъ жизни; для нихъ монашество будетъ только перемѣною формы, цвѣта; даже лучше сказать, оно будетъ подтвержденіемъ ихъ чистаго образа мыслей и чувствъ, торжественнымъ свидѣтельствомъ ихъ внутренней духовной жизни и— вѣнцемъ ихъ подвижничества. Можно ли еще сказать, что для нихъ, какъ людей чистыхъ, монашество было бы излишне? Такое соображеніе походило бы на то, какъ если бы кто сталъ доказывать, что порядочному человѣку излишне быть хорошимъ, а хорошему—еще лучшимъ. Это не въ духѣ христіанства. Да кому же, какъ не такимъ строгимъ людямъ, и желать и стремиться къ высшимъ подвигамъ христіанства, да еще въ архіерействѣ? Нѣтъ: монашество будетъ для нихъ укрѣпленіемъ совѣсти, возвышеніемъ ихъ нравственной силы, вооруже-

ніемъ на дальнѣйшіе, высшіе подвиги, какихъ требуетъ архіерейство: и они безъ сомнѣнія съ любовію примутъ это вооруженіе, какъ уже сродное душѣ ихъ. Ничѣмъ лучше они не могутъ доказать своего достоинства въ отношеніи къ архіерейству, какъ принятіемъ монашества. Напротивъ, для такихъ безбрачныхъ священниковъ, которые не оправдываютъ своего безбрачія ни внутреннею чистотою души, ни внѣшнею строгостію жизни, безъ сомнѣнія принятіе монашества въ архіерействѣ будетъ весьма тяжко, непріятно, не свойственно: они, конечно, будутъ отказываться отъ монашества, а изъ-за него, пожалуй, и отъ самаго архіерейства. Но—чему же это будетъ доказательствомъ? Не тому, конечно, что монашество для архіерея не нужно, а только тому, что эти люди совершенно его недостойны. Безбрачіе ихъ, не имѣя внутренняго, нравственнаго достоинства, не будетъ поэтому давать имъ никакихъ правъ на архіерейство. Если же нашлись бы и такіе, которые, при всей видимой строгости жизни, при всѣхъ нравственныхъ достоинствахъ безбрачія, стали бы затрудняться монашествомъ въ архіерействѣ и, не отрекаясь отъ послѣдняго, рѣшились бы отвергать первое: то на это странное явленіе нельзя придумать другой причины, кромѣ ихъ неискренности въ душѣ, двуличности въ поведеніи, не твердости въ нравственныхъ правилахъ. Такіе люди напоминаютъ того человѣка, который могъ сказать Христу: *вся сія* (заповѣди) *сохранихъ отъ юности моея*. Но когда Спаситель прибавилъ: *еще единого не докончалъ еси; вся елика имаши, раздай нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене*, онъ, *слышавъ сіе, прискорбенъ бысть и—отъиде* (Лук. 18, 18—23). Такіе люди, значитъ, не готовы на самоотверженіе евангельское: а что же и нужно болѣе всего христіанскому пастырю, что болѣе возвышаетъ его санъ и дѣятельность, какъ не это самоотверженіе, или готовность къ нему во всякое время и при всякомъ случаѣ? Слѣдуетъ, что отреченіе отъ монашества должно наводить сильное сомнѣніе на благонадежность такихъ людей въ архіерействѣ; другія достоинства, напр. умственныя, административныя, еще не ручаются за нее—съ нравственной стороны. Скажутъ ли, что многіе, при всѣхъ добрыхъ качествахъ души и жизни, по

совѣсти не могутъ признавать себя способными къ иночеству? Что это значитъ? т. е. не могутъ быть способны къ постоянному дѣвству, ко всегдашнему постничеству, къ непрестанной молитвѣ, къ возвышенію ума и сердца всегда къ Богу, къ дѣятельному самоотреченію ради Церкви? Если такъ, что же значатъ ихъ всѣ (?) добрыя качества души и жизни? Какіе же это архіереи? Значитъ и безбрачіе ихъ не имѣетъ никакой цѣны: и не даетъ имъ правъ на архіерейство. Для мірянъ можно допустить такую неспособность; снисходительность можетъ еще терпѣть немощи и несовершенства (однакожь не оправдывать) въ личности священнослужителей, отъ которыхъ поэтому не только рѣшительное монашество, но и безбрачіе не требуется правилами. Но для епископа такое ограниченіе нравственныхъ требованій было бы неумѣстно. Онъ долженъ быть *совершенъ Божій человѣкъ* (Тим. 3, 14—17). Скажутъ ли еще, что архіереевъ поставлять необходимо и поэтому можно избирать и поставлять достойныхъ, не спрашивая ихъ воли, какъ и дѣлалось это всегда: но не возможно принуждать къ монашеству противъ воли и собственнаго, личнаго расположенія? Конечно—нельзя и не должно: но изъ этого слѣдуетъ только то, что не расположенныхъ къ монашеству не должно поставлять и въ архіереи; такіе сами должны отказываться отъ него; принимать званіе и почесть, безъ расположенія къ подвигамъ, имъ свойственнымъ, недостойно служителя Божія, и даже просто—честнаго человѣка. А для избѣжанія затрудненій при выборѣ такихъ людей, самое лучшее средство, утвержденное Церковію: поставлять въ архіереи монашествующихъ.

2) «Епископъ, говорятъ св. отцы, въ Церкви и Церковь въ епископѣ» (1). Епископъ поэтому долженъ выражать въ себѣ (не только въ своемъ служеніи, но и въ своей личности) идею Церкви, т. е. мысль, положенную въ ея основѣ, ея духъ, коренное начало ея жизни, направленіе ея дѣятельности. Епископъ—монахъ выражаетъ въ себѣ идею Церкви, какъ царства не отъ міра сего, какъ училища Евангелія и жизни высшей, духовной, какъ силы, отвлекающей человѣчество отъ жизни чувственной и стремящейся развить въ немъ по преимуществу

(1) Св. Кипріанъ: письмо 68.

сторону духовную, обратить его отъ земли къ небу, отъ времени къ вѣчности. И это есть истинная идея истинной Церкви Христовой. Какую идею будетъ выражать епископъ *не*—монахъ? Идею соединенія Церкви съ міромъ? Но какого соединенія? Если въ смыслѣ содружества, уравненія силъ и стремленій небесныхъ и земныхъ, духовныхъ и плотскихъ, и т. п.: то это будетъ единеніе лживое, неправедное со стороны Церкви, обманчивое со стороны міра, соединеніе службы Богу и мамонѣ, Христу и Веліару, свѣту и тьмѣ. Для міра это можетъ быть очень пріятно и выгодно: для Церкви это—заблужденіе и бѣда. Это будетъ Церковь *лукавнующихъ*, или Церковь лаодикійская, о которой судъ произнесенъ уже въ божественномъ откровеніи (Апок. 3, 14—18). Если же въ этомъ единеніи будетъ не дружество, а перевѣсъ, именно перевѣсъ міра, то это будетъ уже не епископство Церкви, а предательство; если перевѣсъ Церкви, значитъ—отреченіе отъ міра, т. е. уже духъ иночества, жизнь—не отъ міра и не для міра. Зачѣмъ же при такой идеѣ, допуская ее въ архіереяхъ изъ священниковъ, отрицать сообразную форму въ ея выраженіи и дѣйствіи? Наши мысли и слова не должно толковать такъ, какъ будто бы мы проповѣдывали подчиненіе міра Церкви въ политическомъ отношеніи: совсѣмъ нѣтъ! Мы говоримъ о дѣлахъ собственно духовныхъ и разумѣемъ соединеніе Церкви и міра въ предѣлахъ этихъ дѣлъ, а не государственныхъ. Идея Церкви, какъ соединенія Церкви съ міромъ, въ духѣ государственнаго подчиненія послѣдняго первой, эта идея, олицетворяемая въ римскомъ епископѣ, есть идея ложная, потому что противорѣчитъ собственному духу Церкви Христовой, царству не отъ міра сего: точно также идея Церкви, выражаемая религіозными вождями протестантскихъ общинъ, именно соединеніе Церкви съ міромъ, въ смыслѣ содружества ихъ, или уравненія, или даже подчиненія первой послѣднему, есть идея ложная, потому что уничтожаетъ Церковь.

3) По тому же началу, что епископъ въ Церкви, а Церковь въ епископѣ, епископъ долженъ быть живымъ центромъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ Церкви; въ немъ должны соединяться ко взаимному и общему дѣйствію всѣ элементы, входящіе въ

составъ Церкви. Эти элементы и силы изначала въ Церкви были двухъ родовъ, духовенство мірское и монашествующее. Въ древней Церкви, когда епископы избирались изъ того и другаго сословія, когда избираемые изъ мірскихъ священнослужителей принимали монашество, то и другое сословіе объединялось въ лицѣ епископа; а при выборномъ началѣ, когда не одна власть, но и народъ участвовалъ въ избраніи епископа, въ это единеніе входила и религіозная сила народа, которая собою восполняла и еще болѣе скрѣпляла единство Церкви въ лицѣ и санѣ архіерея. Такъ было на Востокѣ, такъ было и у насъ, особенно въ Новгородѣ, гдѣ поэтому епископъ имѣлъ такое полное жизни и силы духовной значеніе въ паствѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ хотя народъ не имѣлъ голоса въ этомъ дѣлѣ, но при поставленіи архіерея изъ монашествующихъ, въ кругъ которыхъ входили изъ народа люди разныхъ званій, точно также, какъ и въ мірское духовенство, не составлявшее родового сословія, при не существованіи вслѣдствіе этого строгаго раздѣленія между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, равно между ними обоими и народомъ,—единеніе Церкви въ епископѣ, можно сказать, еще держалось; епископъ не былъ никому въ своей паствѣ чужой. Въ новѣйшее время, когда не только духовенство въ своемъ составѣ, происхожденіи, воспитаніи, образованіи, отдѣлилось отъ народа, но и въ самомъ духовенствѣ проведена довольно рѣзкая черта между мірскою и монашествующею частями его, сила церковнаго единенія въ архіерействѣ уже далеко не та, что прежде была. Архіерей является уже болѣе оффиціальнымъ лицемъ, нежели общимъ церковнымъ пастыремъ всей своей паствы. Но по крайней мѣрѣ, при настоящемъ порядкѣ поставленія архіереевъ изъ монашествующихъ, эта сила не совсѣмъ ослабѣваетъ и утрачивается, потому, что монахи, изъ которыхъ избираются архіереи, по происхожденію, по воспитанію, по образованію, по предварительному служенію (при духовныхъ училищахъ), принадлежатъ къ бѣлому духовенству; въ своемъ архіерействѣ они такимъ образомъ соединяютъ обѣ дѣйствующія въ Церкви стихіи духовенства. Это весьма полезно для Церкви; тутъ нѣтъ въ лицѣ архіерея и во власти его борьбы стихій, всегда

вредныхъ для дѣла религіи; епископъ, совмѣщая въ себѣ оба элемента, служитъ лично живою связію ихъ между собою, и, равно понимая тотъ и другой, равно сочувствуетъ тому и другому. Самый народъ, хотя не имѣетъ участія въ архіерействѣ ни выборнымъ голосомъ, ни своими личностями, имѣетъ однакожъ нѣкоторую точку соприкосновенія съ нимъ, хотя и не непосредственнаго и отдаленнаго, именно въ его монашествѣ, открытомъ и для народа; и нѣтъ сомнѣнія, что при лучшемъ устройствѣ нашихъ монастырей, при духовномъ просвѣщеніи настоятелей ихъ въ достаточной степени для церковнаго дѣйствованія, когда они могли бы быть достойно избираемы въ архіереи, съ другой стороны при большемъ сближеніи самихъ архіереевъ съ монастырями, способномъ привлечь къ нимъ лучшіе элементы изъ народа, связь народа съ епископствомъ этимъ путемъ сильно оживилась бы и ихъ нравственное взаимнодѣйствіе привнесло бы много свѣжей силы въ жизнь нашей Церкви. Въ монашествѣ народу открытъ доступъ къ служенію Церкви, недоступному для него въ бѣломъ духовенствѣ; народъ видитъ въ монашествѣ *своихъ* представителей въ Церкви и жизни религіозной, чего онъ не видитъ въ бѣломъ духовенствѣ. Такимъ образомъ со стороны монашества архіерей, можно сказать, ближе къ народу, чѣмъ со стороны бѣлаго духовенства, которое своею исключительною сословностію совершенно заслоняетъ и отдѣляетъ архіерея отъ народа. Замѣтить надобно, что мы говоримъ здѣсь собственно о личности архіерейства, а не о церковномъ служеніи его, которое одинаково относится ко всѣмъ сословіямъ народа.

Будетъ ли твердымъ средоточіемъ, живою связію церковнаго единенія архіерей—не монахъ? Прежде всего онъ будетъ чуждъ цѣлой половинѣ духовенства и важнѣшей стихіи въ Церкви—монашествующему сословію. Оффиціальныя отношенія къ этому сословію архіерея не—монаха никогда и никакъ не замѣнятъ личной связи его съ нимъ. Напротивъ, при однихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ скорѣе можно ожидать взаимной холодности, столкновеній, взаимнаго отчужденія. Не дѣльно возразилъ бы на это кто нибудь, что такія соотношенія не много могутъ значить, потому что монашество составляетъ въ Церкви

и въ духовенствѣ самую малую часть, а какъ дѣло частныхъ обѣтовъ, можетъ и не считаться необходимымъ въ Церкви: въ дѣлахъ вѣры и Церкви не числительность важна, а нравственная, духовная сила, которая въ монашествѣ (независимо отъ частныхъ случайностей) никогда не будетъ слишкомъ мала, а всегда будетъ много значить и по своему внутреннему значенію и по своему вліянію на Церковь и самый народъ. Что касается необходимости монашества, то оспорить ее можно не иначе, какъ доказавъ не необходимость высшихъ правилъ Евангелія и высшихъ степеней духовной жизни въ христіанствѣ. Можно ли думать, что прекращеніе монашества было бы хорошимъ знакомъ для мѣстной Церкви? Никакъ! Это будетъ знакъ только оскуденія въ ней духовной жизни, истощенія духовныхъ силъ, внутренняго нравственнаго разслабленія.

Потомъ архіерей не—монахъ, по своему исключительно сословному происхожденію изъ бѣлаго духовенства, не будетъ имѣть живой связи и съ народомъ. Онъ будетъ лично связанъ только съ бѣлымъ духовенствомъ. Что за тѣмъ послѣдуетъ, гадать не трудно. Прочія стихіи или живыя силы Церкви, монашество и народъ, не находя единенія въ архіереѣ, будутъ искать своихъ центровъ внѣ его; они будутъ концентрироваться отдѣльно отъ него въ своихъ собственныхъ сферахъ; и так. обр. будетъ не только парализоваться его духовное вліяніе на нихъ, но изъ среды ихъ могутъ еще выдѣляться силы, стремящіеся дѣйствовать въ разрѣзъ его дѣйствованію. У насъ замкнутая сословность приходскаго духовенства, равно и личная отдѣленность архіереевъ отъ народа очень много содѣйствовали расколу. Одну изъ сильнѣйшихъ опоръ его доселѣ составляетъ мысль о необходимости и возможности поставить себѣ архіерея *изъ своей среды*, не въ смыслѣ только единства вѣрованій, но и въ смыслѣ единенія народнаго.

Остается одно средство—избѣжать всѣхъ этихъ затрудненій и возстановить во всей силѣ церковное единеніе паствы съ пастыремъ: допустить въ составъ духовенства, равно и низшаго и высшаго, всѣ сословія народа и въ самомъ выборѣ на служеніе Церкви предоставить участіе народу. Но это будетъ уже рѣ-

шительная въ нашей Церкви реформа, о которой мы теперь разсуждать не будемъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ своего предмета.

Наконецъ, если бы, допуская въ архіерействѣ безбрачіе со всѣми его церковными правилами, стали отрицать въ архіерействѣ монашество по тому соображенію, что, по силѣ этихъ правилъ, и монахъ и безбрачный священнослужитель въ сущности дѣла—одно и тоже: то это возраженіе легко обращается противъ самихъ возражателей. Если такъ, то изъ-за чего же спорить противъ монашества? Для чего же возставать противъ одного дѣла и вводить другое, когда и то и другое въ сущности равно? Однакожь и при такомъ взглядѣ, не лучше ли въ архіерействѣ, какъ и въ другихъ церковныхъ дѣлахъ, удержать что-либо опредѣленное, точное, положительное, характеризующее санъ и болѣе соотвѣтственное духу Церкви? А въ бѣломъ архіерействѣ этого мы не видимъ. Не лучше ли сохранить порядки и обычаи, уже освященные тысячелѣтіемъ, нежели вводить въ отмѣну ихъ новости, не имѣющія твердаго основанія, а только уступающія измѣнчивому духу міра и времени? Въ гражданскихъ дѣлахъ тысячелѣтіе конечно не дѣлаетъ ихъ неизмѣнными; можетъ быть именно эта давность сама собою и вызываетъ перемѣны; въ мірской жизни что старо, то и дряхло. Но въ Церкви не такъ. Здѣсь коренное начало жизни, основа всему зданію—единство, единство идеи, духа, цѣлей. Потому въ Церкви самое важное значеніе имѣетъ именно преданіе; здѣсь оно—законъ; измѣнять его значило бы измѣнять духъ Церкви. Въ Церкви, что старо, то и не дряхло; и чѣмъ старѣе, тѣмъ и лучше.

Мы не думаемъ, чтобы противники монашества сами не понимали, какъ мало можетъ имѣть значенія, даже съ ихъ точки зрѣнія, замѣна монашествующаго архіерея бѣлымъ—безбрачнымъ, при тѣхъ церковныхъ правилахъ, какія къ безбрачнымъ относятся. Даже возраженія, которыя обыкновенно дѣлаются противъ перваго, легко могутъ быть приложены и къ послѣднему: это мы ниже увидимъ. Но дѣло въ томъ, что они не безбрачія только и хотятъ. Выскажемъ ихъ настоящую, хотя еще не вполнѣ и не ясно высказанную ими самими, пока еще заднюю, ихъ

мысль: они хотятъ ни болѣе, ни менѣе, какъ архіереевъ *женатыхъ* (1). Но не слишкомъ ли отважно? Обдуманно ли по крайней мѣрѣ, что для этой реформы нужно сдѣлать? Для этого нужно во 1-хъ, уничтожить древнія церковныя правила съ IV вѣка; во 2-хъ, измѣнить самый духъ архіерейства и все его каноническое устройство, а съ тѣмъ вмѣстѣ—въ 3-хъ, измѣнить и духъ самой Церкви, который и въ архіерействѣ, какъ въ своемъ представительствѣ, не менѣе, какъ и въ другихъ чертахъ, выражается; въ 4-хъ, сдѣлать въ Россіи первый и самый короткій шагъ къ протестантству. Лютеръ не съ этого ли именно началъ, уничтоживъ монашество, и самъ—монахъ—женившись? Такъ пусть уже противники монашества, вмѣсто этого одного дѣла (т. е. женатаго архіерейства), лучше рѣшатъ—обратить православную Россію въ протестантство: тогда монашество само собою уничтожится и архіереи уже весьма послѣдовательно сдѣлаются женатыми. Вотъ куда идетъ вопросъ о монашествѣ архіереевъ! Мы не говоримъ, что безъ монашества падетъ христіанство, что сущность и сила Церкви—именно въ монашествѣ, и только въ немъ одномъ; не говоримъ и того, что монашество есть основной догматъ вѣры. Но не должно забывать, что православная вѣра и вся ея жизнь держатся устава-

(1) Однакожъ эта мысль мало по малу уже выдвигается впередъ. Въ № 135 С.-Петербургскихъ вѣдомостей настоящаго года, въ *передовой* статьѣ напечатано: «хотя и говорится, что подобаетъ епископу быти единыя жены мужу, но это сказано на Востокѣ, гдѣ господствовало, да и теперь господствуетъ многоженство. Слѣдовательно упомянутыя слова правильнѣе было бы понимать такимъ образомъ: подобаетъ епископу быти единой жены мужу *въ одно и тоже время*. Почти до конца VII вѣка между епископами были женатые»—и пр. Здѣсь объясняются слова ап. Павла (1 Тим. 3, 2). Авторъ статьи такимъ образомъ доказываетъ, что епископу непозволительно *только* имѣть *болѣе* одной жены *въ одно время*. Мы здѣсь укажемъ автору у того же апостола, въ томъ же посланіи (гл. 1, 5. 6. 7) мѣсто, гдѣ апостолъ, сказавъ, что главный предметъ, сущность и цѣль завѣта Христова есть: любовь отъ чистаго сердца, *добросовѣстность*, вѣра *не лицемѣрная*, присовокупляетъ: «въ нихъ же нѣцыи погрѣшивше, уклонишася въ суесловія; хотяще быти законоучители, не разумѣютъ, ни яже глаголютъ, ни о ниже утверждаютъ».

ми и преданіями Церкви, въ которыя входитъ и монашество архіереевъ; не должно забывать, что монашество, какъ вообще, такъ и въ архіерействѣ, входитъ въ самый духъ Церкви и составляетъ одну изъ значительнѣйшихъ черту, его характеризующую. Лютеръ, возставшій сначала противъ папства и монашества, чѣмъ кончилъ? Не уничтоженіемъ ли самыхъ важныхъ и коренныхъ основъ Церкви, каковы таинства? Не искаженіемъ ли духа Церкви, котораго въ его обществѣ совсѣмъ и не осталось? Не уничтоженіемъ ли истиннаго духовнаго пасенія вѣрныхъ, съ его священнымъ, вышемірскимъ характеромъ? Но извѣстно, что и самъ Лютеръ, подъ конецъ жизни, ужасался послѣдствій своей реформы и откровенно признавался, что въ началѣ онъ и не предполагалъ такихъ послѣдствій. Даже и въ настоящее время, при всемъ вольномысліи въ Германіи противу религіи, лучшіе люди въ протестантствѣ искренно сознаютъ всю его пустоту и духовную безжизненность, происходящую именно отъ угашенія духа Церкви, который живетъ въ ея преданіи. При такомъ положеніи эти лучшіе люди невольно обращаютъ взоры къ православной Церкви. Какъ же хотятъ, чтобы зданіе стояло твердо, когда его опоры уничтожаются? Положимъ, что вы не касаетесь фундамента и стѣнъ: но какъ скоро вы сняли крышу, то, не говоря о другихъ бѣдахъ, одинъ дождь или снѣгъ можетъ размыть весь домъ; или сдѣлайте хотя небольшой проломъ въ стѣнѣ дома: не станетъ ли стѣна мало по малу осѣдать и разваливаться?

Да и какіе серіозные доводы представятъ намъ въ исключительную пользу бѣлаго архіерейства и противъ монашествующаго? Говорятъ, что архіерей монашествующій, самымъ монашествомъ отчужденный отъ міра, не можетъ такъ близко относиться къ обществу, какъ требуетъ званіе пастыря Церкви и какъ можетъ относиться бѣлое духовенство. Но какое тутъ разумѣется отношеніе къ обществу? Если житейское, напр. близкое общеніе съ міромъ въ частной жизни, въ мірскихъ дѣлахъ, то объ этомъ и говорить нечего: такое общеніе съ міромъ вовсе не нужно и не прилично и не позволительно архіерею, даже бѣлому. Правила даже и приходскому священнику возбраняютъ

раздѣлять съ міромъ житейскія дѣла и суеты (апост. 6. IV всел. 3); а требовать этого отъ архіерея есть признакъ только легкомыслія, съ одною развѣ цѣлію, чтобы введя архіерея подальше въ міръ, ослабить его духовное значеніе и нравственное вліяніе на міръ. Конечно противники монашества отъ этого не прочь; можетъ быть этого-то имъ и хочется. Слышатся иногда упреки монашеству въ грубости, недоступности, въ недостаткѣ цивилизованной развитости и т. п. Но, не говоря уже о неопредѣленности этихъ понятій, о томъ, что особенно послѣдній предметъ слишкомъ пахнетъ міромъ даже для бѣлаго архіерея, это совершенно—качества личности и зависитъ отъ личныхъ условій. Истинный духъ Христовъ, какимъ долженъ быть преисполненъ истинный монахъ, т. е. духъ любви, всегда сдѣлаетъ его мягкимъ и доступнымъ для всѣхъ и еще болѣе, чѣмъ кого-нибудь другаго, по той причинѣ, что житейскія дрязги не могутъ такъ огрубить монаха, какъ мірскаго человѣка. А цивилизованная развитость, если разумѣть тутъ не пустоту однихъ свѣтскихъ приличій, или такъ называемую ловкость, есть такое дѣло, которое въ архіереѣ, хотя бы и монахѣ, очень удобно и хорошо можетъ замѣняться христіанскою простотою, чувствомъ священнаго благоприличія въ санѣ, строгою, но вмѣстѣ кроткою, нравственностію въ обращеніи съ людьми, и т. п. Притомъ надобно замѣтить, что въ недостаткѣ цивилизаціи обвиняется у насъ не одно монашествующее, но и бѣлое духовенство, и послѣднее едва ли не болѣе перваго. Съ другой стороны, при архіерействѣ бѣломъ, женатомъ, выходящемъ изъ приходскаго духовенства, не уменьшится ли самое уваженіе къ высшей іерархіи? Это очень можетъ быть, при извѣстныхъ у насъ отношеніяхъ общества къ бѣлому духовенству. Монашество у насъ уважается болѣе: это очевидно. На епископа-монаха смотрятъ, какъ на нѣчто высшее, особенное, выходящее изъ общаго ряда мірскаго духовенства: поэтому относятся къ нему, если не съ внутреннимъ уваженіемъ, по крайней мѣрѣ съ внимательною сдержанностію и осторожностію. Епископа женатаго мало будутъ отличать отъ приходскаго священника: и потому скоро станутъ обращаться съ нимъ за-просто, наравнѣ съ прочимъ духовенствомъ. И въ

этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи къ цивилизованному развитію духовенства, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, не лучше ли сперва самому обществу нашему цивилизоваться, въ духѣ истинной, а не мнимой образованности, чтобы научиться уважать духовенство и относиться къ нему, *какъ слѣдуетъ*, чѣмъ требовать отъ духовенства того, чего еще у самихъ (свѣтскихъ) не очень много? Наружный лоскъ (даже и тотъ не всегда виденъ въ отношеніи къ духовенству), не скрываетъ этого: нечего объ немъ и говорить.

Что сказать объ отношеніи архіерея къ дѣламъ жизни общественной и народной? Церковныя правила положительно запрещаютъ архіерею входить въ такія дѣла, какъ скоро они Церкви или народной нравственности не касаются (апост. 81. IV всел. 3. VII всел. 10). Что же касается духовнаго, т. е. строго—нравственнаго, или собственно—церковнаго вліянія на общество или народъ, то такое вліяніе и монашествующій архіерей можетъ имѣть столько же, какъ и бѣлый, и еще болѣе, по преимущественному характеру собственной духовности. А и въ общественныхъ или народныхъ дѣлахъ, когда бы потребовали важныя нужды и чрезвычайныя обстоятельства, бѣдствія народныя, спасеніе отечества, защита правды, законность и словомъ—общее благо въ духѣ истинно-христіанскомъ, когда и епископу и всему духовенству позволительно и нужно возвысить голосъ и помочь общему дѣлу: можетъ ли это быть чуждо архіерею—монаху? И не можетъ и не должно быть, по тому же духу, который долженъ составлять основное начало жизни монашеской, т. е. духу Евангелія (1). Или забыты уже, или исключить надобно изъ русской исторіи тѣ прекраснѣйшія страницы, гдѣ среди смутъ и страданій народныхъ, подъ игомъ монголовъ, въ междоусобіяхъ князей, во времена самозванцевъ, въ междуцарствіе, при нашествіи поляковъ, наконецъ при воцареніи Романовыхъ, монаше-

(1) Въ чинѣ архіерейскаго посвященія, въ клятвенномъ обѣщаніи своемъ архіерей обязывается: «*въ мірскія дѣла и обряды* (порядки) *не входитъ, развѣ какая явная неправда показана будетъ; о томъ первѣе увѣщавать, а потомъ и писать на таковыхъ, по апостолу: заступати немощныя*». Изд. 1825. Спб.

ство является въ числѣ первыхъ и сильнѣйшихъ дѣятелей? Или ужъ не слѣдуетъ ли, по нынѣшнему взгляду на вещи, осуждать за это русское монашество, въ томъ соображеніи, что оно вмѣшивалось *не въ свои дѣла?* А памятны ли слова инока Филиппа Грозному Царю, когда Царь назначалъ его на московскую митрополію? «Повинуюсь волѣ твоей, говорилъ Филиппъ; но умири совѣсть мою: да не будетъ опричины! Да будетъ единая только Россія! Ибо всякое, раздѣленное въ самомъ себѣ царство, по глаголу Христову, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя, Царь, искренно, когда вижу всеобщую скорбь отечества» (1)! Это говорилъ монахъ, еще прежде поставленія въ митрополита; и это Филиппъ выражалъ именно какъ условіе своего согласія на поставленіе. Потомъ, уже въ архіерейскомъ санѣ, Филиппъ говорилъ царю: «я не узнаю Царя православнаго въ его видѣ (извѣстномъ, при опричинѣ), не узнаю и въ дѣлахъ царства. Не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу! Въ Россіи нѣтъ закона и правды, нѣтъ милосердія! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Ты, Царь, высокъ на тронѣ: но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? Вѣщаю тебѣ, какъ пастырь душъ: а боюсь я только единаго Бога»! Это говорилъ митрополитъ: но что придавало особенную силу его духу и голосу? Это хорошо понималъ и высказалъ самъ Іоаннъ: *«чернецъ! доселѣ* я излишне щадилъ васъ»! Наконецъ, на судѣ, въ присутствіи Царя и духовнаго собора, Филиппъ еще разъ сказалъ: «Государь! Ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти; нѣтъ! Не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть мученикомъ, нежели въ санѣ епископа безмолвно терпѣть беззаконія и ужасы сего времени. Вотъ жезлъ пастырскій; вотъ бѣлый клобукъ и мантія, которыми ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы святители, архимандриты, игумены и всѣ служители Божіи! Готовьтесь дать отчетъ и бойтесь небеснаго Царя еще болѣе, чѣмъ земнаго» (2). Такъ монашество не

(1) Ист. Гос. Росс. IX. стр. 55, изд. 1843. прим. 174.

(2) Ист. Гос. Росс. стр. 60—62. прим. 191. 192. 198. 199.

помѣшало св. Филиппу, напротивъ оно-то и укрѣпило его духъ —войти въ дѣло народное, постоять и умереть за него. Или вотъ еще примѣръ дѣла, болѣе частнаго и еще болѣе отдаленнаго отъ монашества. Что можетъ быть общаго у монашества съ дѣломъ корабельнымъ? Однакожь св. Митрофанъ, епископъ воронежскій, тотъ самый, который по духу святаго монашества отказался пройти въ царскій дворецъ чрезъ входъ, обставленный статуями языческихъ боговъ и богинь, не отказался по духу ревности къ общей пользѣ принять дѣятельное участіе въ строеніи кораблей въ Азовѣ.—Да, наконецъ, кромѣ высшаго духа вѣры и подвижничества, чѣмъ же и были славны и сильны и свято-народны наши древніе пастыри—иноки, какъ не самою дѣятельною близостію къ народу, въ духѣ мира, правды, любви, сочувствія его нуждамъ, защиты предъ сильными земли, что такъ характеристично выражалось словомъ: *печалованіе!*

Говорятъ, что монахъ не можетъ такъ хорошо знать быта и нуждъ епархіальнаго духовенства, какъ бѣлый архіерей. Ничего не можетъ быть пустѣе этого возраженія. Наши архіереи—монахи выходятъ по роду, по воспитанію, по образованію, развѣ не изъ бѣлаго духовенства? Прежде вступленія въ монашество, отъ колыбели до окончанія полнаго курса наукъ, и далѣе, эти монахи развѣ не проходили лично всѣхъ видовъ быта и всѣхъ степеней нуждъ бѣлаго духовенства? Да и что не рѣдко располагаетъ къ монашеству, какъ не личное испытаніе въ родственной семьѣ всѣхъ разнообразныхъ тягостей и скорбей священнослужительской жизни? Потомъ, развѣ архіереи, уже во время архіерейства, не имѣютъ у себя родства въ духовенствѣ, чтобы ближайшимъ образомъ видѣть его нужды? Наконецъ, чтобы управлять какими бы то ни было лицами, развѣ непремѣнно нужно испытать на себѣ всѣ ихъ нужды и скорби? Поэтому наприм., министромъ не можетъ быть никакой аристократъ, не испытавшій на себѣ состоянія бѣдныхъ чиновниковъ? Судья не можетъ быть судьею, если самъ не былъ подъ судомъ и не испыталъ всѣхъ его тягостей? Говорятъ еще, что архіерей монахъ не можетъ имѣть такихъ нѣжныхъ чувствъ сердца, потребныхъ для управленія семейными людьми, какія можетъ имѣть только

семейный человѣкъ. И это совершенная нелѣпость. Неужели чувства нашего сердца происходятъ и зависятъ только отъ внѣшняго нашего положенія, а не отъ природы самого сердца, отъ религіи, воспитанія, образованія? Неужели и въ мірскомъ быту всякій семейный человѣкъ непремѣнно бываетъ добръ и нѣженъ сердцемъ, именно потому, что онъ семейный, и всякій безсемейный непремѣнно бываетъ жестокосердъ? Напротивъ, и психологически и фактически извѣстно, что человѣкъ семейный, и особенно многосемейный, очень часто бываетъ холоденъ къ чужимъ дѣтямъ, и напротивъ, не имѣющій собственныхъ дѣтей, тѣмъ сильнѣе любитъ вообще дѣтей. За примѣрами и ходить не далеко: гдѣ лучше житье сиротамъ, тамъ ли, гдѣ у человѣка, содержащаго ихъ, много своихъ дѣтей, или тамъ, гдѣ родныхъ дѣтей нѣтъ? Это можно видѣть слишкомъ часто,—и между прочимъ въ бѣломъ духовенствѣ. И неужели монашество серіозно можно обвинять въ томъ, что оно подавляетъ естественныя чувства сердца? Только самое крайнее легкомысліе, или только отъявленная вражда противъ монашества можетъ высказывать такія мысли. Кто, какъ не Христосъ, не входившій лично ни въ семейную, ни въ общественную жизнь, и духомъ и ученіемъ Своимъ всегда и всесовершенно обращенный и всѣхъ другихъ обращавшій къ единому Отцу небесному, показалъ въ Самомъ Себѣ высочайшій образецъ любви всеобъемлющей? А о чемъ болѣе всего проповѣдывалъ Его любимѣйшій ученикъ, дѣвственникъ и строжайшій подвижникъ? А прочитать все множество оставшихся писемъ величайшихъ пастырей—аскетовъ къ разнымъ лицамъ: что они высказываютъ, какъ не дивную этихъ строгихъ до суровости къ самимъ себѣ людей—любовь къ человѣчеству? Враги монашества не знаютъ психологіи: только чистая, цѣломудренная, дѣвственная, душа способна къ святой, безстрастной, безкорыстной, все терпящей, все покрывающей, самоотверженной любви, какая и нужна и свойственна должна быть истинному пастырю душъ. А если стать на точку противниковъ монашества, то ихъ возраженіе можно обратить также и противъ бѣлаго, безбрачнаго архіерейства: можно также сказать, что архіерей бѣлый, какъ безсемейный и безбрачный, не можетъ имѣть такихъ мягкихъ,

нѣжныхъ чувствъ сердца, какія развиваетъ жизнь семейная, не можетъ хорошо знать семейныхъ нуждъ приходскаго духовенства, не можетъ такъ близко относиться къ обществу, и т. д.,—какъ нужно пастырю Церкви.

Что еще говорятъ? Говорятъ, что монахамъ, по самому духу монашества, не слѣдуетъ входить въ дѣла управленія, что они, отрекаясь отъ жизни мірской и всѣхъ ея суетъ, тѣмъ самымъ устраняютъ себя отъ всякаго участія въ житейскихъ дѣлахъ, неразлучныхъ съ управленіемъ епархій, что здѣсь нерѣдко могутъ встрѣтиться дѣла, требующія вовсе не монашескаго разсужденія, даже такія, которыя для монаха противны, какъ наприм., дѣла брачныя, бракоразводныя и проч. Но 1) монахи не сами собою входятъ въ дѣла управленія; слѣд. обвинять ихъ во вмѣшательствѣ въ дѣла, имъ несвойственныя, нельзя; 2) неужели Церковь, тысячелѣтнею практикою утвердивъ монашество на архіерейскихъ каѳедрахъ, не понимала, что она дѣлала, или съ намѣреніемъ поставляла на архіерейство людей, совершенно къ нему неспособныхъ и не призванныхъ? 3) Развѣ отреченіе отъ міра, свойственное монашеству, въ томъ именно и состоитъ, чтобы ничего не дѣлать, нисколько не приносить обществу дѣятельной пользы и оставаться въ совершенной апатіи къ дѣламъ человѣческимъ? Если такъ, то зачѣмъ же, съ другой стороны, противники монашества обыкновенно обвиняютъ монаховъ въ праздности, въ тунеядствѣ, въ безполезности для общества? Напротивъ, по нашему мнѣнію, людямъ, отрекшимся отъ міра, именно и свойственна особенная дѣятельность, дѣятельность высшая, духовная, свободная отъ узъ міра, и слѣд. отъ его страстей и пристрастій, дѣятельность поэтому совершенно независимая, самоотверженная, проникнутая идеями и цѣлями общеполезными, въ лучшемъ смыслѣ этого слова которой можетъ и должна быть посвящена вся жизнь монаха, за тѣмъ, что собственно для себя ему нечего дѣлать въ мірѣ; и такъ какъ отрекаясь отъ міра, онъ прежде всего и болѣе всего отрекается отъ себя, то тѣмъ полнѣе, совершеннѣе долженъ быть преданъ благу другихъ или общему. 4) Говоря такимъ образомъ, мы говоримъ здѣсь о дѣятельности собственно церковной, которая, не только сама по себѣ, но и

по духу самого монашества, не можетъ никакъ почитаться чуждою ему; напротивъ, ему-то, болѣе, чѣмъ кому-либо, она свойственна, именно по тому духу отрѣшенности отъ міра, по духу высшихъ интересовъ и превыше—земнаго направленія, который равно сосущественъ и Церкви и монашеству. Для чего же монашество и существуетъ, въ лучшемъ его смыслѣ, какъ не для служенія Церкви? Кто же, поэтому, и для епископской дѣятельности можетъ быть болѣе способенъ и пригоденъ, какъ не монахъ? Но не трудно понять, откуда происходитъ мысль о неспособности монашества, какъ отшельничества, къ управленію Церкви: эта мысль происходитъ отъ неправильнаго понятія о самой Церкви. Обыкновенно разумѣютъ Церковь только какъ общество христіанское: понятіе слишкомъ ограниченное, совсѣмъ не выражающее сущности предмета. Церковь—не просто и вообще христіанское общество: это есть общество людей, соединенныхъ между собою *духовно,* т. е. вѣрою, таинствами, совѣстію и внутреннею, духовною жизнію. Общественная, такъ сказать мірская обстановка Церкви, составляетъ только ея внѣшность, т. е. формальную сторону ея жизни, но никакъ не сущность ея и жизнь внутреннюю. А внутренняя, духовная жизнь Церкви именно характеризуется и держится отрѣшеніемъ отъ міра, его духа и всѣхъ его видовъ земныхъ. Церковь никогда не была, и не есть, и не будетъ *едино* съ гражданскимъ обществомъ: она живетъ въ немъ, составляетъ его душу, но никакъ не одно и тоже съ нимъ. А такой характеръ Церкви не самъ ли собою вызываетъ и управленіе ея—въ духѣ отрѣшенія отъ міра, т. е. монашескаго? Это не значитъ, что вся Церковь должна быть монашескою общиною, что всѣ христіане непремѣнно должны быть монахами; мы говоримъ о высшихъ инстанціяхъ Церкви, о ея главномъ управленіи, гдѣ по преимуществу долженъ выразиться духъ Церкви и духъ Евангелія, управляющій ею. Епископъ долженъ почитаться и быть представителемъ Церкви; но представителемъ собственно не общества вѣрующихъ (это взглядъ протестантскій), а внутренней, духовной стороны Церкви, тѣхъ основныхъ началъ и высшихъ духовныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ внутри, въ самомъ существѣ Церкви. Слѣ-

довательно и въ личности архіерея главное значеніе имѣетъ не внѣшняя сторона его архіерейства, общественная, а попреимуществу внутренняя, духовная, та, которою онъ соединяется такъ сказать съ существомъ Церкви, и которою воспринимаетъ и возпроизводитъ въ своемъ санѣ и въ своей пастырской дѣятельности духъ, высшія силы и цѣли Церкви.

Что касается дѣлъ, которыя въ церковномъ управленіи могутъ казаться противны монашеству, каковы напр., дѣла брачныя, бракоразводныя, слѣдственныя и судебныя по преступленіямъ, и т. п., то духъ монашества вовсе не состоитъ въ гнушеніи брачными и вообще естественными дѣлами; монахъ не потому идетъ въ монашество, что гнушается бракомъ: это даже положительно запрещается церковными правилами (Апост. 51. Гангр. 9. 10); а потому, что стремится къ высшимъ подвигамъ духовной жизни. Потомъ, дѣла мірскія, какъ бы они худы и соблазнительны сами по себѣ ни были, должны быть чужды и противны монаху только сами въ себѣ, какъ дѣла: но никогда и никакъ не могутъ быть ему чужды и противны люди, подверженные такимъ дѣламъ. Монашество не только не отвращаетъ монаха отъ людей, какія бы они ни были (исключая, разумѣется, безразличныхъ сношеній съ ними), но, можно сказать, еще возвышаетъ и усиливаетъ любовь, между прочимъ и потому, что люди въ нѣкоторомъ отдаленіи болѣе возбуждаютъ состраданіе и снисхожденіе, нежели вблизи, въ связи съ ними. Извѣстная также истина: чѣмъ нравственнѣе, чѣмъ возвышеннѣе духомъ и жизнію человѣкъ, тѣмъ сильнѣе и глубже онъ сочувствуетъ человѣчеству; чѣмъ дальше самъ отъ худыхъ дѣлъ, тѣмъ искреннѣе сожалѣетъ о худыхъ людяхъ, хотя тѣмъ строже судитъ о дѣлахъ. Христосъ, въ чистѣйшемъ Его существѣ, въ Его божественномъ величіи, въ Его безпредѣльной святости, развѣ отвращался или гнушался грѣшниковъ, даже самыхъ явныхъ? Развѣ не для нихъ-то именно Онъ и пришелъ на землю, и не къ погибшимъ овцамъ прежде всего послалъ пастырей—Своихъ учениковъ? А воображать, что разсмотрѣніе и судъ худыхъ дѣлъ людскихъ можетъ соблазнять и колебать собственныя

добродѣтели монашества, значитъ слишкомъ слабо понимать, или вовсе не понимать истиннаго монашества.

Занятіе многосложными дѣлами управленія только съ одной стороны могло бы представляться не соотвѣтствующимъ монашеству,—со стороны уединенія и самоуглубленія, свойственнаго ему: но какъ скоро требуетъ общая польза Церкви, высшее призваніе, лучшіе виды духовной дѣятельности, развѣ уединеніе не должно и не можетъ прекращаться, не только безъ вреда для инока, но еще въ видахъ высшаго подвига, для его же совершенства? Что преимущественнѣе, уединенная ли дѣятельность, состоящая только въ занятіи собою, хотя бы самомъ добромъ и благочестивомъ, или дѣятельность общеполезная? И который подвижникъ выше и совершеннѣе, тотъ ли, котораго подвижничество ограничивается только его собственнымъ лицемъ и келліею, или тотъ, кто, отрекаясь себя и всѣхъ благъ и видовъ жизни, даже своей воли, всего себя предаетъ попеченію о другихъ, со всѣми его трудами, опасностями, скорбями? Притомъ монашество, въ сущности и въ цѣляхъ одно, имѣетъ разные виды въ своемъ развитіи и приложеніи къ жизни. Есть монашество Макарія египетскаго, пустынное, созерцательное, убѣгающее общества и глазъ человѣческихъ: есть монашество Макарія александрійскаго, общительное, съ любовію и радостію идущее на встрѣчу всякому человѣку. Есть монашество Антонія, ищущее спасенія въ тягчайшихъ подвигахъ нравственнаго умерщвленія плоти: есть монашество Аѳанасія и Василія великихъ, полагающее свое спасеніе въ спасеніи другихъ и оставляющее пустыни, чтобы трудами духовными служить Церкви и человѣчеству. Это различіе подвиговъ есть дѣло совѣсти и личныхъ убѣжденій: оно ни для кого не обязательно. Такимъ образомъ, если бы инокъ по совѣсти призналъ архіерейство несовмѣстнымъ съ обѣтами его души и правилами жизни: никто и ничто не мѣшаетъ ему отказаться отъ архіерейства; если онъ не затрудняется по совѣсти соединять тѣ и другія обязанности, никто не вправѣ препятствовать ему.

Но если многосложность дѣлъ правительственныхъ противна уединенію монашества, то можно съ другой стороны сказать,

что она не удобосовмѣстима и съ семейною жизнію правителя. А особенно можетъ ли быть семейный архіерей такимъ самоотверженнымъ, отрекшимся отъ всѣхъ частныхъ видовъ жизни, всего себя предавшимъ исключительно дѣламъ другихъ и общему дѣлу Церкви, какимъ долженъ быть высшій пастырь? Это признать трудно. И нельзя при этомъ не замѣтить, какъ много неудобствъ разнаго рода представляетъ семейная жизнь даже въ званіи низшихъ священнослужителей, обязательная у насъ для всѣхъ ихъ, какъ много даже положительно—худыхъ сторонъ отъ нея оказывается и въ самомъ служеніи ихъ, и въ частномъ быту, и въ отношеніяхъ къ обществу. Вотъ даже и съ этихъ сторонъ нельзя не замѣчать, какъ для многосложной дѣятельности архіерейской несравненно полезнѣе состояніе безбрачное, нежели супружеское. Конечно положеніе безбрачнаго (бѣлаго) архіерея болѣе соотвѣтствуетъ множеству и трудности архіерейскихъ дѣлъ: но если только это преимущество имѣть въ виду, (а другихъ не видно), то оно слишкомъ незначительно, чтобы ради его одного допускать такую огромную реформу въ Церкви. Даже и въ гражданскихъ дѣлахъ реформы, не изъ существа дѣлъ возникающія, а только по однимъ внѣшнимъ причинамъ предпринимаемыя, никогда не бываютъ прочны и успѣшны.

Сущность мыслей, доселѣ высказанныхъ нами о монашествѣ архіереевъ, заключается въ томъ, что первое свойственно и требуется для послѣднихъ по идеѣ высокихъ качествъ духа и жизни, необходимыхъ въ архіерейскомъ санѣ. Но нелѣпость возраженій противъ монашества простирается до того, что говорятъ: «что за порука въ доброй жизни монашество»? (1).—Что за мысли! если и монашество—не порука, что же можетъ быть порукою доброй жизни? Если уже торжественный обѣтъ посвятить всего себя, всю свою жизнь Богу, если нравственное отреченіе отъ міра, его духа, страстей и суетъ, если и это не порука: гдѣ же искать добродѣтели? Правда, что и въ монашествѣ бываютъ люди не доброй жизни: но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только одно, что и монахъ—человѣкъ, а

(1) *День* № 30 1862 г.

человѣкъ всегда и вездѣ можетъ пасть: больше ничего не слѣдуетъ. Но слѣдуетъ ли, что монашество не нужно или безполезно? Такое умозаключеніе можно слишкомъ далеко простирать; можно, напримѣръ, сказать, что всякая власть на землѣ можетъ погрѣшить: такъ слѣдовательно и никакой власти не нужно?!.. И въ апостольскомъ ликѣ оказался Іуда, и между ангелами явился—сатана: такъ не напрасно ли мы признаемъ святость и благотворность того и другаго лика?? Если въ церковномъ управленіи монашество—не порука добродѣтели: почему же бѣлое священство можетъ быть лучшею порукою? Неужели потому только, что оно находится въ супружествѣ? Или потому, что оно можетъ быть ближе къ міру? Такъ не міръ ли—вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей? Впрочемъ подобныя возраженія не стоятъ серіознаго опроверженія. Лучше всего они опровергаются сами собою, за отсутствіемъ въ нихъ здраваго смысла и логики. Вотъ напр. всякій здравомыслящій человѣкъ, не читавъ статьи, изъ которой мы взяли указанное возраженіе, безъ сомнѣнія подумаетъ, что авторъ вѣроятно пришелъ къ такому заключенію о монашествѣ путемъ изслѣдованій о жизни его и доказательствъ его несостоятельности: совсѣмъ нѣтъ! авторъ пришелъ къ такому заключенію путемъ величайшихъ похвалъ монашеству! Именно, выписавъ изъ извѣстнаго посланія Симона, епископа владимірскаго къ Поликарпу, монаху кіевопечерскому, изображеніе святой и высокой жизни братіи этой обители, авторъ говоритъ: «при такомъ взглядѣ на монашество, при такихъ строгихъ требованіяхъ отъ монаховъ, при такомъ, можно сказать, обоготвореніи монастыря, какъ могла бы родиться мысль требовать отъ епископа,....» —остановимъ здѣсь слова автора и предоставимъ здравомыслящему читателю—самому закончить эту рѣчь *логически*: какъ бы онъ закончилъ? Безъ сомнѣнія такъ: «при такомъ взглядѣ на монашество.... какъ могла бы родиться мысль—требовать отъ епископа, чтобы *онъ не былъ монахомъ*? Это становится уже неизбѣжно»... Такъ заключила бы здравая логика; но авторъ статьи разсудилъ иначе; «при такомъ взглядѣ на монашество, говоритъ онъ, какъ могла бы родиться мысль требовать отъ епископа, чтобы онъ предъ рукоположе-

ніемъ поступилъ въ монашество? *Это нравственно невозможно*». Надобно согласиться, что съ такою логикою спорить невозможно. Это требованіе, продолжаетъ авторъ, показало бы недовѣріе къ епископу (избираемому изъ бѣлаго духовенства) и къ его жизни. «Да и что за порука въ доброй жизни монашество» (1)? Итакъ требованіе монашества, на которое у насъ въ древности *такъ высоко* смотрѣли, было бы *униженіемъ* чести (потому что выражало бы недовѣріе къ жизни) избраннаго епископа!! Это какая-то новая теорія нравственности. Стало быть, когда пресвитеръ Иларіонъ при в. к. Ярославѣ, Григорій Калѣка въ Новгородѣ, Митяй при в. к. Донскомъ, по избраніи въ епископы обязывались принять монашество, это было для нихъ оскорбленіемъ чести? Или ужъ не избирали ли современники этихъ людей въ епископы, завѣдомо не имѣя *довѣрія* къ нимъ, что и побуждало требовать отъ нихъ монашества? Авторъ, упомянувъ о недовѣріи, вѣроятно думалъ выставить очень важный и страшный недостатокъ въ избраніи архіереевъ: а на самомъ дѣлѣ высказалъ очень важное и сильное требованіе Церкви. Да, при избраніи въ священный санъ Церковь требуетъ именно—*не очень много довѣрчивости*. По правиламъ, если бы избранный скрылъ на исповѣди какой либо грѣхъ, препятствующій священнослуженію и потомъ, уже послѣ посвященія въ санъ, этотъ грѣхъ открылся, или если бы такой грѣхъ, и не утаенный при исповѣди, совершенъ былъ еще прежде избранія въ санъ, избранный не можетъ быть посвященъ, а уже посвященный не можетъ священнодѣйствовать (1 всел. 2. 9. Неокес. 9. 10. Григ. Нисс. 5. Θеофил. алекс. 3. 6). И это правило касается не только епископовъ, но и всѣхъ священнослужителей. Вотъ почему, если не для всѣхъ степеней сана, то по крайней мѣрѣ для высшей, требуется монашество, именно какъ ручательство доброй жизни, ручательство важное и достаточное потому, что оно есть свободное, личное обязательство совѣсти, а не внѣшній какой нибудь залогъ, никогда не вѣрный и не сильный, каково напр. внѣшнее хорошее поведеніе, *въ мірѣ*, или уваженіе людей постороннихъ. Авторъ статьи только этими

(1) *День* № 30. стр. 2. 3.

залогами ограничиваетъ достоинство архіерейства; но Церковь судитъ не такъ (Сард. 10); да видно, что и народъ русскій понималъ это иначе, потому что, не смотря ни на какое уваженіе и довѣріе къ лицамъ, избраннымъ въ епископы, требовалъ отъ нихъ монашества (1). Правда, что архіерей предъ своимъ посвященіемъ даетъ торжественные обѣты, составляющіе залогъ добраго священноначальства: но во 1-хъ, кто читалъ содержаніе этихъ обѣтовъ, какъ они изложены въ чинѣ архіерейскаго посвященія, тотъ могъ замѣтить, что они относятся почти исключительно къ епархіальному управленію и почти не касаются личной жизни архіерея: знакъ, что Церковь относительно жизни и поведенія его имѣетъ въ виду какіе-то *другіе* обѣты, обезпечивающіе чистоту и святость ихъ. Во 2-хъ, съ собственной точки зрѣнія противниковъ монашества и здѣсь можно приложить вопросъ: что за порука доброй жизни присяга? Развѣ опыты не показываютъ противнаго? Развѣ человѣкъ, даже вѣрный присягѣ по своей должности, не можетъ быть очень худымъ человѣкомъ по личнымъ качествамъ и жизни? А если такъ разсуждать, то мы нигдѣ и ни въ чемъ не найдемъ поруки за добрую жизнь. Какъ же быть? Неужели бросить и тѣ поруки, какія еще остаются? Вся сила—въ совѣсти человѣка: ее-то надобно крѣпче связать.

Пишутъ, что монашествующее архіерейство есть дѣло среднихъ вѣковъ, когда среди общаго невѣжества и развращенія нравовъ, среди упадка приходскаго духовенства, по необходимости избирались епископы изъ монастырей, какъ мѣсть, сравнительно лучшихъ по тогдашнему времени. Это неправда. Мы видѣли, что монашество на архіерейскихъ каѳедрахъ является отъ первыхъ вѣковъ Церкви, преимущественно предъ мірскимъ духовенствомъ. Повторяемъ еще разъ, что это не зависѣло отъ обстоятельствъ времени, а отъ духа самой Церкви православной, который всегда и вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ былъ одинаковъ и неизмѣненъ. Правда, что въ средніе вѣка въ монастыряхъ было болѣе просвѣщенія, чѣмъ въ бѣломъ духовенствѣ; но неправда, что *только поэтому* монаховъ дѣлали архіереями. Первое и главное

(1) См. выше стран. 83 и слѣд.

вниманіе обращалось на жизнь нравственную, которою мало отличалось бѣлое духовенство; а потому и искали достойныхъ архіерейства въ монастыряхъ. Доказательствомъ служитъ то, что изъ монастырей не всегда брали на архіерейство болѣе просвѣщенныхъ монаховъ, а нерѣдко людей очень простыхъ и малообразованныхъ, только отличавшихся святою жизнію. А обычай постригать въ монашество священниковъ, когда они оказывались достойными архіерейства, показываетъ, какъ мало довѣряли по жизни бѣлому духовенству, и какъ много заботились о строгой жизни на архіерейскихъ каѳедрахъ, гораздо болѣе даже, чѣмъ о просвѣщеніи. Также совершенно ложна и нелѣпа мысль, будто богатство нашихъ монастырей въ средніе вѣка и аристократическій элементъ, проникавшій тогда въ нихъ и всегда чуждый бѣлому духовенству, были причинами предпочтенія монаховъ ([1]). Архіереевъ изъ богатой и знаменитой аристократіи было у насъ весьма не много; такъ какъ на архіерейство искали достойныхъ по жизни, то большею частію и выбирали монаховъ нестяжательныхъ, постныхъ, смиренныхъ, уединенныхъ, а не съ привычками аристократическими. Въ Новгородѣ, гдѣ весь народъ участвовалъ въ избраніи архіереевъ, не рѣдко выбирали даже не настоятелей, даже не іеромонаховъ, а простыхъ монаховъ, пустынниковъ и затворниковъ.—Думаютъ наконецъ, что монашество возобладало потому, что бѣлое духовенство устранено отъ участія въ избраніи архіереевъ: и это ложь,—ложь и по взгляду, ложь и по фактамъ. На Востокѣ изначала и во всѣ времена клиръ, т. е. именно приходское духовенство, участвовалъ и доселѣ участвуетъ въ избраніи своихъ архіереевъ: почему же архіереями тамъ наибольшею частію были монахи? У насъ въ Новгородѣ клиръ также весьма дѣятельно входилъ въ это дѣло: отъ чего же избирались монахи, а если не монахи, то постригались предъ посвященіемъ въ архіереи? Если же съ теченіемъ времени приходское духовенство устранено отъ участія въ избраніи своихъ архіереевъ, то по той же причинѣ, по которой и народъ устраненъ отъ этого дѣла, именно по причинѣ смутъ и всякаго рода безпорядковъ, очень часто бывшихъ при такомъ порядкѣ избранія, а вовсе не

([1]) *День*, тамже.

потому, что монахи захотѣли взять это дѣло исключительно въ свои руки.

Въ настоящее время у насъ является не мало людей, которые берутъ на себя говорить отъ имени *народа* и хлопотать въ его пользу. Такъ и по вопросу объ архіерействѣ, въ литературѣ проводится мысль, якобы теперь архіереевъ не очень уважаетъ нашъ народъ, по той причинѣ, что не участвуетъ въ ихъ избраніи; «въ прежнія времена, (пишутъ въ журналахъ), когда допускалось участіе народа, на избраннаго такимъ образомъ епископа народъ не могъ смотрѣть, какъ на *чиновника*, а видѣлъ въ немъ пастыря и отца духовнаго» (1). Но и тутъ неправда и явное непониманіе дѣла. Во 1-хъ, народъ нашъ участвовалъ въ избраніи архіереевъ не вездѣ, а преимущественно только въ Новгородѣ; въ другихъ городахъ выбирали князья, по совѣщанію съ митрополитомъ и прочими архіереями; такъ выбирался и митрополитъ въ Москвѣ, когда прекратилось избраніе его отъ патріарха цареградскаго; даже митрополиты сами иногда указывали своихъ преемниковъ, а иногда князья заранѣе представляли имъ на благословеніе избираемыхъ на ихъ мѣсто. Во 2-хъ, народъ нашъ въ старыя времена вездѣ одинаково относился къ своимъ архіереямъ, самъ или не самъ выбиралъ ихъ; а въ Новгородѣ, отъ того, что народъ выбиралъ епископовъ, они отнюдь не большимъ уваженіемъ пользовались, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; даже можно сказать, что въ Новгородѣ народъ менѣе уважалъ ихъ, какъ видно изъ того, что онъ часто мѣнялъ ихъ по своему произволу, и въ буйствѣ безъ церемоніи выгонялъ тѣхъ, которые почему нибудь, а иногда и безъ всякой причины, не нравились ему. Въ 3-хъ, если въ старое время народъ смотрѣлъ на архіерея, больше какъ на пастыря и отца духовнаго, нежели какъ на чиновника, то вовсе не потому, что самъ выбиралъ его, а потому, что сами архіереи тогда относились къ народу болѣе какъ пастыри и отцы, нежели какъ чиновники, за тѣмъ, что формализмъ и бюрократія тогда не проникали въ церковное управленіе такъ, какъ они проникли въ новѣйшее время. Кромѣ того, пастыри и паствы тогда были гораздо ближе другъ къ другу и

(1) *День*, тамже.

духовнѣе соединялись между собою—отъ того, что тогда свѣтская власть не становилась между ними такъ сильно и настоятельно, какъ въ послѣдующее время; это средостѣніе, которое и той и другой сторонѣ, и пастырямъ и паствамъ слишкомъ трудно преодолѣть, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ разъединенія ихъ, вреднаго для тѣхъ и другихъ. Наконецъ, въ 4-хъ, народъ и тогда, когда выбиралъ самъ архіереевъ, выбиралъ наибольшею частію, и попреимуществу, изъ монаховъ: стало быть онъ любилъ и уважалъ ихъ болѣе, чѣмъ бѣлыхъ священниковъ. Даже при церквахъ приходскихъ въ старину нерѣдко были у насъ *попы черные,* т. е. монашествующіе (какъ уже замѣчали мы выше): а извѣстно, что выборное начало въ приходскомъ духовенствѣ у насъ хранилось повсюду, до позднѣйшихъ временъ.

Но у мыслителей извѣстнаго рода своя логика, или лучше сказать логики мало, а гораздо болѣе заднихъ мыслей. Они указываютъ на древній порядокъ избранія архіереевъ съ тою мыслію, что если нынѣ дѣлаются архіереями монахи, а не бѣлые священники, именно вслѣдствіе устраненія *народа* отъ участія въ избраніи: то слѣдовательно, если бы возстановить прежній порядокъ, можно думать, что *народъ* скорѣе сталъ бы избирать бѣлыхъ, нежели черныхъ. Но и въ этомъ предметѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гдѣ наши публицисты берутъ на себя роль представителей народа и говорятъ отъ его имени, не мѣшало бы сперва узнать точнѣе мысли народа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ надобно думать: если бы предоставить нынѣ выборъ архіереевъ народу, устранилъ ли бы онъ монаховъ? И если бы на архіерейскія каѳедры ставить только бѣлыхъ іереевъ, безъ постриженія въ монашество, пожалуй и съ женами, какъ взглянулъ бы на это нашъ народъ? Мы видѣли, какъ народъ смотрѣлъ на это въ XVI столѣтіи, на югозападѣ Россіи, во времена Уніи. Но зная духъ нашего народа, его понятія о Церкви, его преданія, его дѣйствительныя отношенія къ бѣлому и черному духовенству, нельзя ни на минуту усомниться, что голосъ народа и нынѣ будетъ далеко не въ пользу новыхъ мнѣній. Вотъ для этого данныя въ самой жизни народа: 1) всѣмъ и каждому извѣстно

и ясно, что нашъ народъ изначала гораздо болѣе имѣлъ уваженія и любви къ монастырямъ, нежели къ приходскимъ церквамъ, болѣе къ монашеству, нежели къ бѣлому духовенству. И это предпочтеніе доселѣ не изсякло и остается въ прежней силѣ, не смотря на многія, уже совершившіяся перемѣны въ другихъ понятіяхъ и нравахъ народа. Напрасно стали бы объяснять это одними предразсудками народа, или его малопросвѣщеніемъ, или незнаніемъ того, что дѣлается въ нашихъ монастыряхъ. Народъ очень хорошо понимаетъ, что благочестіе можетъ быть и въ мірѣ, что въ приходской церкви совершается бѣлымъ священниковъ таже Божественная служба, по тѣмъ же правиламъ и въ тойже силѣ духовной, благодатной, какъ и въ монастыряхъ; очень хорошо знаетъ и то, что иногда дѣлается въ монастыряхъ....; однакожъ онъ идетъ на молитву въ монастырь съ большею охотою и несравненно въ большемъ числѣ, чѣмъ въ приходскую церковь; монаха принимаетъ въ домѣ всегда съ большимъ уваженіемъ и радушіемъ, нежели приходскаго священника; жертвуетъ въ монастыри гораздо болѣе и усерднѣе, нежели въ свою церковь, хотя очень хорошо знаетъ, что монастыри и богаче приходскихъ церквей и монашествующіе менѣе бѣлаго духовенства имѣютъ потребностей въ жизни; сказаніямъ монастырскимъ, поученіямъ иноческимъ оказываетъ больше вниманія и вѣры, нежели внушеніямъ своихъ священниковъ; наконецъ ежегодно изъ массы народной и среднихъ сословій значительное число, *болѣе всѣхъ другихъ сословій,*—вступаетъ въ монашество (1). Почему же это? Потому, что монастырь, монашество представляетъ въ себѣ народу нашему религію и Церковь въ собственномъ ихъ, духовномъ видѣ, *внѣ плотскихъ и другихъ узъ міра и отношеній къ житейскимъ дѣламъ;* здѣсь для него воплощается идея вѣры, во всей ея возвышенности, въ ея чистомъ, евангельскомъ духѣ, безъ примѣси земныхъ видовъ; здѣсь онъ видитъ средоточіе благочестія и богоугодной жизни, разсѣянныхъ, перепутанныхъ *въ мірѣ* съ пошлыми житейскими суетами. Вотъ чего народъ не видитъ вполнѣ даже въ своей

(1) См. ежегодные отчеты оберъ-прокурора Св. Синода, по духовному вѣдомству.

приходской церкви и въ своемъ бѣломъ духовенствѣ. *Попъ* въ глазахъ народа есть, какъ и дѣйствительно, лице на-половину духовное, на-половину мірское; половину своихъ дѣлъ и жизни іерей посвящаетъ Церкви, другую—себѣ, своему семейству, міру, и волею или не-волею входитъ въ разныя ихъ суеты и дрязги. Въ своей приходской церкви народъ знаетъ и чтитъ домъ молитвы, онъ любитъ ее: но этотъ домъ представляется ему съ одной стороны въ какомъ-то оффиціальномъ видѣ, потому что народъ привязанъ къ нему формальными отношеніями, и самый служитель вѣры является ему лицемъ оффиціальнымъ, съ разными формальными требованіями, законными, но скучными для народа; въ представленіяхъ народа, въ его практикѣ приходскій священникъ не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ отдѣляется отъ мірскихъ властей, по той причинѣ, что наряду съ ними не рѣдко входитъ въ его мірскія дѣла; съ другой стороны тотъ же домъ молитвы и самая молитва въ немъ и служитель ея по необходимости входятъ въ связь съ обыденными явленіями житейскаго быта: здѣсь родины, свадьбы, народные праздники и другія дѣйствія, освящаемыя Церковію, но совершаемыя со всею мірскою обстановкою, не рѣдко грубою, которая проникаетъ и въ церковь и въ духовенство; здѣсь объявляются народу указы и распоряженія властей по дѣламъ не всегда духовнымъ; здѣсь онъ видитъ соблюденіе разныхъ житейскихъ отношеній, не всегда для него пріятныхъ. Не говоримъ уже о матеріальныхъ счетахъ и расчетахъ, которыя въ отношеніи къ приходской церкви и духовенству для народа нравственно-обязательны и стѣсняютъ не столько его карманъ, сколько его совѣсть и душу; а это въ глазахъ его какъ бы затемняетъ приходскую церковь и унижаетъ приходское духовенство, по крайней мѣрѣ охлаждаетъ его къ нимъ. А это неблагоустройство большей части сельскихъ и многихъ городскихъ церквей, недостатокъ благолѣпія, а нерѣдко и благочинія въ богослуженіи, чтеніе и пѣніе не только не способное возбудить къ благочестію спящую душу, но способное и бодрствующую усыпить? А весь этотъ бытъ духовенства, нерѣдко представляющій народу вовсе не поучительныя и не утѣшительныя зрѣлища, бытъ семейный, бытъ оффиціальный? А эта привычка видѣть священнослужителя

на ряду съ собою въ хлопотахъ домашнихъ, работахъ полевыхъ, въ тяжбахъ, слѣдствіяхъ, судахъ; привычка видѣть его запросто на мірскихъ торжищахъ, распутіяхъ, куда конечно вызываютъ его неизбѣжныя нужды жизни, но гдѣ его частое явленіе въ сборищахъ толпы не вызываетъ къ нему высокаго уваженія, а скорѣе пренебреженіе, не рѣдко и грубое обращеніе и т. д.? Все это отвлекаетъ сердце народа отъ своихъ приходскихъ церквей и духовенства, и тѣмъ болѣе привлекаетъ къ монастырямъ, гдѣ несравненно чище и полнѣе и живѣе и глубже религіозныя впечатлѣнія дѣйствуютъ на его душу, и гдѣ онъ самъ свободнѣе и покойнѣе, и такъ сказать независимѣе, предается религіозному чувству, именно потому, что тутъ сама религія живетъ и дѣйствуетъ независимѣе, отрѣшеннѣе *отъ міра*. Здѣсь народъ освѣжается духомъ, подавленнымъ тяготами жизни, собирается съ мыслями, разсѣянными въ суетахъ міра, успокоивается въ сердцѣ и совѣсти, волнуемыхъ житейскими дѣлами. Здѣсь онъ видитъ осуществленіе тѣхъ глубокихъ стремленій христіанской души къ лучшей жизни и высшему міру, съ отложеніемъ житейскихъ попеченій, къ тихому пристанищу вѣры и душевному единенію съ Богомъ, о которыхъ въ приходской церкви онъ только слышитъ чтеніе и пѣніе, можетъ быть и поученіе, но которыхъ мало видитъ тамъ и около себя—на дѣлѣ. Наши новые мыслители видятъ въ монашествѣ архіерея чиновничество: но, что касается народа, то ужъ если народъ нашъ видитъ въ духовенствѣ чиновничество, котораго онъ дѣйствительно не любитъ, то именно—въ духовенствѣ приходскомъ; и если гдѣ находитъ духовность, истинную церковность, которую онъ такъ любитъ и чтитъ, то именно въ монашествѣ. Въ этомъ отношеніи прогрессисты обнаруживаютъ совершенное непониманіе народнаго духа.

2) Точно также, не зная хорошо исторіи русскаго народа, эти мыслители усиливаются и ее поставить противъ монашества. Пишутъ: «въ концѣ XII столѣтія въ монастыряхъ началъ уже ослабѣвать строгій уставъ, введенный Антоніемъ и Ѳеодосіемъ печерскими; въ нихъ уже замѣчаются корыстолюбивыя стремленія овладѣть какою нибудь приходскою церковію, а у нѣкото-

рыхъ монаховъ честолюбивыя поползновенія къ епископскому сану. Не знаемъ, гдѣ искать этому причины, если только не въ самой замкнутости и отдѣленности отъ интересовъ общества монастырской общины, отдѣленности, способствовавшей развитію въ ней духа касты. Но эти стремленія могли остаться одними стремленіями, и у насъ, какъ и въ Греціи, монашество не присвоило бы себѣ исключительно высокой степени епископа, если бы не особенныя обстоятельства...» ([1]). Здравый смыслъ не пойметъ, какимъ образомъ монашество можетъ называться кастою, когда первыя принадлежности всякой касты: родовое происхожденіе, наслѣдственность званія, исключительность сословія, никогда не бывали, и никогда не могутъ быть, по самому существу дѣла, въ монашествѣ. Здравая логика также не пойметъ, какимъ образомъ изъ замкнутости касты могли развиться стремленія къ архіерейству, если оно не было принадлежностію касты и стояло внѣ ея; если община, замкнутая сама въ себѣ, развиваетъ въ себѣ такія стремленія, которыя уже выходятъ за предѣлы ея правилъ и внутренней жизни, то, значитъ, она уже нарушаетъ свою замкнутость и стремится слиться съ обществомъ. Никакая логика не сообразитъ, какимъ образомъ именно *отдѣленность отъ интересовъ общества* побуждала монаховъ искать архіерейства, которое есть дѣло общественное и служитъ высочайшимъ интересамъ (духовнымъ) общества? Развѣ предположить, что монахи сами сознавали не хорошія стороны своей замкнутости и вредъ этой отдѣленности отъ интересовъ общества, и поэтому устремились къ архіерейскому сану, чтобы поправить, улучшить, возвысить свое дѣло и поставить его въ связи съ интересами общества? Но въ такомъ случаѣ авторъ статьи, осуждая замкнутость и отдѣленность, по логикѣ долженъ бы не порицать монаховъ за стремленіе выйти изъ нея путемъ архіерейства, а хвалить, какъ за дѣло общеполезное. Или авторъ хочетъ сказать, что монахи не понимали интересовъ общества, и потому слѣпо домогались архіерейства? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же сами представители и распорядители этихъ интересовъ содѣйствовали въ этомъ монахамъ? Зачѣмъ

([1]) *День*, тамже стр. 3.

князья и народъ выбирали ихъ? Оставимъ однакоже неисходную логику такихъ мыслителей, а обратимся къ исторіи, которую они, не зная или не понимая, слишкомъ явно искажаютъ. Разсмотрите всю исторію русскаго народа: вы увидите, что яснѣе всего въ ней и поразительнѣе—именно сближеніе монашества съ интересами общества. Можно положительно сказать, что сколько монашество по видимости отдѣляло себя отъ народа, столько же самъ народъ сблизился къ нему, и какъ оно въ духѣ своемъ никогда не отдѣляло себя отъ народныхъ интересовъ, такъ народъ съ своей стороны, хорошо понимая это и всю важность и благотворность духовной силы его для народной жизни, самъ даже внѣшними путями своей жизни не отчуждался, а всячески соединялся съ нимъ. Кто *обыкновенно* первый полагалъ начало заселенію обширныхъ пустынь и непроходимыхъ дебрей древней Россіи? Отшельники. Сперва они своею святою жизнію, а послѣ нихъ обители ихъ своею духовною славою привлекали въ самые отдаленные концы Россіи толпы народа, которыя около нихъ основывали свои поселенія, слободы, села, потомъ цѣлые города. Что служило первымъ утвержденіемъ русскаго царства и господствующей народности среди новопокоренныхъ или новообращенныхъ къ вѣрѣ (также почти всегда иноками) инородныхъ племенъ? Монастыри. Не говоря уже о жизни народа духовной, которая изначала по преимуществу стремилась къ иноческимъ обителямъ и тамъ сосредоточивалась, тамъ развивалась, тамъ заявляла свои лучшія чувства и стремленія, гдѣ народъ всегда болѣе любилъ собираться даже въ своей общественной жизни? Около монастырей: тамъ было всегда любимое мѣсто его отдохновенія, его празднованій, даже его веселья, хотя и не всегда сообразнаго съ духомъ монастырскимъ. Гдѣ особенно развивалась даже его промышленная дѣятельность? Около монастырей: живые памятники этого—ярмарки! Съ какими мѣстами въ Россіи наиболѣе соединены не умирающія народныя преданія, памятники его исторіи, его важнѣйшихъ даже государственныхъ эпохъ? Съ монастырями. Не говоря о другихъ мѣстахъ, сколько такихъ воспоминаній, въ послѣднемъ отношеніи, представляютъ Лавры Кіевская

и Сергіева! Гдѣ воплощается и какъ бы оживаетъ до настоящаго времени предъ глазами народа вся почти его древность, церковная, гражданская, нравственная, вся эта историческая старина, столько народомъ любимая и уважаемая, всегда, не смотря ни на какія новости въ мірѣ, для народа священная и неприкосновенная? Все это—въ монастыряхъ, по преимуществу. Это не сокрушимыя лѣтописи народа, который по нимъ изучаетъ свою исторію и сознаетъ себя, т. е. свой духъ и свою истинную народность. Наконецъ въ настоящее время у насъ много занимаются собраніемъ и изученіемъ народныхъ былинъ, повѣстей, пѣсней; здѣсь особенно услаждаются духомъ древняго славянскаго удальства... Но замѣчаютъ ли, какъ во многихъ и очень многихъ памятникахъ народной поэзіи вѣетъ тоскою душевныхъ страданій въ суетѣ міра, отягощенія трудами житейскими, грустію по какой-то лучшей жизни въ удаленіи отъ суеты, трудовъ и невзгодъ жизни мірской? Монастырь, отшельничество занимаетъ не послѣднее мѣсто въ этихъ памятникахъ. А этотъ живой и столь живучій памятникъ народной старины —расколъ? Какое послѣднее его слово? Бѣгство отъ міра въ пустыню; и бѣгство вовсе не по внѣшнимъ только причинамъ, которыхъ давно уже не существуетъ, а по причинамъ совершенно внутреннимъ, по нравственному настроенію духа, по коренной идеѣ несовмѣстимости жизни богоугодной съ жизнію въ мірѣ.

Надобно рѣшительно сказать, что противники монашества не могли дать ему сильнѣйшаго противъ нихъ самихъ оружія, какъ коснувшись русскаго народа, его исторіи и отношеній монашества къ его жизни и интересамъ. Здѣсь, говоря о народѣ, мы не исключаемъ образованнаго общества: въ лучшей части своей, не чуждой народности, оно раздѣляетъ чувства народа относительно монастырей и монашества.

3) Изначала народъ нашъ привыкъ видѣть въ монастыряхъ и преимущественно въ монастыряхъ высшую, *чрезвычайную* святыню, какъ-то: чудотворныя иконы, мощи святыхъ соотечественниковъ, съ особенными знаменіями дивной, чудотворной благодати Божіей. Это видимъ не въ древнія только времена, а и въ новѣйшія и въ настоящее время. А объяснить

это не трудно: особенная благодать Божія является тамъ, гдѣ дѣйствуютъ особенныя средства къ ея привлеченію и проявленію, каковы—подвиги духовной жизни въ монашествѣ. По всему пространству Россіи рѣдкій монастырь не извѣстенъ народу, болѣе или менѣе, или чудотворною иконою, или мощами своихъ древнихъ подвижниковъ, или мѣстными преданіями объ особенныхъ явленіяхъ силы Божіей, благоговѣйно хранимыми въ памяти народа, или наконецъ святою жизнію ближайшихъ къ нашему времени, а въ нѣкоторыхъ обителяхъ и современныхъ намъ, иноковъ. Все это особенно привлекаетъ народъ къ монастырямъ, болѣе чѣмъ къ приходскимъ церквамъ, и возвышаетъ въ глазахъ его монашество. Но неужели, скажутъ намъ, чудотворныя иконы, мощи и прочія чрезвычайныя знаменія благодати Божіей только и могутъ являться въ монастыряхъ, а не могутъ быть въ приходскихъ церквахъ и среди бѣлаго духовенства? Безъ сомнѣнія могутъ; однакожъ, спросимъ и мы, почему же они тутъ не являлись, или являются очень рѣдко, а по преимуществу видимы въ монастыряхъ? Тутъ обманываться народъ не можетъ: потому что у насъ существуютъ весьма строгія правила, и церковныя и гражданскія, относительно всего чудеснаго; притомъ всѣ чрезвычайныя знаменія въ монастыряхъ совершаются у всѣхъ на глазахъ, и не одинъ простой народъ, а и образованные люди, даже иногда не очень расположенные вѣрить, видятъ и побуждаются, нерѣдко противъ собственной воли, —вѣрить. Не страшатся и не стыдятся прогрессисты говорить и то, что при настоящемъ устройствѣ нашего церковнаго управленія, въ главѣ котораго стоятъ монашествующіе, отъ нихъ самихъ зависитъ и канонизація монастырскихъ чудесъ...; не стыдятся осуждать и народъ за особенное уваженіе къ нимъ, за обильныя жертвы усердія, приносимыя къ чудотворнымъ святынямъ, и самые монастыри—за принятіе и пользованіе этими жертвами; этого рода приношенія называются непроизводительными. Всему этому придается видъ какой-то несправедливой монополіи... Что же? Разсуждая такимъ образомъ, можно стало быть еще сомнѣваться въ подлинности объявляемыхъ чудесъ благодати Божіей по монастырямъ, и въ прославленіи свыше

святыхъ— монашествующихъ?? Это ужъ слишкомъ далеко заходитъ; мы не будемъ и разсуждать о такихъ предметахъ: къ чему? Есть предѣлы самымъ благонамѣреннымъ испытаніямъ и состязаніямъ; а гдѣ нѣтъ добрыхъ намѣреній, тамъ и Спаситель повелѣваетъ *не давать святая и не бросать бисеръ, да не попрутъ ихъ ногами и вращшеся расторгнутъ вы* (Матѳ. 7, 6), —когда извѣстнымъ людямъ только того (а совсѣмъ не разсужденій) и хочется! Но такъ какъ прогрессивные люди говорятъ во имя народа, то и относительно монастырской святыни мы предложили бы имъ спросить отзыва у самаго народа: въ самомъ ли дѣлѣ эта святыня—святыня? Не обманъ ли это монаховъ въ пользу одного монашества?.. Народъ конечно далъ бы вразумительный отвѣтъ... Что касается приношеній народа въ пользу монастырей и монашества, называемыхъ непроизводительными, то это мнѣніе напоминаетъ разсужденіе извѣстнаго человѣка въ Евангеліи: *чего ради мѵро сіе не продано бысть и не дано нищимъ?* Только тамже замѣчено, что *сіе рече не яко о нищихъ печашеся*; а болѣе всего надобно помнить слова Спасителя, сказанныя при этомъ случаѣ: *не дѣйте ея* (Маріи, помазавшей ноги Его драгоцѣннымъ мѵромъ); *нищія бо всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате* (Іоан. 12, 3—8). Такъ, нищенства и всякихъ нуждъ и потребностей всегда будетъ много въ обществѣ, и тѣмъ больше будетъ, чѣмъ хуже оно будетъ пользоваться имѣющимися средствами къ своему благосостоянію. Но всегда ли будетъ съ нами Христосъ Своею благодатію? Всегда ли святыня будетъ благодѣйственно проявлять Его божественную силу въ нашихъ немощахъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, въ нашихъ духовныхъ потребностяхъ, какъ доселѣ проявлялась эта сила чрезъ чудотворныя иконы, мощи, и пр.? За это ручаться нельзя. Когда будетъ забытъ и отвергнутъ священный завѣтъ предковъ, завѣтъ вѣры и благочестія, когда благодатный духъ и духовная сила православной Церкви замѣнится въ народѣ русскомъ вольномысліемъ, успѣхами лживой цивилизаціи, мнимою свободою совѣсти, т. е. безразличіемъ вѣры и безвѣрія, православія и раціонализма, когда церковность будетъ попрана гражданственностію, когда высшее развитіе жизни духовной, представляемое

монашествомъ, оскудѣетъ, угаснетъ и поглотится преобладаніемъ *производительной* дѣятельности плоти и міра: тогда безъ сомнѣнія и высшія явленія благодати Божіей прекратятся,—по той простой причинѣ, что не будетъ въ народѣ силъ, ее привлекающихъ и почвы, ее воспріемлющей. Тогда-что будетъ? Но возвратимся къ своему предмету, къ которому впрочемъ мы и направляли всѣ свои мысли.

4) При такомъ понятіи народа о монашествѣ—вообще, можно ли предположить, чтобы онъ сказалъ что нибудь противъ монашества архіереевъ? Извѣстно, какимъ, можно сказать, безграничнымъ уваженіемъ проникнутъ онъ къ сану архіерейскому. И въ этомъ уваженіи весьма много значитъ монашество архіерея; ибо на такой высотѣ духовнаго величія, какую являетъ архіерейство, народъ не можетъ представить себѣ лице, связанное узами міра. Народъ соображаетъ, что такая высота сана непремѣнно требуетъ и высоты духовнаго совершенства, что такая великая духовная власть должна соединяться съ стольже великою чистотою духа и жизни; а духовное совершенство, чистота жизни въ понятіяхъ народа соединяется по преимуществу съ иночествомъ. Такимъ образомъ монашество въ глазахъ народа не только не ограничиваетъ важности архіерейскаго сана, но еще возвышаетъ его. И въ самомъ дѣлѣ, что народъ нашъ возбуждается къ такому уваженію архіереевъ не однимъ внѣшнимъ блескомъ ихъ званія, не силою только власти ихъ духовной, а вмѣстѣ, и преимущественно, идеальною высотою ихъ жизни, какую онъ представляетъ себѣ по самой важности ихъ сана, это очевидно опять изъ жизни народной. Чѣмъ привлекали къ себѣ толпы народа при жизни и по смерти Митрофанъ воронежскій, Тихонъ задонскій, Дмитрій ростовскій, и другіе даже еще не прославленные свыше? Одною ли высотою архіерейскаго сана? Однимъ ли величіемъ духовной власти? Даже одною ли добротою души и благотвореніями народу? Нѣтъ; они возбуждали особенное почтеніе и любовь народа именно тѣмъ, что на высотѣ величія и власти проявляли всю строгость *иночества*; они были вмѣстѣ и святителями и высокими подвижниками; среди всѣхъ благъ архіерейства удивляли народъ нестяжаніемъ,

чистотою цѣломудрія, смиреніемъ, словомъ, добродѣтелями иноческими. И всегда было такъ, что чѣмъ болѣе епископъ отрекался отъ міра въ своемъ духѣ, въ своей жизни, тѣмъ болѣе міръ обращался къ нему съ чувствомъ искренней преданности.

5) Извѣстна наконецъ строгость и неизмѣнность священныхъ преданій въ нашемъ народѣ. Русскій народъ хранитъ, и требуетъ, чтобы и всѣ, т. е. и общество и само духовенство, хранили неизмѣнно церковныя преданія. Довольно было въ XVII вѣкѣ измѣнить нѣсколько словъ въ церковныхъ книгахъ, чтобы произвесть страшный расколъ, отъ котораго наша Церковь и доселѣ страдаетъ и не можетъ избавиться. Къ числу такихъ преданій принадлежитъ и монашество архіереевъ. Народъ нашъ, изначала, во всѣ времена Церкви, и Восточной и отечественной, видѣлъ архіереевъ монашествующихъ. Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже въ то время, когда самъ народъ выбиралъ и смѣнялъ архіереевъ, онъ нисколько не возражалъ противъ ихъ монашества, а всегда строго охранялъ его. Онъ видитъ въ этомъ обычаѣ духъ своей православной Церкви, а духъ Церкви составляетъ внутреннѣйшее, коренное основаніе и силу его собственнаго, народнаго духа. Что же было бы, если бы въ настоящее время вдругъ измѣнить это преданіе? Какъ взглянулъ бы народъ нашъ на архіерея изъ семейной жизни, а особенно, если бы допустить архіереевъ женатыхъ? Это въ высшей степени смутило бы народъ; онъ увидѣлъ бы въ этомъ *новшество*, т. е. отступленіе, измѣну Церкви; онъ не призналъ бы такихъ пастырей *своими*, какъ не призналъ такихъ и въ среднія времена, на югозападѣ Россіи. Какъ тогда, видя у себя женатыхъ епископовъ, онъ думалъ лучше обратиться къ римской Церкви, чѣмъ терпѣть такое *сквернѣніе* въ Церкви отечественной(1), такъ и нынѣ отъ этого можно ожидать весьма худыхъ послѣдствій для самой Церкви. Укажемъ на одно: можетъ до крайности увеличиться и усилиться существующій расколъ. Это вовсе не преувеличеніе; надо знать духъ нашего народа, его понятія о церковныхъ дѣлахъ, его готовность возставать за всякое нарушеніе древнихъ священныхъ преданій, чтобы не шу-

(1) См. выше стр. 242—3.

тить никакими перемѣнами въ Церкви, какъ бы благовидны или безразличны сами по себѣ онѣ ни казались. Это будетъ для раскола сильнѣйшимъ поводомъ имѣть свою независимую іерархію, о которой онъ уже такъ давно и усильно заботится. И нынѣ есть у него свои пастыри и—замѣтить надобно—хотя охотно онъ принимаетъ къ себѣ отшедшихъ отъ насъ приходскихъ священнослужителей, но и не думаетъ ставить ихъ у себя епископами безъ монашества; изъ какого бы званія онъ ни признавалъ своихъ учителей и вождей архіереями, онъ признаетъ ихъ не иначе, какъ по постриженіи ихъ въ монашество. Явись въ Церкви православной архіерей женатый, явись въ противоположность ему въ расколѣ самостоятельный архіерей—инокъ: теперь это послѣднее дѣло не имѣетъ никакого достоинства, потому что въ расколѣ—это ложь, не имѣющая даже вида истины; но случись первое: тогда и послѣднее получитъ все свое значеніе. Тогда это въ рукахъ раскола будетъ знаменемъ, которое онъ высоко подниметъ для собранія вокругъ него народа: потому, что это будетъ знамя не только религіозное, но и *народное*, какъ вышедшее изъ народныхъ преданій, попранныхъ въ Церкви православной. Устоитъ ли народъ въ такомъ испытаніи? Удержится ли въ Церкви? Не устремится ли отъ пастырей, *яко не знаетъ чуждаго гласа*, туда, гдѣ будетъ слышаться ему завѣтная, народная *старина*,—*яко вѣдятъ гласъ ея?* Тогда Церковь явно раздѣлится *на ся: а всякъ домъ или градъ, раздѣлившійся на ся, запустѣетъ* (Матѳ. 12, 25).

Въ заключеніе, чтобы исчерпать всю сущность дѣла, нами изслѣдуемаго, поставимъ еще вопросы: какимъ образомъ возникло это возстаніе противъ монашества архіереевъ? По какимъ побужденіямъ? Какой характеръ его? Противники монашества выходятъ изъ двухъ лагерей: изъ духовнаго и свѣтскаго. Намъ горько говорить о первыхъ, хотя и скрывать ихъ не для чего, да и невозможно, потому что о нихъ уже заявлено въ печати, или лучше сказать, они сами себя заявили. И всегда могли быть и были люди, о которыхъ можно было сказать: *изыдоша отъ насъ, но не бѣша отъ насъ*; а въ настоящее время явленіе ихъ менѣе, чѣмъ когда нибудь, удивительно. Когда духъ реформы,

и не въ иномъ какомъ либо смыслѣ, а именно въ либеральномъ, объялъ почти всѣ стороны нашей общественной жизни, съ которою и духовенство довольно близко соприкасается, и не можетъ не воспринимать въ свою сферу ея впечатлѣній: отчасти же этотъ духъ коснулся и непосредственно самого духовенства; когда этотъ духъ, не получивъ съ самаго начала твердаго, опредѣленнаго направленія, только вызвалъ разнообразные, затѣйливые вопросы, а обсужденіе ихъ предоставлено литературѣ, которой вовсе не чужды и духовныя лица, особенно духовно-учебныя заведенія; когда, еще прежде оффиціальнаго объявленія свободы мысли и слова, литература съ разу возстала противъ всего, можно сказать, существующаго порядка вещей, и съ первыхъ же дней своего обновленія приняла направленіе противу вѣры и Церкви и духовенства, какъ бы признавая ихъ главнѣйшими врагами прогресса и препятствіями реформъ, и такимъ образомъ широко растворила у себя двери для всѣхъ слабыхъ и недовольныхъ въ этой области людей, между тѣмъ своевременно никѣмъ и ничѣмъ не была сдержана, и даже какъ будто на безчинство ея противъ вѣры меньше было обращено вниманія, откуда слѣдуетъ, чѣмъ на другія ея стороны; когда самая ученость во многихъ мѣстахъ и изданіяхъ приняла худые, и что хуже всего, не безнамѣренные виды; когда преобразовательныя идеи, для которыхъ старое поколѣніе уже отжило свой вѣкъ, естественно всею силою устремились въ сродную имъ почву, поколѣніе молодое, которое увидѣло въ предполагаемыхъ реформахъ зачатки новой жизни, собственно ему предстоящей, и слѣдовательно сочло своимъ призваніемъ войти въ это дѣло какъ можно дальше и сильнѣе, со всѣмъ свойственнымъ возрасту увлеченіемъ; когда такимъ образомъ по всей Россіи, во всѣхъ слояхъ общества, вспыхнулъ этотъ никогда не виданный дотолѣ въ ней пожаръ головъ, охватившій все ея *старое* зданіе, въ этомъ бурномъ пламени идей, неясныхъ, не сознанныхъ, не подготовленныхъ, а напротивъ совершенно отрицаемыхъ предыдущимъ ея направленіемъ, не управленныхъ въ обществѣ сильными умами и характерами, столь необходимыми въ такія эпохи для общаго блага: удивительно ли, что головни изъ этого

пожара полетѣли и на сторону духовенства, тамъ пали на *сѣно* и всякій хламъ, который и не замедлилъ вспыхнуть? А зданіе духовенства въ Россіи старѣе многихъ другихъ; его основанія, стѣны—крѣпки и не сокрушимы, потому что ихъ составляетъ Церковь: но внутри этого зданія много всякихъ элементовъ, и хорошихъ и худыхъ, и потому тамъ всегда могутъ быть горючіе матеріалы (1 Кор. 3, 12). Такъ и всегда въ Церкви событія міра неизбѣжно отражались. Но—это общія причины: а есть въ духовенствѣ свои, частныя.

Когда въ составъ духовнаго образованія входитъ такое множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, что при изученіи ихъ въ училищахъ нѣтъ никакой возможности, ни времени, ни силъ—вдумываться въ нихъ, и разсудокъ и память обремененные ими, но не способные проникать въ ихъ сущность, удерживаютъ только поверхностныя, отрывочныя свѣдѣнія, не дающія уму твердой основы для его самодѣятельности въ вопросахъ науки и жизни; когда въ духовномъ образованіи цѣлую половину, даже больше мѣста занимаютъ свѣтскія науки, которыя, какъ науки, имѣютъ свои идеи и права, и какъ бы строго ни сдерживались въ предѣлахъ духовнаго ученія, необходимо и естественно стремятся стать въ возможный уровень съ современнымъ развитіемъ ученаго свѣта, внѣ этого ученія, по крайней мѣрѣ требуютъ знакомства съ новыми его идеями; а собственно-духовныя науки, богословскія, составляющія основу и силу духовнаго образованія, являются въ полномъ составѣ уже на концѣ курса и усиливаются укорениться въ почвѣ, уже засѣянной множествомъ разныхъ другихъ знаній, не во всемъ гармонирующихъ съ ними, а нерѣдко и парализующихъ плодотворную силу ихъ; когда, среди окружающаго насъ развитія наукъ, естественныхъ, историческихъ и пр., въ виду разширенія ихъ предѣловъ, обогащенія ихъ новыми открытіями, утвержденія новыхъ понятій и взглядовъ на міръ, духовныя науки остаются неизмѣнными въ своихъ идеяхъ, не подвижными на своихъ основаніяхъ, что составляетъ преимущество вѣчныхъ истинъ, въ нихъ излагаемыхъ, но кажется мертвостію для молодыхъ силъ человѣческаго духа, рвущихся впередъ съ неутолимою

жаждою живыхъ знаній, доколѣ онъ не дознаетъ неутолимости этой жажды безъ вѣры; когда при недостаткѣ самостоятельныхъ трудовъ по духовной учености, происходящемъ не отъ скудости собственныхъ духовныхъ силъ и способностей, не отъ слабости усердія и трудолюбія, а отъ разныхъ постороннихъ, часто неодолимыхъ причинъ, духовное просвѣщеніе вынуждено ограничиваться или старыми, уже отжившими пособіями, или новыми несовершенными, или, что еще хуже—и не странно ли?—вынуждено прибѣгать къ пособіямъ иностраннымъ, и слѣдовательно иновѣрнымъ, въ которыхъ вѣетъ уже не тотъ духъ, какой намъ нуженъ; собственные же опыты, какіе и предпринимаются, остаются—опять не странно ли?—большею частію начатыми и не доконченными: въ такихъ случаяхъ не можетъ ли быть, что человѣкъ и духовный, но легкомысленный, легко усвоитъ себѣ образъ мыслей не-духовный, даже противу-духовный? Когда вся система духовнаго образованія, со всѣми ея предметами, истинами, правилами и порядками, приведена въ такую строгую форму, въ такіе точные размѣры времени, пространства, движенія, что представляетъ въ теоріи, именно въ уставѣ, образцовую дисциплину ума, но такую, которая въ исполненіи не искусномъ, или не одушевленномъ теплотою сердца, дѣйствуя только силою благоустроеннаго механизма, мало оставляетъ мѣста живому, свободному развитію ума путемъ внутреннихъ убѣжденій и самосознательнаго мышленія, и тѣмъ легче отдаетъ его впечатлѣніямъ и увлеченіямъ оттуда, гдѣ ему видится, можетъ быть и не вѣрно, движеніе живой мысли, развитой самодѣятельности, доколѣ искушенный, онъ не познаетъ, *яко и сіе есть крушеніе духа* (Еккл. 1, 17); когда—и это главное—все воспитаніе имѣетъ характеръ болѣе умозрительный, нежели практическій, и высочайшія истины вѣры получаютъ направленіе почти исключительно—догматическое и созерцательное, а сердце, *исходище живота,* а воля—источникъ дѣятельности человѣческой, а нравственный характеръ—не только основа временнаго счастія человѣка, но и залогъ всякаго достоинства и успѣха собственно—церковнаго поприща, къ которому духовное воспитаніе должно приготовить благонадежныхъ дѣятелей,

когда все это—или ограничивается общими правилами нравственности, или обставляется только извѣстными формами и распоряженіями, болѣе учебными, нежели собственно воспитательными, болѣе административными, нежели духовными: и это по необходимости, вслѣдствіе того многосложнаго формализма, который тяготѣетъ надъ училищами, тогда какъ нравственное воспитаніе сердца и воли должно быть попреимуществу оживлено духомъ и внутреннею силою: благочестія. любви, жизни во Христѣ, которая должна быть началомъ и продолженіемъ и концемъ и вѣнцомъ духовнаго воспитанія: не отсюда ли еще скорѣе можно ожидать, что изыдутъ отъ насъ не сущіе отъ насъ и, какъ не привившіеся душею къ жизни во Христѣ, покажутъ себя такъ, какъ бы они и совсѣмъ и никогда отъ насъ не были? Когда въ этомъ тяжеломъ движеніи самыхъ разнообразныхъ ученыхъ работъ, обязанныхъ однакоже выработать единство идеи и духа въ нашемъ духовенствѣ, когда на высотахъ ученаго богословія, въ туманахъ философіи, въ дали исторіи, въ многословіи словесности и т. д., наконецъ въ шумѣ нескончаемой брани со всѣмъ множествомъ религій и философій, ересей и расколовъ, вольнодумствъ и безумствъ—всѣхъ вѣковъ и народовъ, брани, которая сколько преслѣдуетъ ихъ, столько же придаетъ имъ значенія, и тѣмъ ближе, иногда даже слишкомъ, знакомитъ съ ними молодые, впечатлительные умы,—слышны въ школѣ только вопросы ума и науки, но мало слышны вопросы жизни, однакожь неизбѣжно ожидающіе ученика внѣ школы, не ясно слышны и тѣ *глаголы жизни* (Іоан. 6, 68), не внѣшніе, а внутренніе, которые исходятъ изъ глубины Евангелія, когда оно не ученымъ только образомъ изучается, и которыми Христосъ къ Себѣ призываетъ душу, просвѣщаетъ, укрѣпляетъ и утѣшаетъ, не много слышны и тѣ святоотеческіе поученія, близкія къ жизни духовнаго человѣка, болѣе чѣмъ всякаго другаго, полныя глубочайшаго смысла и познанія о мірѣ и человѣкѣ, которыми великіе мужи христіанства такъ мудро напутствуютъ душу къ страшной борьбѣ помысловъ, страстей, искушеній и несчастій, предстоящей всякому человѣку въ жизни: тогда очень можетъ быть, что духовный человѣкъ, даже служи-

тель Церкви, выходя изъ школы въ міръ безъ этихъ могучихъ напутствій, хотя и во всеоружіи богословскихъ знаній, при первой же встрѣчѣ съ искушеніями оказывается не крѣпкимъ, не мужественнымъ, не выдерживаетъ борьбы даже въ самомъ себѣ съ сомнѣніями мужающаго ума, съ вопросами своей развивающейся жизни, и— падаетъ, падаетъ жертвою сколько внѣшнихъ прираженій міра, столько же и собственнаго внутренняго безсилія. Вотъ, когда обдумаемъ и передумаемъ все это, трудно ли будетъ понять и тѣ печальныя явленія, какія представляютъ въ духовенствѣ жертвы общаго современнаго направленія идей и дѣлъ? И это еще не все; есть еще сторона, исключительная въ духовенствѣ, сторона собственно практическая. При сословной исключительности духовенства, при родовой наслѣдственности его званія, служеніе Богу и Церкви исполняется не тѣми по преимуществу (а должно бы быть исключительно), кто сознаетъ и обнаруживаетъ въ своемъ духѣ, въ своей жизни особенное къ тому расположеніе, живую преданность вѣрѣ, способность къ жизни духовной, словомъ то, что называется призваніемъ, а только тѣ, кто родился въ духовномъ званіи. И вотъ отцы, съ первыхъ же лѣтъ своихъ дѣтей, еще прежде надлежащаго развитія ихъ смысла, понятій, способностей, свойствъ душевныхъ, сдаютъ ихъ въ духовныя училища. Представимъ себѣ, что воспитанникъ по природѣ не имѣетъ расположенія къ духовному званію, что онъ вовсе не способенъ къ нему, что онъ имѣетъ склонности и свойства, даже не соотвѣтствующія ему: вступивъ въ училище, онъ скоро чувствуетъ, сперва инстинктивно, потомъ сознательно, а наконецъ нетерпѣливо, что духовное назначеніе ему вовсе не сродно. Каковы должны быть мысли и чувства такого воспитанника? Каково все нравственное состояніе? Онъ скоро начинаетъ всѣмъ тяготиться; духовныя науки, чѣмъ дальше онъ въ нихъ идетъ, тѣмъ болѣе кажутся ему тяжелы, не понятны, скучны, не удовлетворительны для ума, и наконецъ это переходитъ въ неодолимое къ нимъ отвращеніе; въ душѣ его возникаетъ жестокая борьба склонностей и обязанностей; духовная дисциплина кажется ему нестерпимою, училищное содержаніе несноснымъ, наставники

отсталыми, исключая тѣхъ, въ которыхъ онъ угадываетъ духъ не очень духовный, начальство враждебнымъ, страшнымъ и ненавистнымъ. Холодный и не внимательный къ священнымъ предметамъ своего званія, къ самой вѣрѣ и Церкви, онъ съ болѣзненною жаждою бросается къ свѣтской литературѣ и слѣпо, безъ разбора впиваетъ въ себя ея мутныя идеи. Долго онъ скрываетъ въ себѣ это совершенное нерасположеніе къ своему званію, по страху и по свойственной духовному сословію нерѣшительности, хотя и не долго лицемѣритъ въ своихъ занятіяхъ и въ нравственномъ поведеніи; и наконецъ раскрываетъ свою душу, со всѣми ужасами легкомыслія, нравственной порчи, раздраженія, тогда, когда уже зашелъ далеко на пути своего самовоспитанія, когда его уже нельзя перевоспитать. Тогда взоръ его обращается къ будущему: тамъ представляется ему жизнь священнослужителя, со всѣми трудами, лишеніями, скорбями, представляется игомъ не выносимымъ, которое судьба какъ будто насильно хочетъ наложить на него, угрожая подавить имъ его и сдѣлать навсегда несчастнымъ; онъ пугается и отвращается и, едва докончивъ курсъ наукъ, а часто и не докончивъ, спѣшитъ на свѣтскіе пути: такимъ образомъ онъ бросаетъ свое званіе, совершенно понапрасну потерявъ время, разстроивъ душу, издержавъ способы воспитанія въ духовномъ училищѣ. Этого мало: онъ является открытымъ врагомъ всѣхъ духовныхъ порядковъ, а иногда и Церкви и вѣры. И онъ не стыдится, даже хвалится своею враждою. Но нерѣдко неприготовленность къ свѣтскому званію по воспитанію, скудость матеріальныхъ средствъ, недостатокъ нужной помощи на свѣтскомъ поприщѣ, и разныя другія причины удерживаютъ его въ духовномъ званіи: и онъ оканчиваетъ здѣсь полный курсъ ученія и — не ужасно ли это?—такой человѣкъ дѣлается служителемъ Церкви! Тогда онъ остается въ душѣ тайнымъ врагомъ духовнаго управленія, а въ жизни явно представляетъ зрѣлище тѣхъ несчастій въ духовенствѣ, которыя вызываютъ въ мірѣ не сожалѣніе, а укоризны и отвращеніе (1).

(1) Въ № 22 Современной лѣтописи текущаго года, въ статьѣ: «Изъ деревни» замѣчено, что «нынѣ *молодые священники вообще*

Мы слышимъ вопросъ: для чего же духовныя начальства удерживаютъ такихъ воспитанниковъ въ своихъ училищахъ? Почему не исключаютъ? Исключаютъ, и конечно слѣдовало бы безотлагательно исключать всѣхъ такихъ непризванныхъ, сколько бы ихъ ни оказывалось: но по разнымъ причинамъ и разными способами хотя не многіе изъ нихъ здѣсь остаются, а нѣкоторые, болѣе даровитые, иногда доходятъ даже до высшихъ курсовъ ученія и выходятъ съ учеными степенями. Объяснять это теперь было бы долго, да и не нужно; укажемъ на одно главное обстоятельство: это—господствующая мысль о необходимой, обязательной преданности своему званію, по идеѣ высокой и священной важности его, всякаго человѣка, самымъ рожденіемъ предназначаемаго къ нему; а отсюда мысль—дѣлать всѣхъ *своихъ* духовными—во что бы ни стало.

Не говоримъ уже о внѣшнемъ состояніи духовенства, особенно сельскаго, именно о матеріальныхъ способахъ его жизни. Это состояніе, дѣлая священнослужителя отъ колыбели жертвою вопіющей скудости, нравственнаго и общественнаго униженія въ собираніи средствъ къ своему содержанію, не обезпеченія въ болѣзни, старости, посмертномъ сиротствѣ его семейства, вынуждаетъ и лучшихъ представителей духовенства, степенныхъ и преданныхъ своему званію, быть не равнодушными къ своему положенію; а менѣе спокойныхъ духомъ, болѣе свободно мыслящихъ, не менѣе другихъ причинъ гонитъ изъ духовнаго званія и дѣлаетъ врагами его. Съ этой стороны большею частію и начинается вражда.

Изъ всего сказаннаго нами кажется видно, какимъ образомъ въ духовенствѣ могъ возникнуть протестъ противъ монашества. Кромѣ собственной нетвердости духа, при такой общей системѣ управленія, которая всю силу полагаетъ въ начальствѣ и только въ начальствѣ, и поэтому всю отвѣтственность, почти не ограниченную, возлагаетъ на начальство, очень естественно, что подчиненные

весьма прогрессивны; они удивительнымъ образомъ умѣютъ сочетавать *самый чиновничій взглядъ на свое призваніе съ самыми волѣнодумными выходками*».—Будемъ по крайней мѣрѣ надѣяться, что такихъ на дѣлѣ не очень много.

всего ждутъ только отъ начальства, и при не исполненіи ожиданій, обвиняютъ во всемъ начальство. Во главѣ духовенства, по училищному, епархіальному и обще-церковному управленію, стоитъ монашество. При тѣхъ недостаткахъ въ духовно-училищномъ устройствѣ, и вообще въ состояніи нашего духовенства, какія мы указали и какихъ не указывали, что же удивительнаго, что не довольные, явные или тайные враги своего званія и воспитанія, пользуясь обстоятельствами времени, возстали противъ управляющаго ими сословія? И эта вражда не новая; это, можно сказать, хроническая болѣзнь въ разныхъ членахъ духовенства; обнаруженіе ея можно было давно предвидѣть. Но можно ли эту вражду оправдывать? Нѣтъ! Она понятна, но не справедлива. Само собою разумѣется, что монашество вноситъ и въ училища и во все духовное управленіе свой духъ: но какой это духъ? Это строгій духъ Церкви, въ идеяхъ, правилахъ жизни, порядкахъ управленія; это духъ, который не даетъ хода либеральнымъ идеямъ, не терпитъ современнаго направленія литературы, утверждаетъ въ духовномъ кругу начала Евангелія, а не міра, требованія Церкви, а не свѣтскаго общества; который проповѣдуетъ служителю вѣры борьбу съ міромъ, а не дружество, налагаетъ на него крестъ, требуемый Спасителемъ, а не сокровища міра, которыхъ и сама Церковь не имѣетъ; внушаетъ и поддерживаетъ строгую дисциплину, а не вольность, сказать коротко: противится всякому *либерализму* въ Церкви. Справедливо ли такое направленіе? Если справедливо, за что же вражда противу монашества? Однакожь неужели, скажутъ намъ, начальники изъ бѣлаго духовенства не стали бы требовать этого? Конечно могутъ и должны требовать того же; но у тѣхъ, которые не довольны существующимъ порядкомъ, есть убѣжденіе, что такой духъ, такое направленіе есть исключительная принадлежность монашества; они думаютъ, что начальство бѣлое было бы гораздо гуманнѣе и вообще *современнѣе* чернаго, разумѣя здѣсь то, что болѣе внесло бы въ учебныя заведенія и во все духовенство жизни (мірской), теперь тамъ стѣсняемой монашествомъ, свободы въ духѣ и во внѣшнемъ быту, въ развитіи наукъ, во взаимныхъ отношеніяхъ властей и подчинен-

ныхъ, сблизило бы духовныхъ съ обществомъ, вообще не было бы такъ замкнуто въ самомъ себѣ и въ церковности, и—уничтожило бы тотъ духъ аскетизма, который теперь подъ управленіемъ монаховъ признается главнымъ началомъ мысли и жизни въ учебныхъ заведеніяхъ и въ духовенствѣ. Словомъ, монашество считается помѣхою *прогресса* въ этомъ сословіи; бѣлое духовенство считается почему-то *не помѣхою*. Можетъ быть и есть причины такого понятія о бѣломъ духовенствѣ; можетъ быть уже высказались въ этомъ родѣ нѣкоторые изъ среды его, конечно изъ такихъ, о какихъ мы говорили выше. Но мы убѣждены, что въ отношеніи къ большей и лучшей части бѣлаго духовенства такое понятіе—ошибка, имѣющая только одно основаніе—недостатокъ опытовъ по этой части, которые дали бы возможность сравнивать его управленіе съ монашескимъ. Есть и въ бѣломъ духовенствѣ оппозиція противъ управленія монашества; но причины этому—другія, совершенно сословныя, весьма понятныя въ людяхъ, управляемыхъ *не ихъ* сословіемъ. А если бы бѣлое духовенство, поставленное во главѣ, стало развивать тѣже начала, т. е. строгія начала Церкви, которыя теперь поддерживаетъ монашество? Что—тогда? Тогда безъ сомнѣнія вся вражда съ монашества перешла бы на бѣлое духовенство и даже могла бы быть сильнѣе, потому что къ тѣмъ причинамъ, по которымъ теперь недовольны монашествомъ, присоединились бы еще многія другія, которыя въ монашествѣ не существуютъ. Да и теперь при случаѣ высказываются мысли, что духовныя училища гораздо лучше бы подчинить прямо свѣтскимъ лицамъ. . . .

Намъ могутъ возразить, что если монашество вноситъ такой строгій и высокій духъ въ духовное образованіе и управленіе, отъ чего же происходятъ тѣ важные недостатки, какіе указаны нами выше въ духовныхъ училищахъ? И если эти недостатки существуютъ, какая же польза отъ монашества? Мы отвѣтимъ, что тѣ недостатки происходятъ отъ системы, а не отъ лицъ или отъ сословія начальствующихъ: они—только исполнители системы, которая для нихъ также обязательна и не перекаема, въ качествѣ дѣйствующаго закона, какъ и для воспитанниковъ. Поэтому, если бы и лица во главѣ училищъ перемѣнились и цѣлое сосло-

віе уступило бы мѣсто другому, но если система останется таже, то и послѣдствія будутъ тѣже (1). А и въ системѣ едвали можно прямо винить кого нибудь. Системы ученія и управленія созидаются вѣками, исторіею, стеченіемъ обстоятельствъ, связію причинъ, которымъ невольно подчиняются и самые составители системъ. Система духовно-учебнаго воспитанія создалась въ настоящемъ видѣ если не вѣками, то по крайней мѣрѣ полуторастолѣтіемъ. Ея основа положена въ началѣ прошедшаго столѣтія, средина утверждена въ началѣ нынѣшняго, а послѣднія прибавленія сдѣланы въ послѣднее тридцатилѣтіе; поэтому въ системѣ этой видны слѣды самыхъ разнообразныхъ вліяній, понятій, видовъ, отъ схоластики, латыни и иностранной учености—начала прошедшаго столѣтія, отъ органическаго устава—начала текущаго столѣтія, до медицины и сельскаго хозяйства сороковыхъ годовъ. Въ практикѣ тоже разнообразіе элементовъ. Монашеству приписывается монополія въ духовномъ воспитаніи и управленіи: вслѣдствіе сего духовное образованіе, а за нимъ и управленіе обыкновенно упрекаютъ въ излишней замкнутости, въ исключительной духовности, въ разобщеніи съ гражданственностію; но это—ошибка. Напротивъ, здѣсь есть стороны, нарушающія самососредоточенность и отворяющія двери *къ міру,* чрезъ которыя и происходитъ близкое общеніе съ нимъ, даже можетъ быть болѣе, чѣмъ думаютъ. Не говоря уже о свѣтскихъ наукахъ, парализующихъ въ духовномъ образованіи, при неосторожномъ направленіи, науки собственно духовныя, въ самой жизни духов-

(1) По нашему мнѣнію никакія преобразованія въ духовныхъ училищахъ не будутъ состоятельны и успѣшны, до тѣхъ поръ, пока не будутъ ясно, отчетливо и положительно рѣшены слѣдующіе вопросы: 1) должны ли эти училища быть спеціальными, или универсальными по образованію? 2) Должны ли они быть сословными, или общедоступными? 3) Должны ли быть обязательными для духовнаго званія, или свободными? 4) Должны ли быть заведеніями только учебными или воспитательными? 5) Должны ли быть церковными или церковно-государственными? 6) Должно ли образованіе въ нихъ быть преимущественно догматическое и классическое, или болѣе практическое и положительное? Наконецъ 7) управленіе ихъ должно ли быть формально-административное, или болѣе духовное, чисто-нравственное?

ныхъ училищъ есть элементъ совершенно свѣтскій. Наставникамъ ихъ даны гражданскія права, служба ихъ считается государственною: поэтому многіе изъ нихъ, не намѣреваясь занимать въ послѣдствіи мѣста священнослужителей, оставляютъ свое духовное званіе, облекаются въ гражданскіе чины и однакожь остаются на службѣ при духовныхъ училищахъ. Это очень полезно для такихъ лицъ, но полезно ли и нужно ли для духовнаго воспитанія? Это—другой вопросъ. Какимъ образомъ эти люди, по расположенію или по неспособности отрекающіеся отъ служенія Церкви, могутъ руководить къ сему служенію другихъ? А они преподаютъ не свѣтскія только науки духовнымъ воспитанникамъ, но и часто—духовныя, даже собственно богословскія. Какія идеи и начала будутъ проводить они, когда сами въ собственныхъ лицахъ показали духъ уже не церковный, а свѣтскій? Не будетъ ли ихъ вліяніе, такъ или иначе, намѣренно или не намѣренно, парализовать вліяніе духовное, принадлежащее и по обязанности, и по праву, и по сану, лицамъ начальствующимъ, т. е. монашествующимъ? Безспорно, что свѣтскіе наставники могутъ быть люди очень почтенные по образу мыслей и жизни и вполнѣ благонамѣренные: но, говоря вообще, они уже вышли изъ сферы духовной, уже измѣнили своему назначенію; они уже принадлежатъ обществу свѣтскому, съ его принципами, а не клиру Церкви. Воспитанникамъ они—*не могутъ, не должны* быть образцами въ духовномъ назначеніи: а между тѣмъ они—примѣры въ глазахъ. Что сказали бы въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, если бы священниковъ или монаховъ поставить тамъ преподавателями свѣтскихъ наукъ? Возраженіямъ конца бы не было; это признавалось бы іезуитствомъ, подавленіемъ просвѣщенія, и т. д. Даже теперь законоучители—священники подвергаются тамъ всевозможнымъ ограниченіямъ, за тѣмъ, что свѣтскіе воспитанники имѣютъ свѣтское, а *не духовное* назначеніе. Тамъ такъ разсуждаютъ. Почему въ духовныхъ иначе? Именно потому, что многіе изъ духовныхъ воспитанниковъ учатся въ своихъ училищахъ и оканчиваютъ курсъ совершенно вопреки своимъ склонностямъ: не приготовленные къ свѣтской службѣ и не расположенные къ духовному званію, они-то и оставляютъ

послѣднее, не оставляя службы при духовныхъ училищахъ. При такихъ элементахъ странно ли, что въ самыхъ училищахъ духовныхъ проявляется иногда что-то не духовное, не церковное, развивается и оппозиція противъ монашества? И можно ли винить монашество въ несостоятельности духовно-учебной части, когда тутъ же, рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ въ этой части такія разрозненныя силы и начала? А духу чуждому изъ міра проникать сюда такимъ путемъ очень удобно.

Еще съ другой стороны является свѣтскій элементъ въ духовномъ образованіи и въ управленіи: со стороны самой власти. Не одна духовная власть управляетъ духовенствомъ и его училищами: весьма обширное и сильное участіе тутъ принимаетъ власть свѣтская. Духовно-учебное управленіе—въ высшей инстанціи—состоитъ изъ свѣтскихъ лицъ, не духовнаго происхожденія и образованія; исполнительная и наблюдательная власть, также въ высшей инстанціи,—по всему духовному вѣдомству, начиная съ Св. Синода, принадлежитъ лицу государственному. Эта власть не вноситъ въ духовное образованіе и управленіе никакихъ свѣтскихъ идей и началъ: она сама строго охраняетъ начала и идеи духовныя; она сама служитъ Церкви, только со стороны государства; ея назначеніе—высшее наблюденіе въ духовенствѣ существующихъ законовъ, внѣшняя его администрація, содержаніе, посредство между Церковію и государствомъ. Но—она раздѣляетъ право и силу духовнаго управленія; духовенство всѣхъ степеней, не исключая высшихъ и начальствующихъ, имѣетъ къ ней свои обязательныя отношенія; тѣ свѣтскіе наставники духовныхъ училищъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, находятся въ полномъ распоряженіи этой власти, равно и тѣ, которые остаются въ духовномъ званіи, только не имѣютъ духовнаго сана; чрезъ нее духовныя училища дѣлаются уже не церковными только, но и церковно-государственными, и самое управленіе духовенства—такимъ же. Конечно такъ нужно, по нераздѣльной связи Церкви съ государствомъ и по принятой идеѣ взаимныхъ между ними отношеній. Но при такихъ условіяхъ монашество имѣетъ значеніе въ духовномъ образованіи и управленіи далеко не исключительное, силу, далеко не неограниченную, какъ многіе думаютъ и—обвиняютъ

его; духовное образованіе и все устройство не такъ далеко отъ міра, не такъ и сосредоточено въ самомъ себѣ, какъ кажется. Монашество—только отвѣтственно; потому что ему вручены ключи и стража духовныхъ сокровищъ Церкви. За что же возставать противъ него? За то развѣ, что оно *слишкомъ* крѣпко держитъ эти ключи и стражу и не допускаетъ татей, своихъ или чужихъ, подкапываться и расхищать эти сокровища?

Со стороны свѣтской, внѣ духовенства, одни къ монашеству относятся безразлично, по самой простой причинѣ—по совершенному равнодушію къ Церкви и дѣламъ ея. Для нихъ вопросы церковные, какъ и вообще религіозные, не существуютъ... Другіе, болѣе серіозные, здравомыслящіе и благонамѣренные люди, преданные вѣрѣ, твердые въ духѣ Церкви, при общемъ уваженіи къ духовенству, не скрываютъ своего предпочтенія монашества; для такихъ людей всякій либерализмъ въ Церкви противенъ и возмущаетъ ихъ совѣсть. Замѣтимъ, что мы здѣсь имѣемъ въ виду людей образованныхъ: совершенно вопреки мнѣнію либераловъ, эти люди высоко цѣнятъ монашество. Изъ людей менѣе серіозныхъ, однакожъ не вольномыслящихъ, противъ монашества голосъ подаютъ тѣ, которые судятъ о духовныхъ дѣлахъ, не имѣя о нихъ вовсе никакого понятія, или имѣя понятіе не ясное, и судятъ только или по частнымъ сторонамъ въ духовенствѣ, или по смѣшенію этихъ дѣлъ съ народными (1). Возстаніе противъ монашества по управленію церковныхъ дѣлъ рѣзко обнаруживается только въ кругу извѣстныхъ у насъ въ послѣднее время мечтателей—преобразователей, положившихъ себѣ задачу—преобразовать въ Россіи все, что несходно съ извѣстными ихъ началами и стремленіями. Дѣйствительно, крики противъ монашества архіереевъ соединяются и по времени и по существу дѣла со всѣми другими замыслами прогрессивныхъ людей. Сюда относятся: безграничная свобода совѣсти, безусловное равенство всѣхъ вѣроисповѣданій, уничтоженіе церковнаго суда, устраненіе духовенства отъ народнаго

(1) Статьи такого рода въ наше время стали нерѣдко появляться въ журналахъ, напр. въ Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ, Сынѣ отечества, Днѣ и пр.

образованія, и т. д. Общая и главная мысль всѣхъ этихъ стремленій понятна: хочется парализовать, т. е. ослабить, обезсилить, а если можно и совсѣмъ уничтожить вліяніе Церкви на жизнь народную. Какъ это сдѣлать? Разумѣется—надо уничтожить тѣ опоры, на которыхъ сила Церкви держится, тѣ проводники, черезъ которые вліяніе ея особенно сильно проходитъ въ народъ, тѣ порядки и учрежденія, которыми авторитетъ Церкви ограждается. Это и есть монашество, и преимущественно—монашество въ архіерействѣ. А что наше толкованіе не ложно, довольно припомнить, какъ въ извѣстныхъ прокламаціяхъ къ народу помѣщалось между прочимъ и уничтоженіе монашества. На бѣлое духовенство и сами прогрессисты смотрятъ проще, какъ на сословіе на половину духовное, на половину мірское, и вообще, зная его общественное положеніе, гораздо меньше боятся его въ своихъ видахъ, чѣмъ монашества. Но то несомнѣнно, что и уничтоженіе монашества не остановило бы ихъ; они бы пошли еще дальше—и потребовали бы уничтоженія всего духовенства, какъ священства, въ каноническомъ смыслѣ, а за тѣмъ—уничтоженія Церкви. Они пожелали бы водворить въ Россіи начала протестантскія, или, еще вѣрнѣе сказать, кальвиническія, гдѣ священнослужитель есть ничто иное, какъ только христіанскій проповѣдникъ, гдѣ все его служеніе состоитъ въ томъ, чтобы сказать нравоучительную проповѣдь; а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: cujus est regio, ejus religio. Такимъ образомъ возстаніе противъ монашества съ теченіемъ времени можетъ вызвать Россію не менѣе, какъ на внутреннюю борьбу за свою вѣру. Не дай Богъ видѣть ужасовъ такой борьбы: исторія даетъ знать, что значитъ такая борьба.

Еще одно замѣчаніе. Въ нашей литературѣ высказана такая мысль, что «если въ старое время не откуда было брать епископовъ, какъ только изъ монашества, то *правъ ли такой взглядъ въ настоящее время,* предоставляется судить—читателямъ», (журналовъ). . . , т. е. просто сказать—всякому. Къ сему присовокупляется, что «вопросъ о монашествѣ архіереевъ во всякомъ случаѣ никакъ не можетъ быть разрѣшенъ однимъ распоряженіемъ *власти,* не говоря уже свѣтской, даже и духовной;

что не желалось бы разрѣшенія его *административнымъ* порядкомъ ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ направленіи» (1). Тутъ во 1-хъ, есть величайшія странности (если не сказать болѣе) въ мысляхъ, а во 2-хъ, эти мысли, какъ всякое заблужденіе, сами собою натыкаются на камни, о которые должны неизбѣжно разбиться въ конецъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь рѣшеніе вопроса такъ легко предоставляется читателямъ на основаніи однихъ журнальныхъ свѣтскихъ статей, какъ будто бы вопросъ объ архіерействѣ былъ самъ по себѣ не болѣе, какъ вопросъ журнальный и газетный, хотя извѣстно, что и въ какихъ нибудь мірскихъ дѣлахъ не скоро слѣдуетъ полагаться на газеты и журналы,—итакъ этотъ вопросъ—*вопросъ времени:* не болѣе! Слѣдовательно, если онъ прежде былъ понимаемъ *такъ*, нынѣ онъ можетъ быть, и безгрѣшно, понятъ—*иначе,* въ будущемъ—*совсѣмъ иначе:* а почему? На какомъ основаніи? Да просто—потому, что прежнее время было *прежнее*, нынѣшнее есть *нынѣшнее*, а будущее будетъ *будущимъ*. По крайней мѣрѣ другихъ основаній мы тутъ не видимъ. Но, говоря по совѣсти, можно ли такъ недобросовѣстно шутить подобными вещами? Если только время или духъ времени долженъ быть основою для дѣлъ церковныхъ, что будетъ въ нихъ прочно? Во что обратится сама Церковь? И будетъ ли она Церковію, будетъ ли даже существовать на землѣ? Церковь при такихъ условіяхъ, съ ея ученіемъ, правилами, цѣлями, духомъ, потеряетъ весь свой истинный характеръ; она обратится въ учрежденіе временное, слѣдовательно не постоянное, измѣнчивое; она перестанетъ быть духовнымъ учрежденіемъ, царствомъ не отъ міра, сдѣлается учрежденіемъ земнымъ, человѣческимъ и сольется съ гражданскимъ обществомъ, т. е. уничтожится. Гдѣ же будетъ спасеніе? Гдѣ Евангеліе Христово и гдѣ искупленіе? Пусть не обвиняютъ насъ въ преувеличеніи слѣдствій, какъ будто бы Церковь падетъ—именно отъ смѣны монашества; мы не то говоримъ: мы указываемъ слѣдствія изъ тѣхъ *основаній,* началъ, какія полагаются для рѣшенія дѣлъ Церкви; мы—въ частности—имѣемъ въ виду теперь не монашество, а архіерейство. Епископство есть первый камень

(1) *День,* № 30. 1862. стр. 3. и примѣчаніе редакціи.

послѣ апостольства, на томъ краеугольномъ камнѣ, который лежитъ въ самомъ основаніи Церкви и есть—Христосъ: *основанія же иного никтоже можетъ положити* (1 Кор. 3, 12). Или *у насъ* думаютъ положить *свое* основаніе Церкви? Если же и вторичный камень, епископство, думаютъ передвигать по своему въ разныя стороны, класть его разными способами, обсѣкать его на разные виды, сообразно духу времени, что будетъ съ Церковію? Устоитъ ли она? Не будетъ ли и она колебаться? А можетъ быть только то и желательно для нынѣшняго времени..... Но ясно, отъ чего происходятъ такія мнѣнія и сужденія: отъ неточнаго понятія о предметѣ, о которомъ разсуждаютъ. Съ одной стороны думаютъ, что архіерейство есть не что иное, какъ своего рода администрація и больше ничего, и какъ администрація, можетъ и должно быть *современно* всякому времени; съ другой воображаютъ, что монашество есть только форма архіерейства, и какъ форма, она случайна и потому можетъ быть и должна быть по времени измѣнена. До такой степени мало наши просвѣщенные люди проникнуты духомъ Церкви! Мы уже объясняли выше и теперь повторяемъ, и пусть убѣдятся всѣ и твердо помнятъ, что архіерей не есть только администраторъ; онъ прежде всего—евангельскій пастырь, пастырь душъ, пастырь Церкви и лице—въ высшемъ смыслѣ и по преимуществу духовное, духовное болѣе, нежели всякій другой священнослужитель, потому что такова въ высшей идеѣ сама Церковь, которой епископъ есть главный и полный представитель. Церковная администрація должна быть уже только развитіемъ этой внутренней, существенной стороны архіерейства. Какимъ же образомъ вопросъ о духовномъ пастырствѣ можетъ быть рѣшенъ, какъ даже можетъ быть только предоставленъ—рѣшенію времени? Развѣ это пастырство, состоящее въ спасеніи душъ, имѣетъ или можетъ имѣть основанія какія нибудь преходящія, начала измѣняемыя? Развѣ единственное основаніе его, Евангеліе Христово, не одно для всѣхъ временъ? И монашество есть форма архіерейства только въ отношеніи къ его священству: такъ какъ и безъ монашества можетъ быть священство; но въ отношеніи къ пастырской дѣятельности архіерея монашество составляетъ не форму только, а духъ,

внутреннюю и нравственную силу его. Неужели же духъ, внутренняя, нравственная сила архіерейства должна зависѣть отъ духа времени? Это скорѣе будетъ безсиліе, чѣмъ сила, потому что не будетъ духъ архіерейства имѣть въ самомъ себѣ устойчивости; его пастырство будетъ не внутреннюю силу свою развивать, а опредѣляться въ своихъ дѣйствіяхъ внѣшними обстоятельствами. Архіерей будетъ слѣдовательно не образъ Христа, не служитель Его, не преемникъ апостоловъ, а—чадо вѣка. Какое же будетъ тогда въ Церкви пасеніе стада Христова? это будетъ не пасеніе, а только блужданіе по стихіямъ міра и по волнамъ времени. Но такъ какъ монашество, по своему духу, правиламъ, цѣлямъ, само въ себѣ независимо отъ всякаго преходящаго времени и стоитъ внѣ міра: то Церковь и соединила съ архіерействомъ монашество, именно для того, чтобы епископъ въ своемъ духѣ и въ своемъ дѣлѣ, т. е. пасеніи душъ, былъ совершенно независимъ отъ всякаго духа времени. Да наконецъ: гдѣ, въ чемъ мы найдемъ критерій времени относительно архіерейства? Въ требованіяхъ развивающейся жизни *міра?* Но какой жизни? Если нравственной: то будутъ уже не пастыри пасти овецъ, а овцы—пастырей. А если эта жизнь идетъ и развивается не по Евангелію, а напротивъ? Неужели и пастыри должны идти туда же? Или жизни внѣшней, т. е. общественной? Но тогда уже не въ Церкви, а въ мірѣ должно искать спасенія! Или критерій надо видѣть въ общемъ мнѣніи? Такъ! Въ вопросѣ объ архіерействѣ литература наша устраняетъ всякое административное участіе: «не желали бы, говорятъ, разрѣшенія его административнымъ порядкомъ ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ направленіи»! И очень серіозно прибавляютъ, что этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ *и не можетъ быть* никакъ рѣшенъ распоряженіемъ власти, не только свѣтской, даже *и духовной!* Если такъ, то слѣдуетъ, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ общимъ мнѣніемъ, т. е. самимъ обществомъ, или всѣмъ народомъ. Но конечно согласятся, что этотъ вопросъ прежде всего духовный, а не свѣтскій, церковный, а не мірской? Стало быть рѣшить его должна сама *Церковь:* гдѣ же Церковь? Развѣ Церковь существуетъ безъ церковной власти,

или внѣ ея? Развѣ Церковь—демократія? Развѣ церковные вопросы когда нибудь рѣшались помимо духовной администраціи? До чего можетъ дойти легкомысліе и совершенное непониманіе дѣла! Выборъ *лицъ* (духовныхъ) конечно можетъ принадлежать и принадлежалъ нѣкогда обществу, хотя и тутъ вовсе не было демагогіи, и тутъ имѣла свое мѣсто администрація: но теперь у насъ дѣло идетъ не о лицахъ и не о выборахъ, а о самыхъ *принципахъ* іерархіи: гдѣ же нашли, чтобы церковныя дѣла въ самыхъ принципахъ рѣшались обществомъ, да еще безъ администраціи? Такое рѣшеніе принадлежало всегда соборамъ, а въ высшихъ принципахъ—даже вселенскимъ соборамъ. Но уступимъ на время: положимъ, что дѣло рѣшается Церковію мимо власти, порядкомъ совершенно не административнымъ, а общимъ голосомъ: однако общество (понимая здѣсь даже лучшее общество) не составляетъ еще Церкви и вопросъ не одного его касается; стало быть нужно предоставить его *народу*, тѣмъ болѣе, что литература сама доказываетъ превосходство древняго избранія архіереевъ именно тѣмъ, что въ немъ участвовалъ весь народъ. Хорошо! Предоставимъ народу высказать свои мысли: онъ и не замедлитъ высказать ихъ; но безъ сомнѣнія выскажетъ такъ, какъ будутъ требовать его вѣковыя преданія, его народный духъ, его религіозная совѣсть, его понятіе о Церкви, его убѣжденія въ православіи отечественномъ! Только нашимъ свѣтскимъ литераторамъ и всѣмъ, такъ называемымъ, передовымъ людямъ времени совѣтуемъ при этомъ не навязывать народу *своихъ* мыслей: это будетъ уже не добросовѣстно и противно ихъ же началу—свободѣ убѣжденій! Намъ даже представляется, что это было бы и не безопасно со стороны самого народа.... И они серіозно думаютъ, что народъ нашъ рѣшилъ бы дѣло архіерейства именно такъ, какъ они предполагаютъ? Онъ непремѣнно потребуетъ отмѣны въ архіерействѣ монашества? Предпочтетъ бѣлое и даже женатое архіерейство? Перестаньте обольщаться; перестаньте навязывать народу ваши собственныя мнѣнія и слагать на него ваши затѣи! Народъ не только не ищетъ такой перемѣны въ іерархіи, но и не думаетъ о ней, и непремѣнно, будьте въ томъ увѣрены, противъ нея: почему? Потому во 1-хъ, что ему въ

такой перемѣнѣ не предстоитъ никакой надобности; а во 2-хъ, потому, что духъ нашего народа есть—духъ Церкви: послѣдняго онъ не перемѣнитъ въ себѣ, потому что не измѣнитъ никогда собственному, народному духу. Вотъ камень, на который, какъ мы замѣтили, ложное мнѣніе само собою натыкается и разбивается. И да падетъ такимъ образомъ всякая ложь въ благовѣрной Россіи!

